

2023

Volume 9

No 1 (33)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2023

Том 9

№ 1 (33)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 138 с. Тираж 40 экз. Свободная цена. Заказ № 23040. Дата выхода в свет 31.03.2023. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPa (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- С. В. Алоэ** – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)
Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)
Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)
И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)
В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)
И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)
Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)
И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)
А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)
Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Pechenkin N. M., Turiev V. E.**

Formation of the worldview of young people in the digital environment 6

Stepanov M. A.Some questions of the semantic content of the concept of "revolution"
in the political discourse of Russia at the present stage..... 18**Tsoi L. N.**

Globalization as a threat to Russia's National Security..... 32

SOCIOLOGY**Kozlova N. N., Rassadin S. V.**

Paternal Communities in Modern Russia: Discourses and Practices..... 44

Kuchmaeva O. V., Rostovskaya T. K.Russian-Turkish marriages in the context of the formation of a new world order:
research methodology..... 58**Malyshev A. G.**Institutional Forms of Support for Involved Fatherhood (on the Example
of the "Father-groups" in social service system of St. Petersburg)..... 70**Semyonova V. G., Sabgayda T. P., Zubko A. V., Evdokushkina G. N.**Loss among the Russian working-age population during stable and crisis
periods in the context of the major risk factors 84**Simonova I. A., Shvetsova A. V., Krivoshchekova M. S.**"Like Behind a Stone Wal": Involved Fatherhood in the Context of Maternal Self-
Realization Opportunities 102**PHILOLOGY****Talitskaya A. A., Berezina P. S.**Semantic features of the lexico-semantic group "Fishes" in Russian
(in comparison with Czech)..... 114**Talitskaya A. A., Kasatkina Y. V.**Semantic features of the lexical-semantic group "Birds" in the Russian language
(in comparison with the Czech language)..... 126

ПОЛИТОЛОГИЯ**Печенкин Н. М., Туриев В. Э.**

Формирование мировоззрения молодежи в цифровой среде 6

Степанов М. А.Некоторые вопросы семантического содержания понятия «революция»
в политическом дискурсе России на современном этапе 18**Цой Л. Н.**

Глобализация как угроза национальной безопасности России 32

СОЦИОЛОГИЯ**Козлова Н. Н., Рассадин С. В.**

Отцовские сообщества в современной России: дискурсы и практики 44

Кучмаева О. В., Ростовская Т. К.Российско-турецкие браки в условиях становления
нового мирового порядка: методология исследования 58**Мальшев А. Г.**Институциональные формы поддержки вовлеченного отцовства
(на примере «папа-групп» системы социального обслуживания
Санкт-Петербурга) 70**Семенова В. Г., Сабгайда Т. П., Зубко А. В., Евдокушкина Г. Н.**Потери трудоспособного населения России в стабильный
и кризисный периоды в контексте основных факторов риска 84**Симонова И. А., Швецова А. В., Кривошекова М. С.**«Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте
возможностей материнской самореализации 102**ФИЛОЛОГИЯ****Талицкая А. А., Березина П. С.**Семантические особенности лексико-семантической группы «Рыбы»
в русском языке (в сопоставлении с чешским языком) 114**Талицкая А. А., Касаткина Ю. В.**Семантические особенности лексико-семантической группы «Птицы»
в русском языке (в сопоставлении с чешским языком) 126

Formation of the worldview of young people in the digital environment

N. M. Pechenkin^{1,2}, V. E. Turiev²

¹State Academic University of Humanities, 49 Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russia, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation, 26 Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-6-17

Research article
Full text in Russian

The subject of the article is the formation of the worldview of young people in the digital environment. To obtain information on the formation of the worldview of the younger generation in the digital environment and its subsequent processing, the authors conducted a sociological study: expert interviewing and expert survey. The results of the study allow us to study the increasing influence of the digital environment in the process of formation of the worldview of young people. At the same time, digital communication mechanisms, ICT, neural networks and artificial intelligence algorithms are beginning to play an increasing role in shaping the worldview. The peculiarity of ICT is its rapid development and penetration into all spheres of society. Negative aspects are manifested in the possibility of spreading values, negatively influencing the formation of traditional world-view. The regulation of the Internet is a subject of acute controversy in society. In the course of the study the attitude of young people to digital communication mechanisms, neural networks, algorithms of artificial intelligence and their impact on the formation of traditional world-view of the younger generation was analyzed. Theoretical results of the study adds to the accumulated knowledge by obtaining relevant data on the formation of worldview of the younger generation in a digital environment and allows you to understand their influence in this process, clarify the semantic content of the concept of "world-view". That in the future will help other authors to continue research on this topic.

Keywords: worldview formation; in-depth study; youth; digital environment; information and communication technologies; digital communication mechanisms

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pechenkin, Nikolay M. | E-mail: nick_pechyonkin@mail.ru
(correspondence author) | ORCID iD: 0000-0002-7846-4847
Research fellow

Turiev, Vladislav E. | E-mail: Sp_94@bk.ru
ORCID iD: 0000-0002-0741-4543
Graduate

Funding: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research (project FZNF-2022-0001).

For citation: Pechenkin N. M., Turiev V. E. Formation of the worldview of young people in the digital environment // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 6-17. (in Russ.)

Формирование мировоззрения молодежи в цифровой среде

Н. М. Печенкин^{1,2}, В. Э. Туриев²

¹Государственный академический университет гуманитарных наук, Ленинградский пр-кт, 49, Москва, 125993, Россия, Российская Федерация

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Мароновский пер., 26, Москва, 119049, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-6-17
УДК 321.6/8

Научная статья
Полный текст на русском языке

Предметом статьи является формирование мировоззрения молодежи в цифровой среде. Для получения информации о формировании мировоззрения молодого поколения в цифровой среде и последующей её обработки авторами проведено социологическое исследование комбинированным методом: индивидуальное глубинное интервьюирование и экспертный опрос. Результаты исследования позволяют изучить возрастающее влияние цифровой среды в процессе формирования мировоззрения молодежи. Одновременно при формировании мировоззрения все большее место начинают занимать цифровые коммуникационные механизмы, ИКТ, нейросети и алгоритмы искусственного интеллекта. Особенность ИКТ заключается в быстром развитии и проникновении во все сферы жизни общества. Отрицательные стороны проявляются в возможности распространения ценностных установок, негативно влияющих на формирование мировоззрения. Регулирование сети Интернет является предметом острой полемики в обществе. В ходе исследования проанализировано отношение молодежи к цифровым коммуникационным механизмам, нейросетям, алгоритмам искусственного интеллекта и их влияние на формирование мировоззрения у молодого поколения. Теоретические результаты исследования дополняют накопленные знания за счет получения актуальных данных по формированию мировоззрения молодого поколения в цифровой среде и позволяют понять их влияние в этом процессе, уточняют смысловое содержание концепта «мировоззрение», что в будущем поможет другим авторам при продолжении исследования данной темы.

Ключевые слова: формирование мировоззрения; социологическое исследование; молодежь; цифровая среда; информационно-коммуникационные технологии; цифровые коммуникационные механизмы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Печенкин, Николай Михайлович
(автор для корреспонденции)

E-mail: nick_pechyonkin@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-7846-4847

Научный сотрудник и преподаватель Департамента политологии
Факультета социальных наук и массовых коммуникаций; лаборант

Туриев, Владислав Эльбрусевич

E-mail: Sp_94@bk.ru
ORCID iD: 0000-0002-0741-4543
Студент

Финансирование: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертный институт социальных исследований (проект FZNF-2022-0001 "Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде").

Для цитирования: Печенкин Н. М., Туриев В. Э. Формирование мировоззрения молодежи в цифровой среде // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 6-17.

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Формирование мировоззрения происходит под влиянием множества факторов. В последние годы на молодёжь оказывают влияние информационно-коммуникационные технологии. Цифровая среда расширяет свое влияние во многих сферах нашей жизни, появляются новые формы политического участия. Например, в сети Интернет молодёжь может принимать участие в конвенциональной (онлайн-голосование, ДЭГ, голосование на городских платформах, таких как «Активный гражданин» в Москве) и неконвенциональной (сбор подписей, подписание петиций и т. д.) формах политического поведения. В цифровой среде молодёжь подвержена влиянию как положительных, так и негативных факторов.

Проблемы с единой информационной политикой и регулированием сети Интернет приводят к продвижению и развитию у молодого поколения нетрадиционных ценностей, что отрицательно сказывается на формировании мировоззрения. Развитие цифровых коммуникационных механизмов позволяет быстро распространять информацию, которая может влиять на молодёжь. Для нивелирования негативного эффекта, уменьшения рисков и угроз государству необходимо более эффективно выстраивать регулирующие механизмы, позволяющие своевременно реагировать на некорректную информацию.

В ходе исследования было выяснено отношение молодежи к искусственному интеллекту, цифровым коммуникационным механизмам, нейросетям и их влияние на формирование мировоззрения. Полученные данные позволят лучше понимать взгляд молодого поколения на цифровую среду, данная информация поможет при улучшении единой информационной стратегии и прогнозировании влияния ИКТ на жизнь современного общества.

Актуальность данной работы определяется несколькими факторами: развитием информационно-коммуникационных технологий, ростом числа пользователей сети Интернет среди молодежи, проблемами с единой информационной политикой государства в цифровой среде.

Основные задачи исследования: изучение понятия мировоззрения; изучение интернет-механизмов, транслирующих компоненты, позволяющие формировать мировоззрение молодежи; изучение влияния цифровой среды на формирование мировоззрения среди молодежи; поиск цифровых институтов и ключевых факторов цифровизации, влияющих на формирование мировоззрения у молодежи.

Данная тема получила в современной науке широкое распространение, рассмотрим исследования ученых по этой теме. В исследовании С. А. Гришаевой и П. А. Шамаева [1] авторы пишут о возможных методах политического участия молодежи в цифровой среде. Основной вывод – необходимость усовершенствования процесса участия путем развития новейших технологий и законодательного регулирования. При переходе на цифровое политическое участие молодёжь будет иметь преимущество перед более старшим поколением из-за более высокой адаптированности в интернет-среде.

В статье Н. А. Гороховой, М. В. Кулаковской и О. С. Ноговицыной [2] рассматривается времяпрепровождение молодежи в сети Интернет: «главное отличие цифрового поколения: молодёжь живет посредством интернета в цифровом мире, где наблюдается развитие личностного, группового социального пространства». Авторы изучили основные формы активности молодежи в сети, сделали вывод, что помимо развлекательного контента молодёжь использует цифровые технологии для личностного развития и самообразования: читает книги, смотрит исторические сериалы

и т. д. Главный вывод авторов – необходимость комплексного рассмотрения влияния ИКТ на жизнь студентов, в том числе психолого-педагогического аспекта, необходимость развития в студентах навыков самоорганизации и критического мышления при работе в сети Интернет.

Е. А. Зверева и В. А. Хворова [3] считают, что из-за высокого влияния медиaproстранства на жизнь молодежи есть риск нравственного упадка, потому что «современные медиатренды формируются под воздействием коммерциализации медиасреды. В стремлении создать хорошо продаваемый медиаконтент теряется нравственная составляющая». Главный вывод – удовлетворение потребностей аудитории должно совмещаться с развитием и сохранением традиционных культурных ценностей.

Роль ИКТ в образовании и жизни рассматривает Е. А. Кушнарeнко [4], который указывает на важность развития и внедрения цифровых технологий в жизнь молодежи, основная опасность – обилие информации, отвлекающей от поиска необходимой информации.

М. Б. Лига и М. А. Захаров [5] высказывают мысль, что молодое поколение не только приспосабливается к новому социальному пространству, но и создаёт его. Авторы считают, что молодежь является интеллектуальным фундаментом цифрового общества, от развития которого зависит будущее страны.

С. В. Володенков [6] пишет о существующих угрозах и вызовах в сфере общественно-политического развития, связанных с применением технологий Big Data. В статье указывается на значительный спектр инструментальных возможностей с использованием технологий Big Data, благодаря которым можно обеспечить конструктивное и эффективное общественно-политическое развитие в современном государстве.

Подводя итоги обзора литературы о молодежи и цифровой среде, можно сделать вывод, что все авторы уделяют большое внимание развитию и вовлечению в ИКТ молодежи и необходимости усовершенствования законодательной базы для защиты молодого поколения от негативного влияния в сети Интернет.

Перейдем к рассмотрению научных работ, связанных с темой мировоззрения, которые получили широкое распространение в научной среде. В статье Е. В. Араловой [7] рассматривается формирование мировоззрения в современном обществе. Автор обращает внимание на влияние цифровой образовательной среды и на психологическое состояние молодежи, указывает на необходимость создания в России новой духовной системы образования, которая сможет влиять на мировоззрение молодого поколения.

В работе С. В. Рослякова, Е. М. Харлановой, Е. В. Моисеева, Г. Ю. Ярославова [8] говорится о воспитании молодого поколения с учетом развития современных ИКТ. Авторы пишут о появлении новых средств воспитания, о проблеме взаимодействия старшего поколения (в частности, преподавателей) с молодежью из-за низкой вовлеченности в цифровое пространство первых. Основная задача в воспитании с учётом ИКТ – преодоление цифровой некомпетентности педагогов для повышения их готовности к нивелированию рисков в цифровом пространстве для более гармоничного и безопасного воспитания молодого поколения. Это необходимо для формирования здорового мировоззрения молодежи.

В своей работе В. М. Смирнов [9] пишет о проблеме влияния информационных технологий на формирование молодёжной культуры. В статье выводится определение молодёжной культуры и её зависимость от цифровой среды. Автор рассматривает положительное и негативное влияние ИКТ на современную молодежь и формирование её мировоззрения.

В работе А. В. Пятовой [10] рассматривается роль СМИ в формировании ценностей у молодёжи и указывается на их эффективность. Необходимо рассматривать масс-медиа как сферу, в которой можно активизировать воспитательные процессы, направленные на формирование эффективного инструмента для политического, идеологического и иного воздействия. От направления СМИ зависит формирование мировоззрения молодежи, поэтому нужно создать эффективный государственный механизм, который будет их регулировать.

В исследовании Ю. В. Каира [11] рассматривается роль рекламы при формировании мировоззрения молодежи. В исследовании были рассмотрены виды влияния рекламы на молодое поколение. Делая выводы, автор указывает, что реклама играет важную роль при формировании мировоззрения молодежи, поэтому необходимо транслировать с её помощью традиционные ценности для формирования здорового мировоззрения у молодежи.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровая среда в современном обществе влияет на формирование мировоззрения у молодежи, поэтому необходимо регулировать распространение информации для нивелирования негативного влияния на молодое поколение.

Методы исследования

Ключевые методы, используемые для проведения комплексного исследования: социологическое исследование (индивидуальное глубинное интервьюирование 15 молодых специалистов политических профессий и экспертный опрос 46 молодых специалистов политических профессий, имеющих опыт работы в течение не менее 2-х лет в сфере политических профессий. Сроки проведения опроса – октябрь–ноябрь 2022 г.); неоинституциональный подход (изучение формирования мировоззрения молодёжи в цифровой среде); системный анализ (категоризация понятия мировоззрения); теория групп интересов (рассмотрение молодёжи как одной из групп интересов, пользующихся ИКТ).

Результаты

По итогам проведения социологического исследования авторами было выведено восприятие понятия «мировоззрение». Эксперты считают, что мировоззрение – это система ценностей и взглядов человека, формирующих субъективную картину восприятия мира, а в основе мировоззрения лежит совокупность установок или ценностей.

Большинство экспертов высоко оценивает влияние цифровых коммуникационных механизмов на содержательные аспекты формирования мировоззрения. Это показывает высокую роль цифровых механизмов коммуникации в жизни современных людей (рис. 1).

Большинство экспертов, отвечая на вопрос об особенностях цифровых коммуникационных механизмов, влияющих на содержательные аспекты формирования мировоззрения современного человека, отмечают такое явление, как «информационный пузырь», указывая на то, что человек в современном обществе живёт в информационном вакууме, и ему транслируется не вся доступная информация. Высоко оценивается зависимость формируемых ценностно-смысловых компонентов от особенностей коммуникационной среды и механизмов информационно-коммуникационного взаимодействия применительно к цифровому пространству.

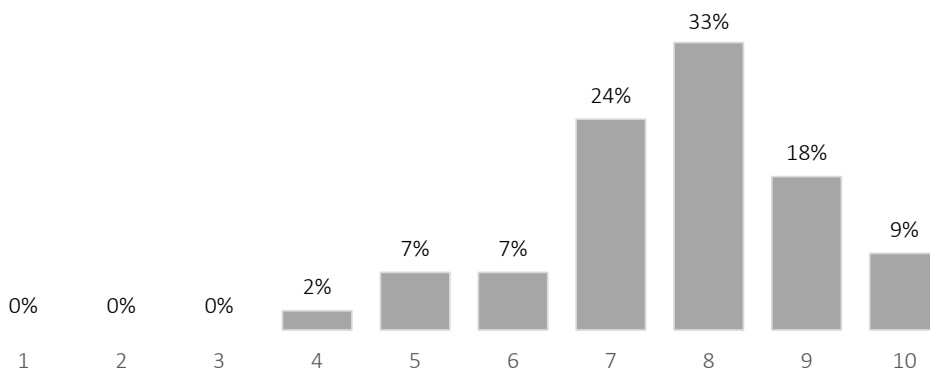

Рисунок 1. Степень влияния особенностей цифровых коммуникационных механизмов на содержательные аспекты формирования мировоззрения человека (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – абсолютно не влияют, 10 – влияют максимально)

По мнению экспертов, особенности коммуникационной среды напрямую влияют на формирование мировоззрения, вновь упоминается такое явление, как «информационный пузырь». Эксперты выделяют высокую степень влияния информационной среды, в которой находится человек, и подчеркивают прямую зависимость мировоззрения человека от информационной среды, в которой он находится.

В процессах формирования мировоззрения участвуют такие цифровые институты, как СМИ и социальные сети, телевидение влияет в меньшей степени. Под социальными сетями респонденты подразумевают популярные мессенджеры, например, «ВКонтакте» и «Telegram», а также видеохостинг «YouTube». Цифровые институты участвуют в процессе формирования мировоззрения человека через несколько инструментов. Во-первых, они транслируют определенную новостную повестку. Во-вторых, они позволяют получить доступ к любой интересующей пользователя информации. В-третьих, в социальных сетях есть лидеры мнений, которые влияют на большую аудиторию, продвигая определенные ценности и установки. Большинство респондентов считает, что современные цифровые институты оказывают существенное влияние на процесс формирования мировоззрения (рис. 2).

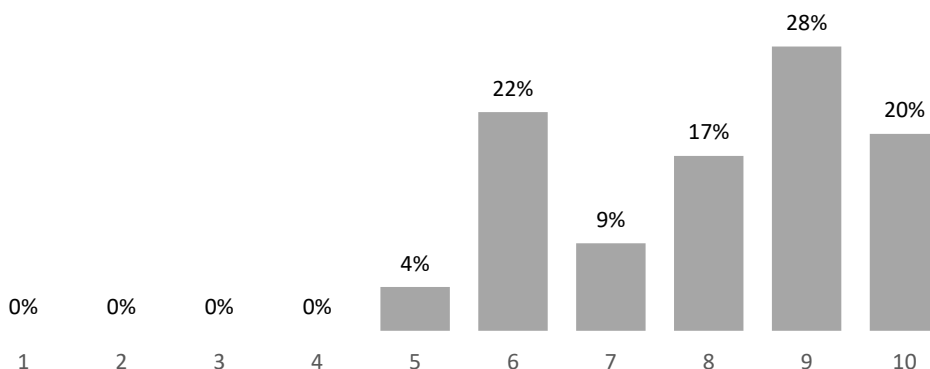

Рисунок 2. Мнение респондентов о силе влияния цифровых институтов на процесс формирования мировоззрения (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – абсолютно не влияют, 10 – влияют в максимальной степени)

Большинство респондентов уверено, что предпочтения владельцев и бенефициаров цифровых корпораций тесно связаны с содержательными и функциональными особенностями цифровых коммуникаций, результаты можно увидеть на графике (рис.3).

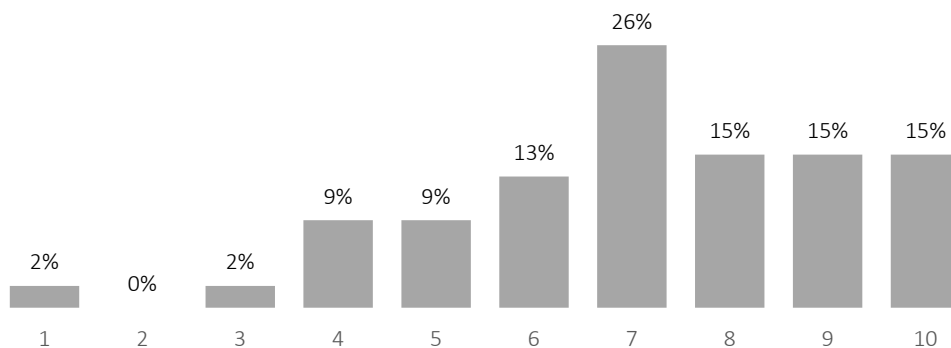

Рисунок 3. Мнение респондентов о связанности содержательных и функциональных особенностей цифровых коммуникаций с предпочтениями владельцев корпораций (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – абсолютно не связаны, 10 – максимально связаны)

На следующем графике (рис. 4) можно увидеть мнение экспертов о ценностной нейтральности интерфейсов, аффордансов, архитектуры и алгоритмов современных цифровых систем и технологий. Позиции разделились, но большинство считает, что все вышеперечисленные особенности приложений имеют ценностный окрас, что также может влиять на мировоззрение пользователей, в том числе в понимании ключевых стейкхолдеров.

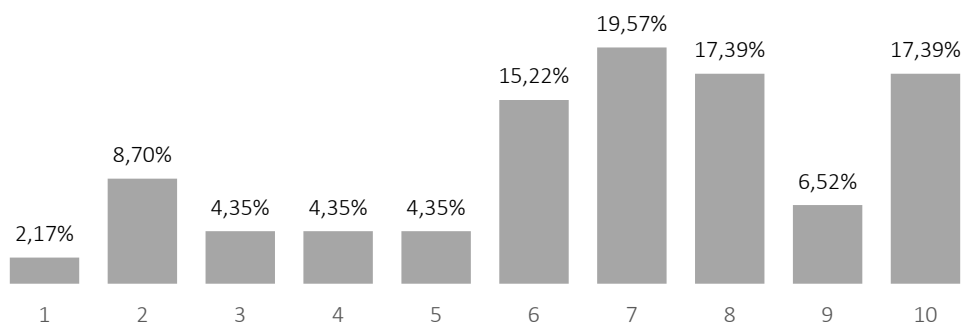

Рисунок 4. Мнение респондентов о том, является ли интерфейс, аффорданс, архитектура и алгоритмы приложений ценностно нейтральными (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – абсолютно нейтральны, 10 – максимально ценностно окрашены)

Отдельно важно отметить, что мнения респондентов разнятся относительно вопроса, являются ли алгоритмы искусственного интеллекта и нейросети ценностно нейтральными (рис. 5).

Среди ключевых акторов цифровизации, которые оказывают существенное влияние на формирование мировоззрения, эксперты выделяют владельцев СМИ,

ЛОМов, цифровые корпорации и социальные сети. С учетом растущей цифровизации общества их влияние будет расти. В качестве инструментов влияния упоминается «мягкая сила», постоянная трансляция информации и составление рекомендаций под пользователя. Сложившаяся на сегодняшний день цифровая среда поддерживает индивидуалистические ценностно-смысловые установки (рис. 6).

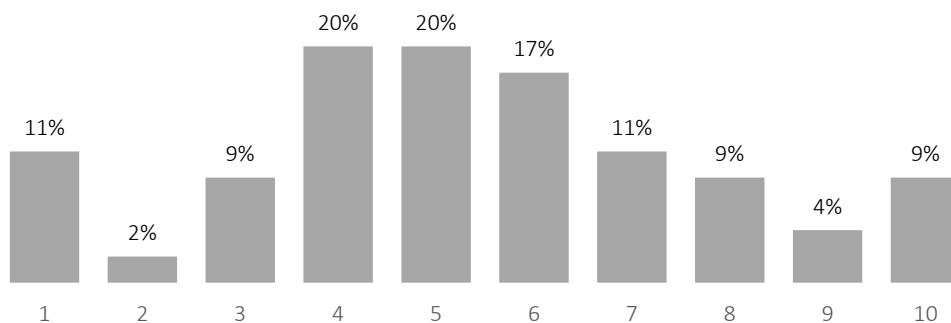

Рисунок 5. Мнение респондентов о том, являются ли алгоритмы искусственного интеллекта и нейросети, применяемые в процессах современного цифрового информационно-коммуникационного воздействия, ценностно нейтральными (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – абсолютно нейтральные, 10 – максимально ценностно окрашены)

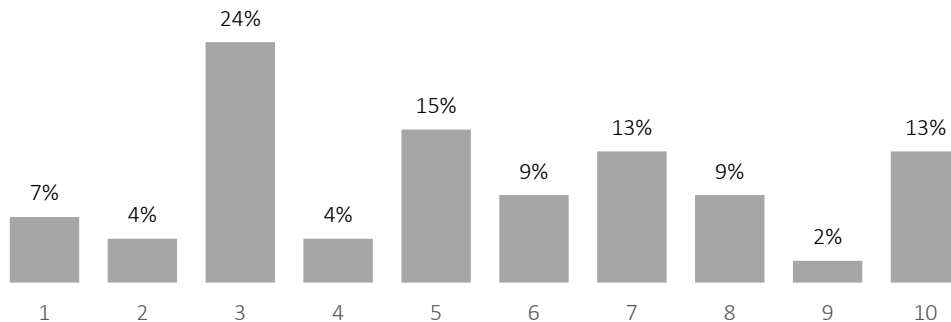

Рисунок 6. Формирование каких ценностно-смысловых установок в большей степени поддерживает сложившаяся на сегодняшний день цифровая среда – индивидуалистических или коллективистских (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – преимущественно индивидуалистических, 10 – преимущественно коллективистских)

Среди ключевых трансформаций традиционных политических идеологий (консерватизм, коммунизм, социализм, либерализм, анархизм, либертарианство, национализм и др.) в условиях цифровых технологических трансформаций эксперты называют радикализацию анархизма и национализма, объединение идей консерватизма и национализма, а также больший упор на патриотизм среди населения. Среди угроз и вызовов цифровизации для традиционных систем мировоззрения эксперты отмечают столкновение разных мировоззрений, противостояние традиционных и либеральных систем ценностей, развитие клипового мышления и распространение сообщений деструктивного характера.

В качестве конструктивного потенциала отмечается увеличение людей, вовлеченных в общественно-политические дела, развитие гражданского общества и распространение традиционных ценностей на большую аудиторию. Среди ключевых потенциалов развития технологий искусственного интеллекта и нейросетей в аспекте их влияния на мировоззренческую картину человека были выделены создание информационного щита для недопущения деструктивных идей, персонализация контента и, как следствие, погружение в персональную виртуальную реальность, а также увеличение масштаба охвата аудитории. Большинство экспертов считает, что цифровые ритуалы влияют на формирование или трансформацию традиционных мировоззренческих картин (рис. 7). При этом нейросети, искусственные интеллектуальные агенты и цифровые актанты смогут обеспечить доминирование определенного мировоззрения в рамках конкретного государства (рис. 8).

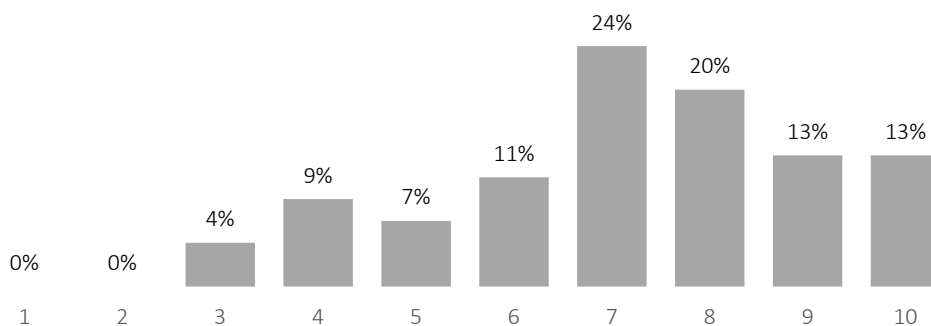

Рисунок 7. Мнение респондентов о влиянии цифровых ритуалов (повторяющиеся однотипные процедуры в сетевых коммуникациях: лайки, репосты, просмотры новостных лент, дизлайки, комментарии и т. п.) на формирование либо трансформацию традиционных мировоззренческих картин (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – минимальная степень влияния, 10 – максимальная степень влияния)

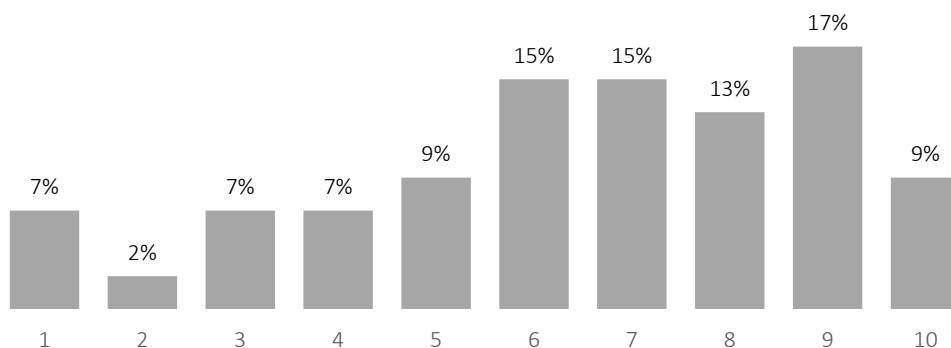

Рисунок 8. Мнение респондентов о возможности обеспечения нейронными сетями, искусственными интеллектуальными агентами и цифровыми актантами ценностно-смыслового разнообразия (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – максимально обеспечат «ценностное разнообразие», 10 – максимально обеспечат «доминирование определенного мировоззрения в рамках конкретного государства»)

По мнению экспертов, цифровой суверенитет государства и национальные системы мировоззрения связаны между собой в максимальной степени (рис. 9). Благодаря цифровому суверенитету можно нивелировать иностранное и деструктивное влияние, сосредоточившись на развитии национальной системы мировоззрения. Среди основных необходимых направлений управления актуальной информационной повесткой в цифровом пространстве в рамках процессов формирования современной национально-государственной идентичности эксперты выделяют контроль и фильтрацию распространяемых идей, развитие медиа и социальных сетей и формирование определенного имиджа государства. Эксперты ощущают сильное влияние алгоритмов искусственного интеллекта и нейросетей при потреблении информации.

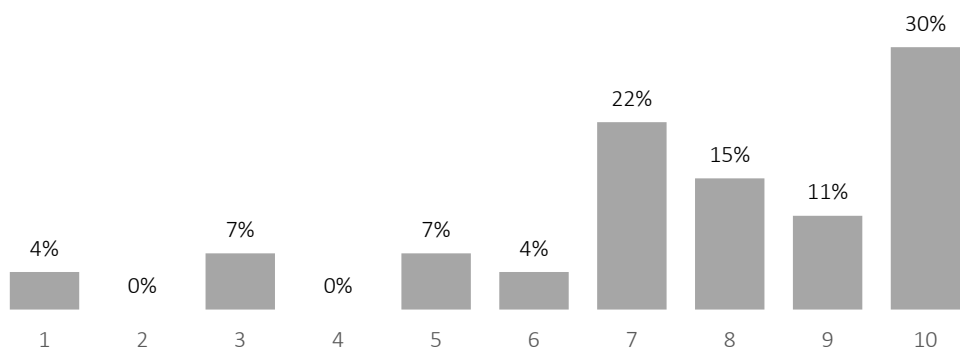

Рисунок 9. Мнение респондентов о степени взаимосвязанности цифрового суверенитета государства и национальной системы мировоззрения (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – абсолютно не связаны, 10 – связаны в максимальной степени)

Эксперты видят влияние алгоритмов цифровой среды на свое мировоззрение (рис. 10). В качестве конкретных проявлений называют контекстную рекламу, рекомендации в соцсетях и работу алгоритмов искусственного интеллекта при поиске новой информации.

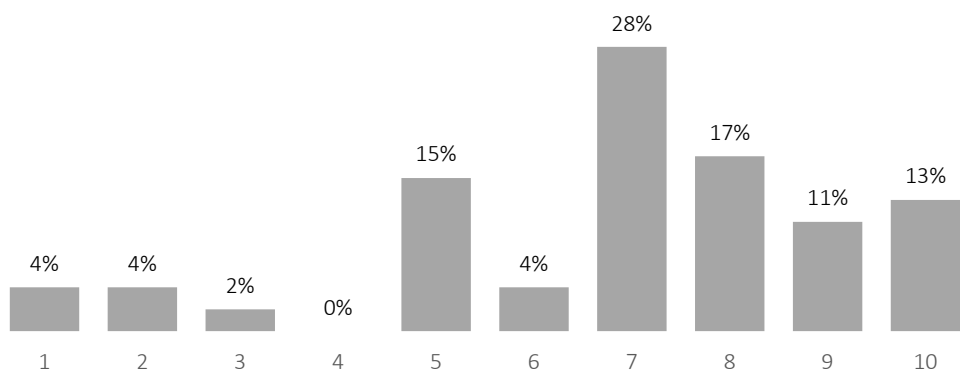

Рисунок 10. Мнение респондентов о влиянии алгоритмов искусственного интеллекта и нейросетей на процесс потребления информации (1 – минимальное влияние, абсолютно не ощущаю влияние, 10 – максимальное влияние, полностью ощущаю влияние)

Абсолютное большинство экспертов видит различия в мировоззрении представителей традиционной офлайн-аудитории и современной онлайн-аудитории (рис. 11). Молодые идентифицируют себя как прогрессивную и активную часть общества, мировоззрение которой отличается от обычного человека, и отождествляют себя с цифровой средой. Среди существенных различий в мировоззрении представителей традиционной офлайн- и современной онлайн-аудитории указываются полярные мнения, более высокая консервативность офлайн-аудитории, меньшая подверженность пропаганде представителей онлайн-аудитории и разная система мировоззрений.

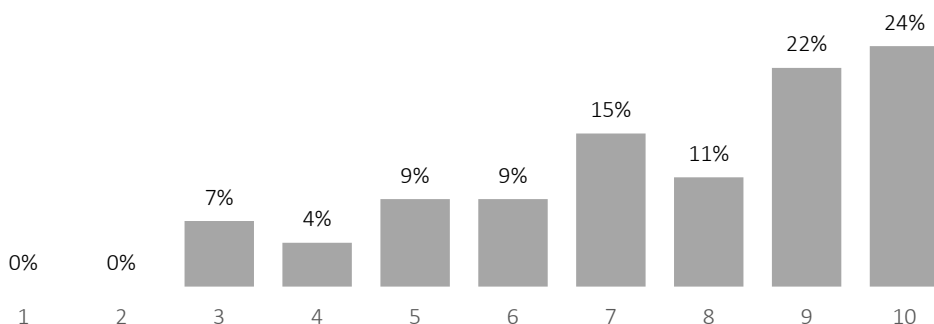

Рисунок 11. Мнение респондентов о различии мировоззрения традиционной офлайн-аудитории и современной онлайн-аудитории (1 – отличий практически нет, это однородные по мировоззрению аудитории, 10 – максимальноразличающиеся по мировоззрению аудитории)

Заключение

Результаты исследования показывают, что на сегодняшний день цифровая среда оказывает сильное влияние на формирование мировоззрения молодого поколения. При этом наполнение данного влияния существенно зависит от коммуникационных платформ и социальных медиа. Большинство экспертов отмечает разницу в мировоззрении офлайн-аудитории и онлайн-аудитории, что говорит о разных способах потребления информации более старшим и молодым поколением. Как результат, для формирования мировоззрения необходимо использовать более «мягкие» и ненавязчивые подходы.

В исследовании были рассмотрены факторы, влияющие на формирование мировоззрения, среди которых нейросети, алгоритмы социальных сетей и искусственный интеллект. При этом важно отметить, что в последние годы возникают новые возможности для политического участия молодежи, ярким примером является ДЭГ. Остается открытым вопрос, каким образом органам государственной власти необходимо выстраивать работу для увеличения доли молодежи, которая предпочитает конвенциональные формы политического поведения, в частности, в цифровой среде.

Главная задача государства в новой цифровой эпохе – создание эффективного информационного пространства, которое будет нивелировать угрозу деструктивных идей, отрицательно влияющих на ценности молодёжи. Создание такого пространства будет гарантировать снижение рисков, связанных с иностранным влиянием, направленным на дестабилизацию внутренней обстановки в государстве.

Однако важно понимать, что существует потребность в контенте среди молодежной аудитории. Из интернета представители молодого поколения не уйдут, но какое потребление контента будет дальше в условиях внешне и внутрисполитических вызовов, с которыми столкнулась Россия сегодня?

Ссылки

1. Гришаева С. А., Шамаев П. А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 25–35.
2. Горохова Н. А., Кулаковская М. В., Ноговицына О. С. «Я в цифровом мире» – медиапортрет современного студента // Глобальный научный потенциал. 2022. № 4. С. 31–34.
3. Зверева Е. А., Хворова В. А. Трансформация ценностных ориентиров молодежи в современной информационно-коммуникационной среде // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 1. С. 7–28. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.9(1).7-28
4. Кушнаренко Е. А. Использование цифровых технологий в работе с молодежью: взаимодействие в современных реалиях // I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психология личностного взаимодействия в современном обществе»: сборник материалов. Армавир, 2022. С. 244–246.
5. Лига М. Б., Захаров М. А. Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития // Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Чита, 21 апреля 2022 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. С. 23–27.
6. Володенков С. В. Технологии BigData в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205–212. DOI: 10.17223/1998863X/44/20.
7. Аралова Е. В. Духовное воспитание в условиях цифровой среды // Власть. 2022. № 3. С. 162–171.
8. Характеристики воспитания в цифровую эпоху / С. В. Рослякова, Е. М. Харланова, Е. В. Моисеева, Г. Ю. Ярославова // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2022. № 10. С. 377–383. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.10.p377-383
9. Смирнов В. М., Давыдова Д. А. Влияние современных информационных технологий на культуру современной молодежи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3–2. С. 73–75. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-3-2-73-75>
10. Пятова А. В. Роль масс-медиа в формировании ценностных ориентаций молодежи // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10. С. 114–118. DOI: 10.24158/fik.2022.10.20
11. Каира Ю. В., Михалев И. В., Путилина Ю. Ю. Влияние рекламы на формирование мировоззрения студенческой молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 112–126. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-112-126.

Some questions of the semantic content of the concept of "revolution" in the political discourse of Russia at the present stage

M. A. Stepanov¹

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-18-31

Research article
Full text in Russian

The concept of revolution is currently one of the most ambiguous in the system of social and humanitarian knowledge. More and more attention is drawn to the problem of a gradual increase in the scope of this concept, when that is used to designate phenomena that, from the point of view of classical approaches, cannot be characterized as a revolution. In the conditions of conceptual uncertainty, there is a need to study the semantic content of the concept of "revolution", put into it by the actors of political discourse, in order to establish its key semantic features. In this paper the socio- and scientific political discourse of modern Russia is studied with the help of discourse analysis in order to identify the main semantic characteristics of the concept of "revolution" in it. Special attention is paid to the correlation of the concepts of "revolution", "color revolution" and "velvet revolution". It is concluded that at the present stage in the political discourse of Russia, the concept of "revolution" has almost completely lost its classical semantic content and has practically become identical to the concept of «color revolution» in its securitized interpretation. At the same time, there are still attempts to separate both concepts in the scientific political discourse. The concept of «velvet revolution» is much less common in the political discourse of Russia, and in semantic terms is the complete opposite of the concept of "color revolution".

Keywords: revolution; color revolution; velvet revolution; political discourse; socio-political discourse; scientific political discourse; semantic content; securitization

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stepanov, Mikhail A. | E-mail: mstepanov@gaugn.ru
Junior research fellow

For citation: Stepanov M. A. Some questions of the semantic content of the concept of "revolution" in the political discourse of Russia at the present stage // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 18-31. (in Russ.)

Некоторые вопросы семантического содержания понятия «революция» в политическом дискурсе России на современном этапе

М. А. Степанов¹

¹Институт государства и права Российской академии наук, ул. Знаменка, 10, Москва, 119019, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-18-31
УДК 323.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Понятие «революция» является на сегодняшний день одним из самых неоднозначных в системе социально-гуманитарного знания. Всё больше внимания обращает на себя проблема постепенного увеличения объёма данного понятия, когда им начинают обозначать явления, которые с точки зрения классических подходов не могут быть охарактеризованы как революция. В условиях понятийной неопределённости возникает потребность в изучении семантического содержания понятия «революция», вкладываемого в него субъектами политического дискурса, с целью установления его ключевых смысловых признаков. В настоящей работе при помощи метода дискурс-анализа исследуется общественно- и научно-политический дискурс современной России с целью выявления в нём основных семантических характеристик понятия «революция». Особое внимание уделяется соотношению понятий «революция», «цветная революция» и «бархатная революция». Сделан вывод о том, что на современном этапе в политическом дискурсе России понятие «революция» почти полностью утратило своё классическое семантическое содержание и практически стало тождественно понятию «цветная революция» в его секьюритизированной трактовке. При этом в научно-политическом дискурсе ещё встречаются попытки разделить оба понятия. Понятие «бархатная революция» гораздо реже встречается в политическом дискурсе России и в семантическом плане является полной противоположностью понятию «цветная революция».

Ключевые слова: революция; цветная революция; бархатная революция; политический дискурс; общественно-политический дискурс; научно-политический дискурс; семантическое содержание; секьюритизация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степанов, Михаил Антонович | E-mail: mstepanov@gaugn.ru
Младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции

Для цитирования: Степанов М. А. Некоторые вопросы семантического содержания понятия «революция» в политическом дискурсе России на современном этапе // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 18-31.

Введение

На современном этапе проблема постепенного увеличения объёма понятия «революция» всё больше заставляет обращать на себя внимание. Как известно, увеличение объёма того или иного понятия, т. е. расширение круга охватываемых им явлений, влечёт за собой сокращение его содержания – признаков, данное явление определяющих. Великие революции, будь то французская или русская, американская или китайская, уходят всё дальше в прошлое, но ореол славы, окружающий их, и представление о них как о предвестнике скорых перемен к лучшему глубоко укоренились в сознании людей [1, с. 16]. Революция присутствует в современном мире лишь «в качестве симптоматики вытесненного и забытого, в качестве “эха” и в качестве напряжения между универсальной свободой и её институционально партикулярными “оковами”» [2, с. 15–16]. Политические преобразования в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв., их анализ и представление как новых, современных форм революции привели к тому, что сегодня многие восстания или государственные перевороты, легитимизируемые посредством мобилизации масс населения, называют революцией.

В условиях неопределённости понятия «революция», связанной с вкладываемым в него различным семантическим содержанием, возникает необходимость изучения данного содержания в российском политическом дискурсе с целью определения ключевых семантических характеристик понятия «революция», доминирующих в нём на современном этапе. При этом выбор отечественного политического дискурса обусловлен устойчивым наличием в нём революционной тематики, что стало особенно заметно после событий на Украине в 2014 г. По этой причине в настоящей работе ставится целью изучение семантических аспектов понятия «революция», а также производных от него, таких как «цветная революция» и «бархатная революция», в политическом дискурсе современной России. Для достижения поставленной цели исследуется общественно-политический и научно-политический дискурс России как совокупность устных и письменных текстов, находящихся во взаимодействии друг с другом. Методологической основой исследования является метод дискурс-анализа, посредством которого изучаются следующие категории источников: научная литература, комментарии официальных лиц, публикации прессы, социологические опросы и документы стратегического планирования России.

О классическом содержании понятия «революция»

Понятие «революция» является на сегодняшний день одним из самых неоднозначных в системе социально-гуманитарного знания. На современном этапе существуют серьёзные споры не только по поводу его определения, но и по поводу возникновения. Известно, что современное слово «революция» имеет латинские корни и происходит от «*revolutio*» – «откатывание», «круговорот» [3, с. 87]. Согласно одной из точек зрения, данное слово можно обнаружить в трудах античных философов – Платона и Аристотеля [Там же]. Но, по мнению Э. Э. Шульца, вероятнее всего, впервые слово «революция» в политическом контексте употребил Н. Макиавелли в работе «Государь» [Там же. С. 88], но, возможно, с целью придания дополнительной литературной образности своим высказываниям, как обычное слово из повседневной жизни [Там же. С. 89]. Например, в русском переводе «Государя» встречается

уже слово «перевороты», а не «революция» [4, с. 135]. Напротив, слово «революция» как термин, обозначающий конкретное понятие – «политический переворот», – первым стал употреблять в своих работах английский мыслитель Ф. Бэкон [3, с. 89].

Общепринятого определения понятия «революция» не существует. Не сильным преувеличением будет сказать, что сколько имеется трудов, посвящённых данному явлению, столько же можно обнаружить и определений – каждый автор старается дать своё толкование этому феномену. Попытка продемонстрировать всё то многообразие подходов к определению понятия «революция», что наличествуют в современной науке, если бы и была возможной, то уж точно заняла бы большое количество времени. О. Ю. Бойцова и вовсе называет усилия по систематизации подходов к трактовке понятия «революция» сизифовым трудом [5, с. 31]. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми из них.

Так, К. Бринтон считает, что революция – это нелегальное изменение существующего режима, совершаемое порой при помощи насилия [6, с. 11]. Э. Гидденс обозначает революцию как «переворот существующего политического порядка с помощью массового движения с применением силы» [7, с. 394]. С точки зрения Ч. Тилли, результатом революции будет масштабная смена одной группы держателей власти другой при помощи широкой мобилизации противоборствующими группами своих сторонников [8, с. 193–195]. С. Хантингтон в одной из своих работ пишет: «Революция – это быстрая, фундаментальная и насильственная, произведённая внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [9, с. 269]. И добавляет, что революции следует отличать от восстаний, мятежей, бунтов и переворотов, которые способны привести к смене правительства, политики или институтов, но не к трансформации социальной структуры и ценностей [Там же].

Одно из наиболее популярных определений изучаемого феномена дала Т. Скочпол, по мнению которой революция – это «быстрая, фундаментальная трансформация государственных и классовых структур общества; она сопровождается и отчасти осуществляется низовыми восстаниями на классовой основе» [10, с. 25]. Ученый отмечает, что революция отличается от прочих конфликтов и процессов трансформации «совпадением структурных социальных изменений с классовыми восстаниями и совпадением политических трансформаций с социальными» [Там же].

Американский политолог Дж. Голдстоун даёт весьма широкое определение понятию «революция», под которым он понимает «попытку преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемую формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [11, с. 61].

Несмотря на разность приведённых определений, общим у них является указание на насильственный и нелегальный характер совершаемых актёрами революции действий, мобилизация масс населения и существенные политические изменения. Как отмечает Н. С. Розов, в процессе революции «непременно переживают преобразование (трансформацию) отношения и устойчивые системы правил (институты) политического взаимодействия» [12, с. 95]. В то же время некоторые авторы особо

подчёркивают фундаментальный характер происходящих изменений, затрагивающих не только политическую сферу жизни общества, но и социальные отношения.

Говоря о классическом содержании понятия «революция», мы имеем ввиду в первую очередь представления, базирующиеся на опыте Великих (классических) революций, результатом которых стали серьёзные изменения практически на всех уровнях жизни общества, а не только на политическом. Данные представления о революции, с одной стороны, отсылают к ранее доминировавшему в отечественном политическом дискурсе формационному подходу. С другой – схожий взгляд на рассматриваемое явление можно найти, например, в работах С. Хантингтона и Т. Скочпол. При этом, несмотря на условность употребления слова «классический» в этом контексте, данный подход позволяет взять за точку отсчёта некоторое, ранее сложившееся в политическом дискурсе представление о рассматриваемом явлении и проследить его семантическую динамику.

К. Маркс называл революции «локомотивами истории» [13, с. 86], которые устремлены к началу подлинной истории человечества. В современных реалиях мы вряд ли встретим столь возвышенную характеристику революции – событий, которые обозреватели стремятся окрестить революциями, стало за последние пару десятилетий настолько большое количество, что само слово «революция» начало терять свой классический смысл. Сегодня те политические изменения, которые называются революциями, например, события на Украине в 2013–2014 гг. или в Грузии в 2003–2004 гг., не приводят не только к смене формаций, но и к сколь-либо серьёзным социетальным трансформациям. Как нам видится, такое положение дел стало возможным из-за отсутствия общепринятого определения понятия «революция», из-за чего в него может вкладываться смысл, предпочтительный в данный момент времени его интерпретатору. К сожалению, практика подобного «натягивания» понятия на различные явления с той или иной целью приводит к «размыванию» и обесцениванию самого понятия, что позволяет С. Г. Ильинской заявить о «смерти» концепта революции [2, с. 65] и признать, что «подлинные» (подобные французской или русской) революции уходят в небытие [Там же. С. 79].

Революция и «цветная революция»

Здесь мы вплотную подходим к такому феномену, как «цветная революция». Данное понятие появляется около 2003–2005 гг. в качестве общего наименования ряда антиправительственных выступлений в Киргизии, Грузии, на Украине и др., приведших к смене власти в данных странах. В современном российском общественно- и научно-политическом дискурсе понятие «цветная революция» имеет негативное значение и используется для того, чтобы делегитимировать смену власти в той или иной стране в результате массовых антиправительственных акций протеста, которые объявляются инспирированными извне, искусственными, не имеющими под собой серьёзного основания [14, с. 946]. Как отмечает И. А. Мамзелев, в России «цветные революции» рассматриваются как нелегальные технологии захвата власти, «включающие манипулирование общественным мнением, организационные меры, приёмы уличной борьбы», инициаторами которых выступают страны Запада с целью нанесения ущерба России [15, с. 71–72].

На уровне общественно-политических дискуссий понятия «цветная революция» и «революция» могут использоваться как тождественные. Напротив, в науч-

ном дискурсе часто встречаются попытки разграничить оба понятия. Так, например, Е. Г. Пономарёва отмечает, что одной из отличительных черт «цветной революции» от собственно революции является то, что последняя несёт в себе сильное идейно-ценностное содержание [16, с. 290]. Вместе с фундаментальными изменениями в политической, экономической и социальной сферах жизни общества происходит коренной слом старых идейно-ценностных установок. О. Ю. Бойцова ставит вопрос о субъектности участников современных революций: действительно ли революционеры совершают осознанный политический выбор или исполняют заранее написанную кем-то роль [5, с. 41]? И. А. Ветренко указывает на то, что «цветные революции», как правило, проходят по схожему алгоритму, строятся на «универсальных политических технологиях и отличаются только комбинациями», в то время как классические революции уникальны и неповторимы [17, с. 120].

Негативная трактовка понятия «цветная революция» в российском политическом дискурсе, вероятно, сказывается на восприятии гражданами России революции как способа трансформации социальной системы. Согласно данным социологического опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведённого в 2017 г.¹, в преддверии годовщины Октябрьской революции, лишь 38 % россиян положительно оценивают роль последней в истории России [18]. 25 % опрошенных негативно относятся к революции как к явлению и только 11 % оценивают её как движение к обновлению общества, в то время как 57 % воспринимают её как историческую неизбежность. 61 % респондентов считает, что революция, подобная Октябрьской, на современном этапе в России невозможна. При этом 92 % граждан сходятся во мнении, что революцию в России допустить нельзя, 72 % согласились с лозунгом «Переменам – да! Революции – нет!».

Данные Левада-центра, по состоянию на 2017 г., демонстрируют примерно схожую картину: 38 % оценивают роль Октябрьской революции в истории России как скорее положительную, 10 % – как очень положительную [19]. По мнению 36 % опрошенных, Октябрьская революция дала толчок социальному и экономическому развитию народов России, в то время как 21 % считают иначе. Отвечая на вопрос о возможности повторения в современной России событий октября 1917 г., 59 % респондентов сошлись во мнении, что это маловероятно.

На современном этапе среди россиян отсутствует консенсус относительно не только Октябрьской революции, но и революции как общественно-политического явления. В целом можно сделать вывод о том, что граждане России настороженно-негативно относятся к революциям как таковым.

Любопытно также то, что в опросе ВЦИОМ присутствует блок вопросов о «цветных революциях». По мнению 35 % россиян, Россия скорее проиграет в результате «цветной революции», 28 % полагают, что она ничего не изменит [18]. 43 % граждан России готовы поддержать действующую власть в случае начала «цветной революции» против 14 %, готовых выступить на стороне оппозиции. Имея перед глазами относительно недавний пример «цветной революции» на Украине в 2013–2014 гг., 81 % респондентов придерживается мнения о том, что в результате тех событий Украина больше потеряла, чем приобрела; 96 % не хотели бы повторения украин-

¹ К сожалению, мы не располагаем более свежими данными об отношении граждан России к явлению революции, поэтому вынуждены использовать для анализа данные последних опросов на эту тему, проведённых в 2017 г.

ского сценария в России. Из приведённых данных можно сделать вывод, что отношение большинства граждан России к «цветным революциям» подчёркнуто негативное.

Включив в опрос о революции блок вопросов о «цветных революциях», ВЦИОМ тем самым проводит параллель между классическим пониманием революции и новым, вкладываемым в понятие «цветной революции». С точки зрения опрашиваемого, понятия «революция» и «цветная революция» предстают если не как тождественные, то как схожие, на что мы уже указывали выше. Октябрьская революция и Евромайдан на Украине показываются как проявления одной и той же сущности. На примере опроса ВЦИОМ можно увидеть, как происходит постепенное замещение в сознании россиян классического содержания понятия «революция», опирающегося на опыт великих революций прошлого, на новое, которое теперь обозначает «цветные революции». Революция и «цветная революция» суть одно и то же в общественно-политическом дискурсе современной России. И поскольку «цветная революция» воспринимается как исключительно негативное явление, искусственное, с сильным внешним компонентом, то и революция сама по себе, без приставки «цветная» будет иметь соответствующее значение.

Марксистское понимание революции как пути перехода к более совершенной формации на пути к началу подлинной истории человечества, доминирующее в советский период истории России, уступило место пониманию революции как управляемой извне подрывной деятельности врагов государства.

«Цветная революция» и «бархатная революция»

Примеров наименования в российском политическом дискурсе тех или иных событий революциями, несмотря на то, что с точки зрения классических теорий революции их таковыми считать нельзя, множество. Так, начавшееся в ноябре 2018 г. во Франции из-за планов правительства увеличить налог на нефтепродукты движение «жёлтых жилетов» практически с первых акций протеста было названо «цветной революцией», организованной в Вашингтоне [20; 21]. Однако движение «жёлтых жилетов» в своей основе имело глубокие социально-политические и социально-экономические противоречия, накопившиеся во французском обществе за последние несколько десятилетий, которые и послужили главной причиной начала протестов, спровоцированных повышением налогов [см. подробнее: 22]. Более того, движение имело горизонтальную структуру, без чётко выраженных лидеров и координационных центров, отказалось сотрудничать с какими-либо политическими партиями, профсоюзами и др. По этой причине говорить о движении как об «искусственной революции», организованной извне с целью насильственной смены неудобного её организаторам правительства, не представляется возможным, но и говорить о революции в ином роде мы также не видим оснований, поскольку движение не привело к каким-либо серьёзным изменениям во французском обществе.

Другой пример – протесты в Казахстане в январе 2022 г., которые начались из-за повышения цен на автомобильное топливо. Как и в случае с движением «жёлтых жилетов» во Франции, события в Казахстане были охарактеризованы наблюдателями как «цветная революция», со всеми приписываемыми в российском политическом дискурсе данному явлению атрибутами [23; 24]. В научной среде также существуют работы, рассматривающие январские протесты как «цветную революцию». Например, А. В. Чаевич указывает на то, что события в Казахстане имеют явные черты

«цветной революции» [25, с. 110]. Однако другие авторы выражают сомнения в серьёзности роли внешнего фактора в рассматриваемых событиях [26, с. 58], который является одним из ключевых в российской концепции «цветных революций».

На этом фоне выделяются события лета 2022 г. в Шри-Ланке. Российские обозреватели, по состоянию на 12 июля 2022 г., весьма сдержанно подходят к оценке политического кризиса в Шри-Ланке и его последствий, подчёркивая его естественную экономическую природу [см., например, 27]. Издание «Коммерсантъ» называет смену руководства страны «бархатной революцией», однако делает это с целью подчеркнуть относительно мирный характер протестов и смены власти в стране [28]. В заявлении МИД РФ от 11 июля отмечается, что события в Шри-Ланке являются её внутренним делом и что Россия готова сотрудничать с новым правительством страны [29]. При этом в том же заявлении указывается на то, что накануне массовых акций протеста 9–10 июля, которые привели к захвату резиденций высших должностных лиц государства, представители ряда западных дипмиссий «открыто призывали местные силовые структуры не препятствовать “мирно протестующим ланкийцам”» [29]. Иначе говоря, МИД России допускает возможность существования в протестах в Шри-Ланке активного экзогенного элемента. Данная позиция делегитимизирует акции протеста, поскольку если они были организованы иностранными акторами, т. е. это была «цветная революция», то это значит, что население было введено в заблуждение и действовало не в собственных интересах. Схожего мнения придерживается часть российских граждан. Проведённый ИА «Regnum» анализ публикаций в социальных сетях показал, что некоторые пользователи придерживаются точки зрения, согласно которой за организацией протестов в Шри-Ланке стоят Соединённые Штаты и их союзники [30].

На сдержанный характер оценок политического кризиса в Шри-Ланке относительно событий во Франции 2018–2019 гг. и Казахстане 2022 г. может влиять, во-первых, отдалённость данного государства от границ России, т. е. невозможность распространения нестабильности на территорию последней, как, например, это было в ситуации с Казахстаном, когда такую вероятность полностью исключить было нельзя.

Во-вторых, незначительная позиция, которую занимает Шри-Ланка в политическом противостоянии между Западом и Россией. Например, в случае с Францией и движением «жёлтых жилетов» российские обозреватели стремились подчеркнуть разногласия между странами Европы и США и показать, что Соединённые Штаты готовы пойти на смену руководства страны-союзника, если оно перестает отвечать интересам Вашингтона. В условиях напряжённости в отношениях между Россией и Западом во второй половине 2010-х протесты во Франции 2018–2019 гг. предоставили дополнительную возможность указать на готовность США нарушать принципы международного права для реализации собственных интересов в мировой политике.

Шри-Ланка не представляет для России на современном этапе политического интереса. По этой причине оценки политического кризиса в этой стране в российском политическом дискурсе не отличаются такой резкостью, как в случае с приведёнными выше примерами, несмотря на то, что допускается возможность иностранного вмешательства. На уровне официального политического дискурса последнее,

вероятно, делается для поддержания общего негативного представления о насильственной смене политической власти как явления.

Упомянутое выше словосочетание «бархатная революция» практически не используется в российском политическом дискурсе. Понятие «бархатная революция» уходит корнями в события 1989 г. в Чехословакии и, как правило, применяется в качестве обобщающего по отношению к массовым антиправительственным выступлениям в странах социалистического блока Центрально-Восточной Европы в 1980-х – 1990-х гг., приведших к смене политических режимов в этих государствах [см., например, 31]. Слово «бархатная» в данном случае подчёркивает мирный характер акций протеста и процесса транзита власти. А слово «революция», вероятно, является отражением устоявшейся практики наименования данным словом любой насильственной, нелегальной смены власти с активным участием народных масс. При этом насилие в этом случае следует понимать не столько как большое количество человеческих жертв, сколько как антиобщественное действие в принципе.

Но политические события конца XX в. в Центрально-Восточной Европе уже стали достоянием истории и редко входят в российский политический дискурс. На современном этапе понятие «бархатная революция» в основном употребляется при описании политического кризиса в Армении в апреле – мае 2018 г. Серия антиправительственных акций протеста, завершившихся отставкой правительства и премьер-министра С. А. Саргсяна и приходом к власти лидера оппозиции Н. В. Пашиняна, получила наименования «бархатная революция» за мирный, бескровный характер протестов. Как отмечает А. В. Атанесян, за время протестной активности не было зафиксировано ни одного инцидента с летальным исходом среди участников конфликта и ни одного случая прямого столкновения протестующих с полицией [32, с. 91], чего, например, нельзя сказать о трагических событиях на Украине в 2013–2014 гг. или Казахстане в 2022 г.

Однако понятие «бархатная революция» в отношении транзита власти в Армении в 2018 г. нечасто используется в российском политическом дискурсе. Например, российское интернет-издание «Lenta.ru» в декабре 2019 г. именовало события 2018 г. в Армении «бархатной революцией», но, судя по тону публикации, подчёркивающей трудности, с которыми пришлось столкнуться новому правительству, делало это с некоторой долей иронии [33]. В основном понятие «бархатная революция» используют авторы из самой Армении [см., например, 32; 34]. В целом в России весьма сдержанно отнеслись к смене власти в Армении. Официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова на брифинге 26 апреля 2018 г. подчёркивала, что политический кризис в Армении является исключительно внутренним делом этой страны [35]. Как и в случае со Шри-Ланкой, связано это может быть, во-первых, с отсутствием прямой угрозы со стороны кризисных явлений в Армении для безопасности России. Во-вторых, с зависимостью Армении, имеющей сложные отношения с граничащими с ней Турцией и Азербайджаном, от гарантий безопасности России. В-третьих, с отсутствием антироссийской риторики со стороны лидеров протеста. Тем не менее некоторые российские авторы называют политический кризис в Армении и его итоги «цветной революцией» [36, с. 125].

Следует различать понятия «цветная революция» и «бархатная революция» в российском политическом дискурсе. Как было отмечено выше, под «цветной революцией» в первую очередь понимаются применяемые внешними акторами тех-

нологии нелегальной смены политической власти, включающие манипуляцию общественным мнением и задействование в политической борьбе широких масс населения. Целью данной практики является нанесение политического и экономического урона России. Напротив, «бархатная революция» представляет собой скорее исключение из общего правила. Данное понятие применяется в случаях, когда кризисные явления, способные привести или приводящие к смене политической власти, серьёзно не затрагивают интересы России; когда транзит власти проходит относительно безболезненно и когда новые лидеры не придерживаются антироссийской риторики. Однако необходимо отметить, что в случае с «бархатными революциями» мы располагаем лишь примером Армении, и, следовательно, при определении семантического содержания и места понятия «бархатная революция» в политическом дискурсе России на современном этапе вынуждены опираться только на данный пример. Кроме того, нужно также иметь в виду, что события в Армении получили наименование «бархатная революция» в первую очередь от самих участников протестных акций, что затем было распространено СМИ. Тем не менее тот факт, что данное наименование не встретило серьёзного сопротивления в отечественном политическом дискурсе и не было однозначно названо «цветной революцией», как, например, события в Казахстане или на Украине, по нашему мнению, говорит в пользу приведённых доводов.

Таким образом, доминирование понятия «цветная революция» в российском политическом дискурсе не абсолютно, в некотором роде ситуативно. Оно используется в зависимости от характера кризисных событий. Вместе с тем его положение весьма значительно. Как отмечает Н. В. Юдин, «цветная революция» как явление становится объектом секьюритизации [37, с. 61], т. е. возводится в ранг главных угроз национальной безопасности страны независимо от того, имеется ли такая угроза на самом деле или нет, поскольку секьюритизация является частью дискурса безопасности. Другими словами, безопасность в данном случае рассматривается не как объективно существующая реальность, но как речевой конструкт, порождение дискурса. Один из основателей теории секьюритизации, О. Вэйвер, писал в этой связи: «Говоря “безопасность”, политик переносит ситуацию в особое поле, стремясь получить право действовать для нейтрализации нежелательной динамики» [цит. по: 38, с. 27]. Секьюритизация, таким образом, тесно связана с проблемой расширения властных полномочий политических субъектов.

Факт отнесения явления «цветных революций» к вопросу безопасности находит подтверждение не только в преобладании сугубо негативной, охранительной трактовки понятия «цветная революция», но и в документах стратегического планирования России. Так в пп. 1 п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. одной из задач, решение которых направлено на достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности, ставится недопущение вмешательства во внутренние дела страны, посягательств на основы конституционного строя России «в том числе путём инспирирования “цветных революций”»².

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. 02.07.2021. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723> (дата обращения: 15.07.2022).

Заключение

Возвращаясь к проблеме соотношения понятий «революция» и «цветная революция», зададимся вопросом: можно ли те события, которые принято называть «цветными революциями», считать действительно революцией? С одной стороны, учитывая всё вышеизложенное, ответ на данный вопрос во многом будет зависеть от вкладываемого в само понятие «революция» содержания. Признавая созидательную силу дискурса, а также то, что «реальность невозможно рассматривать вне самого дискурса» [39, с. 49], стоит принять тот факт, что понятие «революция», проходя через множественные дискурсивные практики, естественным образом видоизменялось, подстраиваясь под реалии конкретной эпохи; принять, что те смыслы, которые приобрело понятие «революция» под влиянием Великих революций, больше не соответствуют духу времени, противоречат его идейно-ценностному наполнению, а у самого понятия не может быть раз и навсегда данного определения. Дж. Голдстоун, например, по прошествии времени видоизменил, расширил свою трактовку революции, приведённую нами выше: по его мнению, революция – это «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания политических институтов» [1, с. 19]. Б. Г. Капустин пишет, что окончательное определение понятия «революция» возможно только в рамках и в качестве продукта универсальной теории, которая становится таковой в силу своей возможности уловить неизменную сущность революции, «своеобразно обнаруживающуюся в разных революционных явлениях» [2, с. 6], однако, это приведёт к смерти самой революции [Там же. С. 31] как чрезвычайно динамичной и трудноуловимой сущности. Иными словами, революция сегодня – это всё то, что мы назовём революцией.

Вместе с тем, с другой стороны, обилие подходов к пониманию явления революции и обилие вызываемых ими споров о том, что можно считать революцией, а что нельзя, не позволяет создать даже в общих чертах некой обобщённой теории революции или хотя бы существенно сократить количество данных теорий. Более того, как пишет Э. Э. Шульц, исследования XXI в. мало способствовали прогрессу в этой области в качественном отношении и будущие исследователи непременно продолжат сталкиваться с проблемой концептуализации понятия «революция» [40, с. 139], что, в свою очередь, будет лишь способствовать расширению круга понятийного плюрализма. Поэтому, возможно, стоит признать концепт «революции» (а вместе с ним и «цветной», и «бархатной») в принципе несостоявшимся и отбросить его, заменив каким-нибудь более нейтральным, например, «конфликтная трансформация социальной системы» или, как предлагает Б. Г. Капустин, «социальные изменения» [2, с. 20].

Таким образом, в ходе проведённого исследования нам удалось установить, что в политическом дискурсе России на современном этапе понятие «революция» практически полностью было поглощено понятием «цветная революция», которое определяется как совокупность политических технологий нелегального свержения политической власти, включающих манипуляцию общественным мнением, массовую мобилизацию населения при существенной роли экзогенных факторов. При этом в научно-политическом дискурсе России ещё встречаются попытки разделить оба понятия. Указывается на существенные отличия между революцией и «цветной ре-

волюцией», например, по части масштаба социальных изменений, идейно-ценностному содержанию и методологическим особенностям прохождения революционных процессов. Однако в общественно-политическом дискурсе практически безраздельно доминирует понятие «цветная революция». Последняя приобретает черты экзистенциальной угрозы российской государственности, секьюритизируется, что находит отражение не только в политическом, но и в правовом дискурсе. Понятие «революция» не встречается, если речь не идёт о Великих революциях прошлого. Вместе с тем, помимо понятия «цветная революция», в общественно-политическом дискурсе России встречается понятие «бархатная революция», которым обозначается насильственная, нелегальная, но в то же время бескровная смена власти в стране, не затрагивающая интересы России и не отличающаяся антироссийской риторикой. В целом можно констатировать, что сегодня понятие «революция» в политическом дискурсе России практически полностью утратило своё классическое семантическое содержание, уступив место «цветным» и «бархатным революциям».

Ссылки

1. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 200 с.
2. Революция как концепт и событие: монография / Редколлегия: А. А. Вартумян, С. Г. Ильинская, М. М. Фёдорова М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. 183 с.
3. Шульц Э. Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). С. 87–93.
4. Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве / Никколо Макиавелли; [пер. с итал.]. М.: Издательство АСТ, 2019. 416 с.
5. Бойцова О. Ю. «Революция» как концепт-перевёртыш: к вопросу о применимости теории революции // Философия политики и права. 2017. № 8. С. 28–42.
6. Brinton K. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded edition. N.Y.: Vintage Books, 1965. 320 p.
7. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
8. Tilly C. From Mobilization to Revolution. N.Y.: Random House, 1978. 362 p.
9. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
10. Сочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / Пер. с англ. С. Моисеев; научный редактор перевода Д. Карасев. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
11. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
12. Розов Н. С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92–108.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 670 с.
14. Цветкова Н. А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 940–950.
15. Мамзелев И. А. Сравнительный анализ подходов к изучению «цветных революций» // Вестник социально-политических наук. 2021. № 20. С. 68–81.
16. Революция в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / Под. ред. В. М. Доброштанова, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. СПб.: ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2017. 649 с.
17. Ветренко И. А. «Революция» и «цветная революция» как теоретические конструкты политической науки // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. 2018. № 1. С. 118–121.
18. Революция: 1917–2017. Перемены vs стабильность // ВЦИОМ. 11.10.2017. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-11_oct100.pdf (дата обращения: 15.07.2022).
19. Октябрьская революция // Левада-центр. 05.04.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/> (дата обращения: 15.07.2022).
20. Какого цвета бензин // Российская газета. 03.12.2018. URL: <https://rg.ru/2018/12/03/ssha-oprobuiut-vo-francii-tehnologii-cvetnyh-revoljucij.html> (дата обращения: 15.07.2022).
21. Майдан в Париже: Трамп ставит Франции условия, но все ищут «след Кремля» // Sputnik Латвия. 11.12.2018. URL: <https://lv.sputniknews.ru/analytics/20181211/10287009/maydan-paris-trump-stavit-france-usloviya-vse-ischut-sled-kremlya.html> (дата обращения: 15.07.2022).
22. Степанов М. А. Идеи и ценности движения «жёлтых жилетов» во Франции // Полилог/Polylogos. 2022. Т. 6. № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110018021-5-1> (дата обращения: 15.07.2022).
23. Казахстан: цветная революция пополам с исламским джихадом // Еженедельник «Звезда». 10.01.2022. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/202218131-tip1B.html> (дата обращения: 15.07.2022).
24. В Госдуме назвали события в Казахстане попыткой цветной революции // РИА Новости. 06.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220106/kazakhstan-1766775249.html> (дата обращения: 15.07.2022).
25. Чаевич А. В. «Цветная революция» в Казахстане как очередная угроза национальной безопасности России // Власть. 2022. Т. 30. № 1. С. 110–115.
26. Притчин С. А. Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1 (54). С. 56–57.
27. Политический кризис на Шри-Ланке: захват резиденции президента и новый глава государства // BFM.ru. 09.07.2022. URL: <https://www.bfm.ru/news/504092> (дата обращения: 15.07.2022).
28. Незаживающая Шри-Ланка // Коммерсантъ. 11.07.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5457676> (дата обращения: 15.07.2022).

29. Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с ситуацией в Шри-Ланке // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 11.07.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1821486/ (дата обращения: 15.07.2022).
30. На Шри-Ланке захвачена президентская резиденция. Сеть: «Доигрались?» // Regnum. 09.07.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3642514.html> (дата обращения: 15.07.2022).
31. Бутенко А. П. О «бархатных» и «небархатных» революциях в странах Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. 2000. № 3 (28). С. 59–68.
32. Атанесян А. В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 80–98.
33. Бархатные полумеры Революция в Армении должна была изменить страну. Почему чуда не произошло? // Lenta.ru. 23.12.2019. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/12/23/barhat/> (дата обращения: 15.07.2022).
34. Манасерян Т. Н. Политэкономия «бархатной революции»: особенности и уроки // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 3. С. 10–16.
35. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 26 апреля 2018 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 26.04.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1569803/#39 (дата обращения: 15.07.2022).
36. Максимов Е. Н. Политические элиты как ведущий фактор цветных революций на постсоветском пространстве // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 1. С. 115–128.
37. Юдин Н. В. Секьюритизация дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 2. С. 56–72.
38. Гайдаев О. С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.
39. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ., 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
40. Шульц Э. Э. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 4 (360). С. 132–142.

Globalization as a threat to Russia's National Security

L. N. Tsoi¹

¹Moscow School of Conflictology, 6 Uralskaya str., building 8, apartment 65, Moscow, 107207, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-32-43

Research article
Full text in Russian

The article reveals two methodological approaches to the study of globalization processes - natural and natural-artificial. The essence of the ideology of the Western liberal understanding of globalization in the works of A. A. Zinoviev, which is often overlooked by Russian researchers, is described. The main global problems and risks are listed, contradictions and conflicts between the local and global levels of management and relations are described. Using the example of the collapse of the USSR, it is shown what globalization is on the Western liberal model and what an existential threat it poses to the national security of Russia and to all mankind. It is shown that globalization is a natural-artificial process, and not a natural one, which Western researchers convince, in the interests of the collective West, reducing the will to resist destructive tendencies. The essence of the conflict between the global and local levels is revealed, as well as the immoral and immoral aspect of globalization.

The statistical data specifically shows WHAT the Russian people lost after the collapse of the USSR, in connection with the processes of globalization at the macro and micro levels. The strategic path of Russia's development in the context of global and national security is shown, new tasks for the humanities in a long evolutionary war are formulated.

Keywords: globalization; natural and natural - artificial sociotechnical systems; locality and globality; morality; evolutionary war; conflicts

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsoi, Lubov N. | E-mail: tsoi-05@mail.ru
| Cand. Sc. (Sociology)

For citation: Tsoi L. N. Globalization as a threat to Russia's National Security // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 32-43. (in Russ.)

Глобализация как угроза национальной безопасности России

Л. Н. Цой¹

¹Московская школа конфликтологии, ул. Уральская, 6, корпус 8, офис 65, Москва, 107207, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-32-43
УДК 316

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье раскрываются два методологических подхода к исследованию процессов глобализации: естественный и естественно-искусственный. Описано западно-либеральное понимание сущности идеологии глобализации, которое раскрывается в работах А. А. Зиновьева и часто упускается из виду российскими исследователями. Перечислены основные глобальные проблемы и риски, рассмотрены противоречия и конфликты между локальным и глобальным уровнем управления и отношений. На примере распада СССР показано, что представляет собой глобализация по западно-либеральному образцу и какую экзистенциальную угрозу она представляет национальной безопасности России и всему человечеству. Показано, что глобализация – это естественно-искусственный процесс, а не естественный, как утверждают западные исследователи в интересах коллективного Запада, снижая волю к сопротивлению перед разрушительными тенденциями. Раскрывается сущность конфликта между глобальным и локальным уровнями, а также аморальный и безнравственный аспекты глобализации.

На статистических данных конкретно показано, ЧТО потерял русский народ после распада СССР в связи с процессами глобализации на макро- и на микроуровнях. Показан стратегический путь развития России в контексте глобальной и национальной безопасности, сформулированы новые задачи перед гуманитарными науками в длительной эволюционной войне.

Ключевые слова: глобализация; естественные и естественно-искусственные социотехнические системы; локальность и глобальность; мораль; эволюционная война; конфликты

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цой, Любовь Николаевна | E-mail: tsoi-05@mail.ru
Кандидат социологических наук, генеральный директор

Для цитирования: Цой Л. Н. Глобализация как угроза национальной безопасности России // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 32-43.

Глобализация и разрушение однополярного мира увеличивают количество вооруженных конфликтов и войн за господство над миром [1]. Как объективный процесс глобализация не может не содержать в себе идей, выражающих интересы транснациональных корпораций, элит сверхобщества. Восприятие глобализации через западные клише и логику западно-либеральных концепций не позволяет обнаружить риски и угрозы разрушения России [2]. Гуманитарные науки и философия должны ответить на вопросы: «Что реально представляет собой модель гло-

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

бализации западно-либерального толка?», «Какой должна быть глобализация?», «Какой глобализации Россия должна противостоять?».

Методологические подходы в исследовании глобализации

Можно выделить два основных методологических подхода в исследовании глобализации как феномена и процесса:

- глобализация – это объективный и естественный процесс;
- глобализация – это объективно-субъективный и естественно-искусственный процесс.

В рамках первого подхода, которого придерживаются ученые западно-либерального направления Д. Белл, Э. Тоффлер, И. Валлерстайн, С. Хантингтон, Н. Хомский, М. Маклюэн, Д. Сорос и др., глобализация предстает в виде естественного процесса, отражающего объективные и закономерные изменения в мире под воздействием технических новаций и развития средств коммуникаций. Центральная идея заключается в том, что развитие мировой экономики происходит за счет успешного развития одних субъектов и борьбы за выживания других [3]. Быстро совершающиеся изменения предполагают адаптацию к ним всего человечества, отдельных индивидов, сообществ и государств.

Одна из идей М. Маклюэна – это идея глобальной деревни как новой формы социальной организации постиндустриального общества [4]. В условиях развития и приоритета электронных коммуникаций житель «глобальной деревни» – «электронный человек» – пользуется вполне естественно всеми средствами коммуникации: деньгами, телефоном, телевидением, радио, интернетом и пр. Представители естественного подхода полагают, что глобализация позволяет восстановить диалог человечества, превратить мир в одну большую «глобальную деревню», объединить усилия всех государств в решении общих проблем [5]. Идея М. Маклюэна положила начало развитию социальных технологий, которые конституируют привлекательный облик глобализирующегося мира по западному образцу. В начале 1960-х годов в Канаде и США начались трансдисциплинарные исследования по экологии средств коммуникации, результаты которых были использованы в информационной войне против СССР и других стран [6]. Главная тема в исследованиях – как воздействовать на сознание человека, пропагандируя западные ценности средствами массовой коммуникации.

Идеи глобализации как объективно-субъективного и естественно-искусственного процесса получили развитие в трудах русского/советского/российского логика, философа и социолога А. А. Зиновьева и советского философа и методолога, основателя системно-мыследеятельностного подхода Г. П. Щедровицкого.

А. А. Зиновьев утверждал, что «бесспорно, глобализация есть не воображаемый, а объективный процесс. Он имеет объективные основания и закономерности. Но это процесс жизнедеятельности людей, обладающих волей и сознанием» [7, с. 452]. В глобализации, инициируемой и проводимой Западом в своих интересах, заложена не только идея мирового господства, это – самая грандиозная, спланированная в деталях модель управления эволюцией человечества.

Г. П. Щедровицкий исследовал объекты, относящиеся одновременно к двум социотехническим системам: естественной и искусственной [8]. Весь мир, согласно его концепции, представляет собой различного рода информационно-управляющие социотехнические системы, **которые НЕКТО** (инженер) проектирует и создает. Гло-

бальные изменения в мире созданы деятельностью человека. При этом человек/человечество, его деятельность признается, во всяком случае, в плане логическом как естественная организованность, и все, что он порождает, представляет собой совокупность социальных и социокультурных систем, которая определяет формирование различных свойств (индивидуальных или личностных). Видимые тенденции не действуют сами по себе, отмечает И. С. Валитов, глобализацию осуществляют люди. Конкретные люди создали долларовую денежную систему, и пока человек/государство пользуется деньгами – они вынуждены жить и играть по их правилам и будут иметь то, что им будет позволено. А потому нужно ставить вопрос: КАКИЕ субъекты осуществляют глобализацию, в ЧЬИХ интересах, с какими намерениями и каковы последствия. [9]. Глобализация, как любой процесс политической, культурной, экономической и иной интеграции, не может быть «ничьей», процесс интеграции осуществляется в интересах разных субъектов, которые находятся в конфликте. Если признать, что глобализация – это естественный и объективный процесс, не зависящий от воли человека, то следует признать также и то, что государства и народы бессильны перед ним. В современном мире действуют мощные силы, стремящиеся убедить в этом массовое сознание. Если же признать, что глобализация – это естественно-искусственный процесс, есть возможность управления им как со стороны государств, так и со стороны народов.

Идеология глобализации

А. А. Зиновьев воспринял глобализацию как мировую войну нового типа, назвав ее эволюционной войной, что означало переход человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ и интеграцию западного мира в глобальное сверхобщество во главе с США [10]. Уместно процитировать его высказывание, сделанное в 2006 году, точно выразившее эту мысль: «Этот процесс является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации человечества. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества» [Там же. С. 452]. В глобализации Зиновьев обнаружил процесс установления политического и идейного господства США и коллективного Запада над всем мировым сообществом. Глобализация – это удар извне по национальным государствам, их ослабление и разрушение. «Социальные системы, – писал Зиновьев, – не уничтожают сами себя. Разрушить их может только внешняя сила. Это как катящийся по поверхности шар: только наличие внешнего препятствия может его остановить» [11].

Основным содержанием «западнистской идеологии» является, с одной стороны, апология американского образа жизни, его так называемой «свободы и демократии», с другой – борьба с Россией как с реальным врагом Запада с помощью различных идей и технологий. Поскольку эта задача глобализации западно-либерального толка – уничтожение России – не могла быть воспринята положительно общественным сознанием российских граждан, она была прикрыта риторикой о планетарном единении, о трансформации мира в одно интегрированное целое как программы развития России. Либеральная лексика является важным механизмом проникновения западно-либеральных ценностей и моделей образа жизни в сознание русского народа. Этим целям служит и само понятие «глобализация».

Логику западно-либерального взгляда на глобализацию можно раскрыть в двух основных тезисах:

1. Есть развитые и неразвитые страны. Развитие страны предполагает восходящее движение к прогрессивным формам общественной организации так называемых развитых стран. Распространение по всему миру последних означает «конец истории». Это результат глобализации.

2. Есть страны, которые развиваются за счет других стран, тотально зависимы от развитых стран – это результат глобализации.

К сожалению, следует признать, что гуманитарные науки в России до сих пор находятся под влиянием логики западных постмодернистских научных и политико-идеологических программ [12].

Так, С. Г. Кирдина-Чэндлер рассматривает понятие «глобализация», опираясь на теории глобализации западных социологов, которые связывают его с понятием «модернизация» (Т. Парсонс, С. Хантингтон, Э. Шилз и др.) [13], в то время как модернизация предполагает вытеснение традиций современностью и восходящее линейное движение к более развитым, прогрессивным формам общественной организации, которые предлагают развитые страны [Там же. С. 4]. Их распространение по всему миру означает «конец истории». Развитые в экономическом отношении страны навязывают миру свое представление о прогрессе и демократии, реализуя при этом «американо-европейскую либеральную» модель глобализации, предлагая «неразвитым» странам идти по их пути [14]. По мнению западных социологов и политиков, в числе таких «неразвитых» государств находится и Россия.

Подобное представление о *глобализации затемняет ее истинное значение и скрывает подлинные цели глобалистов коллективного Запада.*

В реальности на макроуровне размываются и уничтожаются практически все барьеры между народами, странами, континентами. На микроуровне происходит замена реального общения, складывавшегося веками, виртуальным. Мёртвые формы вытесняют живые отношения между людьми. Глобализация по западно-либеральному образцу – это не просто механизм стирания границ во всех сферах жизнедеятельности (государственных, мировоззренческих, экономических, политических, личностных и пр.), а в первую очередь тотальное и повсеместное распространение/тиражирование западно-либерального образа мышления и образа жизни, одержимого прибылью, превосходством и идеей господства над миром.

Российские исследователи до сих пор как бы «не замечают», какой механизм разрушения заложен в западно-либеральном понимании глобализации. В условиях кардинального изменения ситуации в России требуется обратить серьезное внимание на развитие методологических подходов к изучению процессов в России и в мире. Каждое новое понятие должно проверяться учеными-гуманитариями на предмет его логической состоятельности, ценности для русской культуры и российской цивилизации. Этому в немало степени может способствовать содержательно-генетическая логика А. А. Зиновьева [11].

Глобальность и локальность: противоречия и конфликты

Фундаментальным свойством локального общежития является мораль [15]. Под моралью подразумеваются добродетельные и доброжелательные поступки личности, которые она совершает как индивидуально-ответственный человек, руководствуясь ориентацией на преобладающие в обществе (привычные, образцовые)

каноны [16]. А так как мораль никогда не может воплотиться в жизни в полной мере, то она может расцениваться как долг перед человечеством (долг человечности). Долг как ответственность рассматривается М. М. Бахтиным в двух видах: специальной ответственности (касается содержания поступка в рамках деятельности) и нравственной ответственности (касается факта поступка человека в его неповторимой единственной жизни). Поступок становится ПОСТУПКОМ тогда, когда человек рефлектирует и обретает единство двусторонней ответственности [17].

Мораль, ответственность, долг, добродетели возможны только на локальном уровне, в процессе взаимодействия между конкретными людьми. Только живые люди могут оценить поступок, дать ему оценку как негативную, так и позитивную в контексте нравственной системы реального общежития или норм деятельности. Локальный уровень определяет оценку поступка. На локальном уровне сохраняются семейные и внесемейные традиционные институты, проявляется социальная жизнь во всей ее полноте и синтезе различных культур. В локальном контексте свобода поведения индивида опирается на традиции, сложившиеся в сообществе, которые рассматриваются как общее наследие локальности. Даже если они неявно видны, они сохраняют роль надежных ориентиров для предсказуемости и взаимодействия, поддерживают традиционные формы ритуалов, готовят групповой контекст, чтобы оградить группу от случайного сбоя или неудачи. Традиции расставляют многое по своим местам. Благодаря сложившимся и признанным культурным ресурсам локальности поддерживаются спонтанные формы коллективности и игры не только для гармоничных форм взаимодействия, но и для конфликтных, кризисных форм или для оборонительных действий, в случае угрозы разрушения. Самоуправление на локальном уровне стратегически направлено на поддержку солидарности в локальные сообщества через поведение: от осторожного внимания, публичной критики до поощрения и включения всего спектра допустимых агрессивных форм, включая демонстративное безразличие, бойкот и другие формы исключения.

Локальность – это пространство, в котором человек ощущает устойчивую солидарность благодаря морали, наличие которой не оставляет человека в одиночестве, заброшенности и в пустоте. Мораль помогает прийти на помощь друг другу на локальном уровне. Локальные сообщества защищают свой суверенитет, язык, культуру, традиции перед разрушительными глобальными процессами, которые подрывают суверенитет больших территориальных институтов, прежде всего государства.

На глобальном уровне доминируют функциональные отношения, что не оставляет места для морали. Мораль выдавливается/вычищается из глобального контекста с помощью технически поддерживаемых программ и коммуникаций [18]. Кроме того, в глобальных виртуальных интеракциях господствует скрытая или явная анонимная власть, техническая целесообразность, что чревато аморализмом, рисками и угрозами, наряду с искушениями и соблазнами.

Результаты глобализации по западному образцу: на примере распада СССР

После распада СССР началась эпоха **реальной глобализации**. До этого момента глобализм тоже существовал, но развитие сдерживало противостояние двух систем, их биполярная конфронтация.

Новой реальностью стала трансформация **биполярного** мира в **однополярный**. США остались единственной в мире сверхдержавой, которая стала решать от-

дельные международные проблемы по собственному усмотрению, то есть по своим правилам.

Что потерял русский народ после распада СССР? [19]. Под словом «русский» имеется виду принадлежность не к этносу или национальности, а принадлежность к культурно-историческому типу многонационального государства, каждый гражданин которого готов духовно и физически защищать свое отечество и свои земли от врагов, при встрече с которыми он жертвует самым ценным – своей жизнью – во имя высшего (семья, род, Отечество, идея). Русский народ – первая глобальная нация в собственном смысле слова. Русский народ – это совокупный целостный образ всех народностей и национальностей, проживающих на территории России, со своей этнической, культурной, религиозной, мировоззренческой, поведенческой и геополитической уникальностью, защищающий справедливость, Русский Мир и целостность Российского государства [20]. В период либерализации страны бы нанесен удар по идеям равенства и нерушимости дружбы народов. На международной арене Россия потеряла лидерство в геополитическом пространстве. Появились новые угрозы: всеобщей ядерной войны, продвижения НАТО на Восток к российским границам. США и НАТО стали устанавливать свои правила и принуждать разными методами все государства мира жить по их правилам.

Во внутренней политике в 90-е годы началось разрушение всех институтов власти, построение олигархического капитализма. Российская Федерация утратила возможность проведения самостоятельной кадровой политики на всех уровнях и во всех ветвях государственной власти. Происходил стремительный рост таких антисоциальных явлений, как наркомания и алкоголизм в молодежной среде [21]. Качественная медицина стала платной. В Россию хлынули медицинские препараты и лекарства, от которых освобождались западные страны. Одна из самых больших потерь после распада СССР – это падение морали. [22]. Почти полностью были разрушены или уничтожены библиотеки, дома культуры, детские кружки и секции, пионерские лагеря, санатории, дома отдыха. Вместо профессионализма в литературе, музыке, живописи, кино утвердилось торжество дилетантов и халтурщиков, мафиозных структур, продвигающих в массы свои креатуры. Образование превратилось в сферу услуг, упал престиж учителя в школе и преподавателя вуза. Переписывалась история, делались попытки уничтожения памяти о героях ВОВ, об исторических личностях России. Из вузов постепенно удаляли преподавание истории или снижали число занятий по истории до минимума.

В программах социальной поддержки стало хроническим общее недофинансирование, размеры пенсий стали чудовищно малы, быстрыми темпами стала расти безработица и утечка умов за рубеж. Разрушалось государственное управление, произошло сращивание олигархии с государственным аппаратом. Появились псевдодемократические институты, финансируемые коллективным Западом и зарубежными фондами. Усилился криминальный характер российского капитализма, подкуп, другие формы коррупции государственных чиновников самого высокого ранга.

Происходило насильственное разрушение планово-регулируемой общественной системы, сложившейся в Советском Союзе, демонтаж социалистической системы.

Российское общество трансформировалось в ранний, «криминальный» капитализм.

Проведена так называемая приватизация, в результате которой олигархи и организованные преступные группировки (в основном руководители партийных и комсомольских органов, общественных организаций и директоров) присвоили себе народное достояние / недра и средства массовой информации. Началась распродажа иностранному капиталу предприятий общероссийского значения, имеющих стратегическое значение. Произошло резкое сокращение производства во всех сферах деятельности. Россия все глубже влезала в долги МВФ, Всемирному банку, Парижскому и Лондонскому клубам.

Российская информационная система оказалась заполнена симулякрами, фантомами, мифами и соблазнами западного мира. Была упразднена цензура, и в России стала распространяться информация, порочащая историю СССР, снижающая значимость государства в жизни общества, растлевающая молодежь, пропагандирующая самые мерзкие формы человеческого поведения и потребления.

Началась информационная и другие типы войн против России. Произошел развал одной из самых боеспособных армий в мире, следовательно, была поставлена под угрозу национальная безопасность государства. Впервые в истории России резко упал престиж военной службы. Небывалых масштабов достигла моральная деградация армии [23].

Обострились и ужесточились межнациональные конфликты на постсоветском пространстве, причем большинство из них быстро перешло в фазу вооруженных столкновений. Население России фактически уменьшилось наполовину. Число беженцев в результате этих конфликтов составило не менее 5 млн. человек [24, с. 311].

Положительно оценивают распад СССР западно-либеральные экологи, которые обратили внимание на разрушение «грязной» советской промышленности, что положительно сказалось на выполнении РФ условий Киотского протокола по сокращению выброса в атмосферу парниковых газов. Крах колхозов и вывод из оборота огромных сельскохозяйственных угодий в постсоветской России создали благоприятные последствия для экологии России и всей планеты [25].

Однако такой оптимизм западно-либеральных экологов противоречит аналитическим материалам исследователей Академии наук РФ, которые пришли к выводу о том, что распад СССР на самом деле ухудшил реальные возможности решения проблем охраны окружающей среды как на межгосударственном уровне, так и в самой России [26].

Гуманитарный аспект глобализации: от поиска проблем к поиску ресурсов

После распада СССР в гуманитарные науки России пришло много разных понятий и терминов. Новое понятие появляется тогда, когда возникают новые явления/проблемы, описание которых невозможно в рамках имеющего понятийного аппарата.

Термин «глобализм» появился в работах западных исследователей не только для того, чтобы раскрыть объективные закономерные глобальные процессы, но и для того, чтобы взять эти процессы под тотальный контроль, а также для того, чтобы скрыть хищническую сущность коллективного Запада.

Скрыть идеологию глобализма можно было через привлекательные идеи/модели/программы, среди которых – объединение мира против войны, совместная борьба против загрязнения природы, международное разделение труда, распростране-

ние демократии в целях развития государств, переход на программы Болонской системы образования как «самой лучшей в мире» и т. д.

Понятийный аппарат гуманитарных наук тесно переплетается с идеологией, установками и ценностями ученого. Отсутствие рефлексии у исследователей не позволяет называть «вещи» своими именами и порождает причудливый мир с размытыми границами между знаниями и информацией, истиной и правдой, фактами и интерпретациями, ложью и достоверностью, потерей смысла [27].

Методология и понятийный аппарат ныне существующей официальной гуманитарной науки в России не соответствуют тем задачам, которые необходимы России в период длительной эволюционной войны. А использование понятийного аппарата западно-либеральных ученых способствует развитию западной линии эволюции, чуждой российской цивилизации и русской культуре.

Поле битвы гуманитарных наук – это пространство мышления, языка, коммуникации, смысла и в словах *как действиях*. А это означает, что гуманитарные науки в России имеют такое же значение, как армия и государственная политика в сфере обороноспособности и безопасности. Россия принимает участие в эволюционной войне и ведет борьбу ЗА безопасность всего мира, ПРОТИВ механизма и программ по уничтожению человечества как биологического вида, ПРОТИВ механизма деформации и деградации человека, против глобализации по западному образцу. Самый важный вопрос в гуманитарном плане – это моральное обоснование глобализма как войны нового типа. Борьба с таким обоснованием требует интеллектуальных / духовных ресурсов.

Если в мирное время, основной задачей гуманитарных наук является выявление проблем, то сегодня необходимо осуществить методологический переход от исследования проблем к поиску ресурсов:

Идеологических – русский взгляд на историю европейской цивилизации, на Россию и нас самих как безусловных и ключевых участников этой истории, ответственных за ее судьбу, за ее будущее.

Исторических – извлекать из истории уроки мужества и героизма в защите государства российского.

Интеллектуальных – способствующих освобождению от привычного и распространённого даже в научной литературе ошибочного представления о глобализме, о войнах и конфликтах.

Духовных – формирующих волю русского народа к сопротивлению чуждым для русской культуры западным образцам поведения, морали и этики.

Философских – в идеях, философских концепциях русских и советских философов.

Концептуальных – обеспечивающих целостность и связь процессов микро- и макроуровней в контексте эволюционного развития человечества.

Исследовательских – поиск новых методологических оснований гуманитарных наук, обеспечивающих смысловую идентичность личности и ресурсы развития всех сфер деятельности.

Нормативно-правовых – опирающихся на разрабатываемые в ходе государственного строительства нормативно-правовые акты морали/нравственности, традиции русской цивилизации.

Информационных – открывающих доступ для всех заинтересованных сторон к правдивой информации и знаниям.

Организационных – предусматривающих точное и быстрое распределение задач, прав и ответственности среди участников совместной деятельности на принципах обратной связи и контроля за выполнением стратегических тактических задач.

Образовательных – возможность получать качественные исторические и иные знания, формировать компетенции, расширять горизонты профессионального сознания в ходе разработки и реализации проектов развития. В образовании необходимо изменение всей статусно-ролевой системы субъектов образовательной деятельности.

Финансовых – банковские ресурсы и денежные средства, которые имеются в распоряжении государства, предприятий, организаций, учреждений, для формирования необходимых активов в целях развития всех видов деятельности.

Инновационных – развитие человеческого потенциала, творческой способности генерировать и воплощать новые идеи.

Символических – базовые мифы/легенды в России и на ее территориях, формирующие образы героев и освященные скрытыми смыслами и связями с родом, семьей, историей России, с социальной идентичностью, профессией, с профессиональной группой, с Россией и ее символикой.

Коммуникативных – ценностно-смысловые факторы акмеологического, профессионального и личностного развития культуры субъектов деятельности.

Ресурсов сотрудничества – существуют *априори* как ресурс кооперации, партнерства и сотрудничества.

Эти ресурсы должны быть обнаружены российскими гуманитарными науками и философами. В этом и будет вклад гуманитарных наук в Победу России, в ее безопасность и развитие.

Будущее России: стратегия национальной безопасности в условиях глобализации

В феврале 2022 г. Россия начала специальную военную операцию на Украине по демилитаризации и денацификации. В. В. Путин сформулировал основные тезисы, за что борется Россия, и обосновал требование равноправного/равноценного глобального сотрудничества. Президент РФ объявил о возврате России в разряд держав, способных составить противовес амбициям глобального господства НАТО (США и коллективного Запада), действия которых создают угрозу безопасности России и всему миру.

Главные тезисы речи Владимира Путина [28]:

- *Многополярность – единственный шанс для Европы восстановить свою субъектность.*

- *Россию никогда не получится уничтожить и «смахнуть» с геополитической карты.*

- *Никто никогда не сможет диктовать нашему народу, какое общество и на каких условиях и принципах мы должны строить.*

- *Запад не способен единолично управлять человечеством, а большинство народов мира уже не хочет с этим мириться.*

- *Новым центрам многополярного мироустройства и Западу придется начать равноправный разговор об общем для нас будущем. И чем раньше – тем лучше.*

Миру нужна альтернатива, и она должна быть связана с российским глобальным проектом безопасного характера, с проектом такой социальной структуры, которая

опиралась бы на гуманитарные науки в понимании глобализации и демократии российского образца.

Резюме

Глобализация и современный мировой порядок, который навязывают всему миру США и коллективный Запад, доказали свою хищническую/грабительскую природу.

На примере распада СССР у народов России уже нет сомнения в том, что глобализация по западному образцу действительно несет в себе экзистенциальную угрозу для национальной безопасности России и всех государств мира, которые стремятся к независимости и сохранению своей культуры, языка и традиций. Понимание глобализации российского образца противостоит пониманию глобализации западно-либерального толка.

Гуманитарным наукам необходимо освободиться от влияния западных постмодернистских научных и политико-идеологических программ/технологий. Необходимо признать наличие двух линий эволюционного развития, а значит, двух враждующих онтологий, двух эволюционных стратегий, двух языков понимания, двух интерпретаций одного и того же явления/понятия (глобализация, демократия, власть, добро и зло и пр.), что требует новой ресурсной методологии гуманитарных наук.

Задача гуманитарных наук заключается в информационной защите России через развенчание идеологии глобализма коллективного Запада во всех его проявлениях.

Ссылки

1. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; общая редакция и посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. Иванов О. Б. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы // «ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика». 2019. № 1. С. 20–36.
3. Романов М. И. Глобализация как феномен мирового развития // Экономические науки / ECONOMICS. Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 7 (73). Июль. С. 112–115.
4. Карнаушенко Л. В. Глобальная деревни как новая форма социальной организации постиндустриального общества и фактор угрозы государственному суверенитету // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 38–41.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / Пер. с англ. и прим. А. Юдин. М.: Центр гуманитарных технологий, 2003. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568>. (дата обращения: 02.11.2022).
6. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009. 424 с.
7. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
8. Щедровицкий Г. П. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах // XV Чтения '2009: Тексты к XV Чтениям. 2009. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/chteniya/xv/text/8.html> (дата обращения: 02.10.2022).
9. Валитов И. С. Как переиграть глобальную олигархию и сформировать новый мировой порядок // РИА «Новости». 7.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170907/1502029319.html> (дата обращения: 02.10.2022)

- 10 Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Агентство «Социальный проект», 2011. 528 с.
- 11 Зиновьев А. А. Запад – Россия: управляемая катастрофа // Официальный сайт общероссийского общественного движения по возрождению традиций народов России. URL: <https://www.rus-lad.ru/news/a-a-zinovev-zapad-rossiya-upravlyаемaya-katastrofa/> (дата обращения: 02.11.2022).
- 12 Гончаров А. Дело академиков. Как выполняют госзадание сотрудники Института философии // Завтра. 19.01.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/delo_akademikov (дата обращения: 20.01.2023).
- 13 Кирдина-Чэндлер С. Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 3–16.
- 14 Бузгалин А. В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. 2008. Вып. 1. С. 120–127.
- 15 Грицанов А. А. Никомахова этика // История философии: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с.
- 16 Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 54–293.
- 17 Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.
- 18 Голофаст В. Б. Глобальное и локальное как контексты и контрасты // Телескоп. 2002. № 1. С. 1–13.
- 19 Карпенкова Т. В. Кардинальные изменения в мире, вызванные распадом СССР // Известия Тульского Государственного Университета. 2013. № 4. С. 124–135.
- 20 Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. СПб.: Питер, 2020. 688 с.
- 21 Мукомель В. И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 66–71.
- 22 Кирилина Т. Ю. Отечественная социология морали: прошлое, настоящее, будущее // СОЦИС. 2013. № 6. С. 23.
- 23 Генерал-лейтенант В. Соболев рассказал всю правду о развале российской армии // Коммунистическая партия Российской Федерации. 13.12.2012. URL: <http://kprf.ru/activity/army/113429.html> (дата обращения: 02.11.2022).
- 24 Мукомель В. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: сб. ст. М., 1997. С. 298–324.
- 25 Экологи в восторге от последствий распада СССР // ИА Амител. 6.10.2013. URL: <https://www.amic.ru/news/politika/ekologi-v-vostorge-ot-posledstviy-raspada-sssr> (дата обращения: 01.11.2022).
- 26 Проблемы экологии. Тематический справочник Российской академии наук. Вып. 1,2. М., 2003. 704 с.
- 27 Загладин Н. В. Кризис цивилизации или гуманитарного знания? // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 146–157.
- 28 Речь В. Путина на Заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695> (дата обращения: 02.11.2022).

Paternal Communities in Modern Russia: Discourses and Practices

N. N. Kozlova¹, S. V. Rassadin¹

¹Tver State University, 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-44-57

Research article
Full text in Russian

The relevance of the study is based on the genesis of public organizations of fathers within the Russian civil society. The object of the research is the legally institutionalized communities of fathers, the subject is their discourses and practices, the source is the online network resources of these public associations. The novelty of the study lies in the consideration of the conceptual, ideological and project-practical aspects of the activities of paternal communities, identification of goals, objectives, strategies for the development of a culture of paternity in the context of state policy to preserve and strengthen traditional values.

Analyzing Russian public organizations and movements of fathers, the authors come to the conclusion that at the present stage, fathers' communities are consolidating into an integral ecosystem, there are movements at the federal level, potentially capable of acting as lobbyists for ideas articulated in program documents as novels in family law. The authors believe that the common goal of all paternal communities is to increase the role of the father in modern Russian society through the promotion of the father-mentor model based on the concept of traditional family values. The presence of a wide range of interpretations of paternity associated with an ambiguous interpretation of traditional values is noted. It is alleged that the ideology of the division of complementary spheres of responsibility into female/maternal and male/paternal declared by paternal communities is offered in a modernized and traditionalist form. The authors explicate both positive (development of discourses and practices of socially responsible fatherhood, protection of fathers' rights in case of divorce) and negative (ideology of neopatriarchy) effects of the activity of paternal communities in Russia.

Keywords: fatherhood; state family policy; traditional family values; traditional fatherhood; modern fatherhood; fathers and children; masculinity; civil society

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kozlova, Natalia N. | E-mail: tver-rapn@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Politics), Associate Professor

Rassadin, Sergey V. | E-mail: s_r08@mail.ru
| Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

For citation: Kozlova N. N., Rassadin S. V. Paternal Communities in Modern Russia: Discourses and Practices // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 44-57. (in Russ.)

Отцовские сообщества в современной России: дискурсы и практики

Н. Н. Козлова¹, С. В. Рассадин¹

¹Тверской государственный университет, ул. Желябова, 33, Тверь, 170100, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-44-57
УДК 316

Научная статья
Полный текст на русском языке

Актуальность исследования фундируется генезисом в рамках российского гражданского общества общественных организаций отцов. Объектом исследования являются юридически институционализированные сообщества отцов, предметом – их дискурсы и практики, источником – сетевые онлайн-ресурсы данных общественных объединений. Новизна исследования состоит в рассмотрении концептуально-идеологического и проектно-практического аспекта деятельности отцовских сообществ, выявлении целей, задач, стратегий развития культуры отцовства в контексте государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

Анализируя российские общественные организации и движения отцов, авторы приходят к выводу, что на современном этапе отцовские сообщества консолидируются в целостную экосистему, возникают движения на федеральном уровне, потенциально способные в перспективе выступить лоббистами артикулированных в программных документах идей в качестве новелл в семейное законодательство. Авторы полагают, что общая цель всех отцовских сообществ заключается в повышении роли отца в современном российском обществе через продвижение модели отца-наставника, основанной на концепции традиционных семейных ценностей. Отмечается наличие широкого спектра трактовок отцовства, связанных с неоднозначной интерпретацией традиционных ценностей. Утверждается, что заявленная отцовскими сообществами идеология разделения взаимодополняемых сфер ответственности на женские/материнские и мужские/отцовские предлагается в модернизированной и в традиционалистской форме. Авторы эксплицируют как позитивные (развитие дискурсов и практик социально ответственного отцовства, защита прав отцов при разводе), так и негативные (идеология неопатриархата) эффекты деятельности отцовских сообществ в России.

Ключевые слова: отцовство; государственная семейная политика; традиционные семейные ценности; традиционное отцовство; современное отцовство; отцы и дети; маскулинность; гражданское общество

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козлова, Наталья Николаевна (автор для корреспонденции)	E-mail: tver-rapn@mail.ru Доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой политологии, Институт экономики и управления
--	---

Рассадин, Сергей Валентинович	E-mail: s_r08@mail.ru Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии, Институт экономики и управления
-------------------------------	---

Для цитирования: Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Отцовские сообщества в современной России: дискурсы и практики // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 44-57.

Семейная политика в современной России является приоритетным направлением внутренней политики государства. С середины 2000-х гг. на федеральном, а затем на региональных уровнях государственной власти был разработан и реализован комплекс мер, направленных на поддержку семьи как социального института. С 2012 г. в культурно-идеологическом пространстве страны актуализируются консервативные ценности, которые нашли свое выражение в ряде нормативно-правовых актов: Распоряжении Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», поправках к Конституции РФ 2020 г., Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В рамках символической политики, проводимой органами государственной власти, следует отметить введение в отдельных регионах медалей, награждающих социально ответственных отцов. В Тверской области в 2020 г. был введен почетный знак «Слава отца», которым награждаются главы семей, воспитывающих в одном браке пятерых и более детей¹. Помимо активной политики государства, направленной на поддержку традиционной семьи, повышение роли отцовства², следует отметить и оживление институтов гражданского общества в этом направлении. Опираясь на прогнозы демографов, согласно которым численность населения России за 2020–2024 годы уменьшится более чем на 1,2 млн. человек³, в 2021 г. Общественная палата РФ сформулировала предложения по реализации дополнительных мер поддержки семей с детьми, в том числе, на развитие проектов, направленных на содействие, помощь отцовству⁴. В последние годы все более громко заявляют о себе общественные организации, в том числе отцовские сообщества, которые являются объектом анализа в данной статье.

Интерес исследователей к проблематике отцовства в XX–XXI вв. обусловлен вниманием к трансформации социальных ролей мужчин в процессе модернизации обществ. Данная проблематика находится на пересечении различных векторов социогуманитарного знания – психологии, социологии, истории, культурологии и др., которые рассматривают феномен отцовства на основе различных теоретико-методологических принципов [1].

В научных публикациях зарубежных авторов были раскрыты различные аспекты влияния отцовства на развитие детей [2]. Часть авторов трактует трансформацию отцовских ролей в контексте кризиса института семьи [3], другая часть исследователей – в контексте модернизации общества. Так, важный вклад в исследование отцовства внес Р. ЛаРосса, который изучал прежде всего поведение отцов

¹ Почетный знак «Слава Отца» // Министерство семейной и демографической политики Тверской области. URL: <https://minsemya.tverreg.ru/mery-podderzhki-semey-s-detmi/nagrady-i-premii/pochetnyy-znak-slava-ottsa/> (дата обращения: 25.11.2022).

² В ГД состоялся круглый стол, организованный общественным движением «Отцы России» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 16.12.2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/56049/> (дата обращения: 25.11.2022).

³ Ситдиков Р. «Известия»: правительство ухудшило прогноз по убыли населения в России // РИА Новости. 16.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201016/naselenie-1580045325.html> (дата обращения: 25.11.2022).

⁴ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год // Общественная палата Российской Федерации. URL: <https://report2021.oprf.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

в контексте определённых культурных детерминант [4], благодаря чему ввел понятие «культура отцовства» [5]. Ученый отмечает значительную модернизацию отцовства в американской культуре в период между Первой и Второй мировыми войнами, которые привели к институционализации роли отца как экономического субъекта (кормильца) и одновременно как мужского/маскулинного образца для подражания [6]. Анализ эволюции отцовства позволил исследователям выделить несколько моделей отцовства: модель кормильца/отца-добытчика, который является наставником детей, и модель нового/вовлеченного отца, который активно участвует в практике ухода [7]. Степень распространенности данных моделей активно обсуждается в академических кругах [8].

Современных зарубежных исследователей отцовства привлекает широкий спектр проблем – влияние феминизации на репертуар отцовских практик [9]; темы, связанные с исполнением роли отца после развода [10]; реализация прав отцов детей-инвалидов [11], отцов, находящихся в заключении, идентичность отцов и т. д. [12]. В рамках гендерных исследований детально были проанализированы конфигурации между отцовством и маскулинностью [13]. Географически ареал изучения отцовства расширился, и на данный момент исследования по данной проблематике ведутся практически в каждой стране⁵.

Среди отечественных исследований следует выделить прежде всего труды И. С. Кона, в которых отцовство рассматривалось и как социальный институт, и как деятельность, практики и стили поведения [14]. Российские исследователи, изучающие данное явление в контексте советской эпохи, констатировали феномен депривации отцовства, выполнение мужчиной преимущественно роли работника [15]. Ученые пришли к выводу, что роль отца в семье явно не была четко очерчена в отличие от функционала матери, полностью ответственной за состояние семейно-приватной сферы [16; 17]. При этом в рамках позднего социалистического дискурса констатировался факт, что безотцовщина – это негативное явление, которое необходимо преодолеть [18].

Исследователи феномена отцовства в современной России отмечают его различные психологические [19; 20], социологические [21; 22] особенности, рассматривают трансформацию отцовства в связи с корреляцией гендерной системы [23; 24; 25], изменением матримониального поведения населения, сопровождающимся девальвацией института брака [26]. По мнению ученых, достаточно сложно в российском социуме выстраивается модель «разведенного отца» [27]. Анализируя новые практики вовлеченного отцовства, исследователи отмечают как позитивные моменты – увеличение времени, проводимого с детьми, развитие стратегий участия отцов в уходе за детьми [28; 29], так и негативные тренды – появление рисков для усиления контроля за женщинами [30] и конструирование традиционной гегемонной маскулинности [31].

В целом авторы научных трудов приходят к выводам, что в российском социуме сосуществуют два тренда в развитии отцовства: эгалитарный и традиционный, отражающие изоморфное сочетание традиционных (понимаемых как патриархальные), а также новых моделей отцовства, связанных с переосмыслением

⁵ Доклад «Положение отцов в мире: время действовать // State of the world's fathers. URL: https://s30818.pcdn.co/wp-content/uploads/2019/05/SOWF_RUSS_for_site-1-1.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

ценности для мужчин приватно-семейной сферы [32; 33], которая «становится для мужчин одним из путей эмансипации, освобождения от зачастую навязанных социальных ролей» [34]. В целом согласимся с Л. Х. Урусовой: «сегодня мужчинам предстоит заново искать своё место в семейной системе, заново обретать свою социальную репутацию и учиться понимать своих детей» [35]. Итак, обратимся непосредственно к анализу дискурсов и практик отцовских общественных организаций в современной России.

Одним из наиболее масштабных отцовских сообществ является «Совет отцов». Согласно интернет-источникам, инициативы, связанные с привлечением внимания к теме ответственного отцовства, были впервые озвучены в 2014 г. участниками Всероссийской акции-мотопробега «Отцы России за многодетную семью»⁶. В 2015–2016 гг. активистами была разработана концептуально-идеологическая основа организации в «Кодексе мужчины и отца», а в 2018 г. в Общественной палате РФ состоялось первое Всероссийское заседание Совета отцов при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка⁷. Детский омбудсмен А. Кузнецова поддержала идею создать федеральный «Совет отцов»⁸. При непосредственной инициативе «Совета отцов» в 2019 г. в Екатеринбурге был проведен первый Всероссийский форум отцов «Роль отца в современной семье: государственная политика и новые перспективы»⁹. В 2020 г. был создан Фонд поддержки ответственного отцовства «Истоки», который обеспечивает деятельность «Совета отцов»¹⁰. Внутри «Совета отцов» и фонда «Истоки» в 2021 г. оформилось Всероссийское общественное движение «Отцы России»¹¹.

Анализ «Кодекса мужчины и отца», представляющий собой совокупность пяти тезисов, показывает, что «Совет отцов» ориентирован на традиционные ценности, историю и религию. Авторы документа акцентируют внимание на тесной связи мужчин с семьей и страной («Я мужчина, и я в ответе перед Богом за то, что происходит со мной, с моей семьёй и с моей страной»), подчеркивают значимость роли мужчины как защитника («Я мужчина, и я защитник своей семьи, близких и своей страны») и ценность роли отца («Я мужчина, и быть достойным мужем и отцом для меня – одно из важнейших дел на земле»), предъявляют этические требования к мужчинам («Я мужчина, и я верен принципам чести, совести и созида-

⁶ День отца // «Истоки». Фонд поддержки ответственного отцовства. 04.10.2021. URL: <https://istokiotsovstva.ru/component/k2/241-den-ottsa> (дата обращения: 23.11.2022).

⁷ Анна Кузнецова открыла первое заседание Всероссийского Совета отцов при Уполномоченном по правам ребенка // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: сайт. 18.01.2018. URL: <https://istokiotsovstva.ru/o-sovete/o-sovete> (дата обращения: 23.11.2022).

⁸ Омбудсмен Кузнецова поддержала инициативу создания федерального Совета отцов // РАПСИ. 08.11.2017. URL: <https://rapsinews.ru/news/20171108/280857720.html> (дата обращения: 23.11.2022).

⁹ Совет отцов // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: сайт. 05.12.2018. URL: <http://deti.gov.ru/projects/fathsoveto/docs> (дата обращения: 24.11.2022).

¹⁰ О фонде «Истоки» // «Истоки». Фонд поддержки ответственного отцовства. 18.02.2020. URL: <https://istokiotsovstva.ru/o-fonde-istoki> (дата обращения: 24.11.2022).

¹¹ 18 ноября 2021 года создано Всероссийское общественное движение «Отцы России» // «Истоки». Фонд поддержки ответственного отцовства. 09.12.2021. URL: <https://istokiotsovstva.ru/novosti/680-18-noyabrya-2021-goda-sozdano-vsrossijskoe-obshchestvennoe-dvizhenie-ottsy-rossii> (дата обращения: 24.11.2022).

ния»). Высокие моральные стандарты, по мнению составителей кодекса, позволяют отцам выступать образцом для подражания («Отец – это пример для жены и детей»)¹². Таким образом, изложенные идеологемы ориентируют проекты «Совета отцов» и фонда «Истоки» на формирование социальной ответственности мужчин и отцов.

Анализ сайтов «Совета отцов» и фонда «Истоки» показывает, что основной стратегией достижения данных целей является реализация проектов, связанных с наставничеством, в которые включается военно-патриотическое воспитание, профилактика правонарушений, пропаганда здорового образа жизни. В частности, вопросы безопасности детей и подростков артикулируются в рамках проекта «Совета отцов» «Отцовский патруль»¹³; адресная помощь неполным отцовским семьям в трудной ситуации осуществляется благодаря программе «Ты не один»¹⁴ и др. Региональные отделения «Совета отцов», которые зарегистрированы почти во всех субъектах Российской Федерации, в рамках патриотической работы проводят уроки мужества, конкурсы отцовской песни, фотографий, организуют «уголки мужества» в школах, работают с «Юнармией». Данное сообщество реализует социально важные проекты, такие как мониторинг детской безопасности, развитие спорта через проведение различных соревнований, контроль за качеством питания в детских садах и школах и т. д. Среди наиболее значимых проектов организации необходимо отметить программу оказания адресной помощи семьям с детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию¹⁵, в частности, трудоустройство трудных подростков, наставничество в отношении детей и подростков, растущих без отцов¹⁶.

Среди региональных отделений наиболее активно работает «Совет отцов Москвы при омбудсмене»¹⁷. На сайте сообщества отмечены приоритеты его деятельности: во-первых, это ценности, культура отцовства, подразумевающие «укрепление и развитие духовно-интеллектуальных семейных ценностей, основанных на многовековой и национальной культуре и традициях рода»; во-вторых, воспитание личности, заключающееся в помощи «отцам в поиске, развитии и реализации как собственного предназначения, так и своих детей»; в-третьих, ответственное отцовство, суть которого состоит в формировании и поддержке «предприимчивости в реализации моделей поведения ответственного отцовства и развития своей

¹² Кодекс мужчины и отца // Батя. Мужской журнал. 27.11.2015. URL: <https://rusbatya.ru/kodeks-muzhchinyi-i-ottsa/> (дата обращения: 25.11.2022).

¹³ Совет отцов // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. 23.11.2018. URL: <http://deti.gov.ru/projects/fathsovnet/info> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁴ Программа помощи отцам-одиночкам запущена в России // Милосердие.ru. Православный портал о благотворительности. 28.10.2020. URL: <https://www.miloserdie.ru/news/programma-pomoshhi-ottsam-odinochkam-zapushhena-v-rossii/> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁵ Устав Фонд поддержки ответственного отцовства «Истоки» // «Истоки». Фонд поддержки ответственного отцовства. 18.01.2020. URL: <https://istokiotsovstva.ru/images/ustav1.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁶ Папа может: какие проблемы помогают решать объединения отцов в регионах // АНО «Национальные приоритеты». 25.11.2020. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/papamozhet-kakie-problemy-pomogayut-reshat-obedineniya-ottsov-v-regionakh> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁷ Будь примером для своих детей // Совет отцов Москвы при омбудсмене. URL: <https://sovototsov.ru/#b1330> (дата обращения: 25.11.2022).

одаренности»; в-четвертых, развитие сообщества отцов, т. е. объединение «инициативно деятельных мужчин в городе для привлечения внимания к проблеме ответственного отцовства»¹⁸. Важно отметить, что региональные отделения делятся опытом работы на различных общественных площадках. Как правило, проекты пропагандируют традиционные маскулинные ценности как нормативную модель отцовского поведения. Например, Башкирское отделение «Совета отцов» в рамках разработанной программы «Опора страны» организовало конный турнир отцов со своими детьми, мастер-классы по народным промыслам, стрельбе из традиционного лука, бортничеству и верховой езде¹⁹.

Отцовские сообщества активно размещают в интернет-пространстве просветительские материалы. На сайте фонда «Истоки» опубликованы материалы по проектам «Школа отцовства», которые позволяют «отцам формировать и развивать свои родительские компетенции»²⁰, «Быть мужчиной и отцом», представляющим собой совокупность нарративов – «непридуманные истории о мужчинах, которые личным примером создают образ ответственного отцовства и достойного гражданина»²¹. Проект «День Отца» актуализируется «Советом отцов» с момента принятия Указа Президента РФ от 4 октября 2021 г. «О Дне отца». Активисты рассматривают данный праздник как отправную точку в создании правильного образа отца, который необходимо транслировать в общественное сознание россиян. Основной моделью отца предлагается «отец-наставник», который может «стать настоящим примером»²². В итоге сообщество создает образ отца – главы семьи, который должен защищать ее и воспитывать в детях уважение к традициям.

Аналогичную нишу в конгломерате отцовских сообществ занимает созданный в 2014 г. Фонд поддержки семьи и семейных ценностей «Отцовство» (<http://nnfo.ru>). Фонд определяет свою миссию как «повышение качества жизни семей в России путем продвижения в обществе ценностей ответственного отцовства»²³, заявляя цели как культурно-символического порядка («повышение статуса, общественной и социальной роли отца, его ответственности перед обществом и семьей, формирование положительного имиджа отца у молодежи, стимулирование готовности к отцовству»), так и практического характера («повышение показателей рождаемости, среднего числа детей в семье, увеличение численности населения России»). Проекты Фонда ориентированы на разработку технологий соуправления жизнеспособностью семьи: на профилактику и разрешение семейных конфликтов, снижение уровня насилия в семье, организацию рационального/эффективного взаимодействия детей и отцов. Анализ деятельности Фонда позволяет сделать вы-

¹⁸ Наши приоритеты // Совет отцов Москвы при омбудсмене. URL: <https://sovetoctov.ru/#b1330> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁹ Проект «Опора страны» // Союз отцов. 01.06.2022. URL: <https://союзотцов.рф/news/31355/> (дата обращения: 26.11.2022).

²⁰ Школа отцовства // «Истоки». Фонд поддержки ответственного отцовства. 18.11.2020. URL: <https://istokiotsovstva.ru/shkola-ottsovstva> (дата обращения: 26.11.2022).

²¹ Быть мужчиной и отцом // «Истоки». Фонд поддержки ответственного отцовства. 18.11.2020. URL: <https://istokiotsovstva.ru/byt-muzhchinoj-i-ottsom> (дата обращения: 26.11.2022).

²² День отца // «Истоки». Фонд поддержки ответственного отцовства. 18.11.2020. URL: <https://istokiotsovstva.ru/component/k2/241-den-ottsa> (дата обращения: 26.11.2022).

²³ Фонд поддержки семьи и семейных ценностей «Отцовство» // Фонд «Отцовство». URL: <http://www.nnfo.ru/about/> (дата обращения: 26.11.2022).

вод, что участники сообщества рассматривают свою миссию в рамках публичной сферы, обозначая свою ответственность перед обществом и государством. Запрос на финансовые, организационные и другие ресурсы государства позволяет квалифицировать дискурс организации как патерналистский. При этом реализуемые по четырем заявленным направлениями деятельности проекты («Забота о семье», «Время с семьей», «Мужская реализация», «Общественная деятельность») носят проактивный характер, в которых отцовство выступает в качестве условия развития мужчины как ответственного гражданина.

Одной из организаций, связанных с Фондом поддержки семьи и семейных ценностей «Отцовство», является Всероссийская общественная организация «Союз отцов», которая в 2021 г. институционализировалась решением съезда Межрегиональной общественной организации с одноименным названием²⁴. На данный момент сообщество объединяет 15 тысяч активных пап²⁵ и имеет свой сетевой ресурс во «ВКонтакте» (3 343 подписчиков)²⁶. «Поднять пап с диванов и обратить их взор, энергию и заботу на родное чадо», – такова цель данного сообщества²⁷. На сайте организации опубликован Манифест Союза отцов, который содержит двадцать один тезис, идеологически близкий к «Кодексу отца». Документ включает ценности ответственного отцовства («Я обещаю в полной мере отвечать за себя, свою семью и своих детей»), включая самопожертвование («Я готов отдать за мою семью свою жизнь»), идеи наставничества («Я буду учить свою семью уважать закон и быть ответственными», «Я буду учить их (членов семьи. – Прим. авт.) духовным, нравственным, моральным и культурным традициям нашего народа»), а также ориентиры собственного самосовершенствования («Я буду бороться со злом за справедливость и милосердие, быть отважным и мужественным») и стратегии формирования гармоничных отношений с детьми («Я буду внимательно слушать то, что говорит мой ребенок, и ценить то, что он говорит»)²⁸.

Активисты данного сообщества участвуют в разработке концепции «Культура отцовства в Российской Федерации»²⁹, содержание которой обсуждается на различных общественных площадках³⁰. Программы сообщества направлены на информационную, методическую и консультационную поддержку отцов. В частности, в программе «Реальный папа» участвуют ставшие известными в стране отцы, которые

²⁴ Устав Всероссийской общественной организации поддержки института семьи и традиционных семейных ценностей «Союз отцов» // Союз отцов. URL: <https://союзотцов.рф/upload/static/ustav.pdf> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁵ Карташова Т. В России появился «Союз отцов» // Общественная служба новостей. 17.02.2022. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/v-rossii-poyavilsya-soyuz-ottsov/> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁶ Союз Отцов России // Союз Отцов России. URL: <https://vk.com/souz.otcov> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁷ Всероссийская общественная организация «Союз отцов» // Союз отцов. URL: <https://союзотцов.рф/about/> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁸ Манифест Союза отцов // Союз отцов. URL: <https://союзотцов.рф/about/manifest.php> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁹ Мы хотим объединить миллион отцов! // Союз отцов. 17.02.2022. URL: <https://союзотцов.рф/news/30939/> (дата обращения: 27.11.2022).

³⁰ Состоялся Межрегиональный форум «Культура отцовства – права и обязанности мужчин в семье и социуме» // Уполномоченный по правам человека в городе Москва. 20.11.2021. URL: <https://ombudsman.mos.ru/practice/1442> (дата обращения: 28.11.2022).

на онлайн-площадке рассказывают «о своем понимании отцовства, о воспитании, принципах жизни и ценностях»³¹.

Отдельные проекты организации имеют историко-патриотическое направление, например, «Песни наших отцов», «Капитан Колычев – по следам русской армии»³² и др. Значительная часть проектов целеориентирована на активное времяпрепровождение со своими детьми: игра в шахматы, экскурсии в музеи, походы в лес³³, предполагающее расширение семейно-приватного пространства до горизонтов гражданского общества, в котором мужчины-отцы выполняют социальные роли наставника.

Женские/материнские роли не очерчиваются в дискурсивных рамках общества, но анализ собственно мужских/отцовских ролей позволяет сделать вывод о доминировании идеологии дихотомии/сегментации взаимодополняемых мужских/публичных и женских/приватных сфер, в которых задача женщин/матерей – быть хранительницами домашнего очага.

Более четко идеологемы разделенных сфер артикулированы отцовскими организациями, отстаивающими права отцов-родителей. В 2010 г. на конференции в Белгороде было создано Межрегиональное общественное движение «Отцовский Комитет» (МОК) как объединение родителей, чьи дети лишены возможности общаться со вторым родителем³⁴. В 2011 г. МОК опубликовал «Декларацию Отцовского Движения РФ», в пункте 4 которой утверждалось, что «воспитание ребенка без участия отца неприемлемо, роль отца в воспитании и развитии ребенка особая и безальтернативная»³⁵. В своем сетевом ресурсе «ВКонтакте» активисты объединения выступали за «восстановление гендерного равноправия в обществе» («Мы сопротивляемся богопротивному матриархальному порядку в обществе, семье и государстве! Мы боремся за особый статус мужчины, отца в семье и законодательстве!») посредством возвращения в законодательство о семье и браке понятия «глава семьи», ограничения разводов и т. д.³⁶ Данное сообщество предлагает юридическую, психологическую, информационную, организационную «помощь отцам в борьбе за своих детей»³⁷. В 2013 г. лидеры сообщества обратились с открытой петицией к Президенту РФ В. В. Путину с целью ликвидировать дискримина-

³¹ «Реальные папы» станут примером для всех отцов России // Союз отцов. 29.03.2022. URL: <https://союзотцов.рф/news/31150/> (дата обращения: 27.11.2022).

³² Экспедиция «капитан Колычев – по следам русской армии» // Союз отцов. 12.10.2022. URL: <https://союзотцов.рф/news/33326/> (дата обращения: 27.11.2022).

³³ Всероссийская общественная организация «Союз отцов» // Союз отцов. URL: <https://союзотцов.рф/about/> (дата обращения: 28.11.2022).

³⁴ Межрегиональное общественное движение «Отцовский Комитет» // Livejournal. 18.11.2012. URL: <https://deti-antitrauma.livejournal.com/20600.html> (дата обращения: 29.11.2022).

³⁵ «Декларация Отцовского Движения РФ» // Livejournal. 04.12.2011. URL: <https://ru-mok.livejournal.com> (дата обращения: 29.11.2022).

³⁶ Федеральный Отцовский комитет // Официальная страница «Федеральный Отцовский Комитет». 01.09.2012. URL: <https://vk.com/otkom?w=club42538876> (дата обращения: 29.11.2022).

³⁷ Федеральный Отцовский комитет // Официальная страница «Федеральный Отцовский Комитет». 01.09.2012. URL: <https://vk.com/otkom> (дата обращения: 29.11.2022)

цию мужчин в родительских правах «во имя отца и сына», «во имя крепкой семьи в России»³⁸.

С аналогичными инициативами выступают созданное в 2019 г. общественное движение «Отцы Страны»³⁹ и институционализированный в 2021 г. Всероссийский координационный центр отцовских объединений. Сообщества рассматривают отцовство как одну из традиционных ценностей, поэтому с данных позиций выступают за пересмотр российского семейного законодательства, введение понятий «одинокый отец»/«одинокый родитель»⁴⁰, реформирование института алиментов⁴¹. В практические задачи Центра входит мониторинг работы судов по искам, связанным с бракоразводными делами, определение судьбы детей после развода, а также анализ деятельности Уполномоченных по правам человека и ребенка, органов опеки и т. д.⁴²

При содействии Центра в 2021 г. и в 2022 г. состоялись Всероссийские съезды отцов, которые были названы участниками «идеологическим символом, поднявшим падающий флаг семьи»⁴³. Рассматривая XX век как период «антимужских (а значит, и антисемейных законов)», активисты пришли к выводу, что причинами разводов, безотцовщины, потери мужественности и пр. является феминизация российского общества⁴⁴. Предложенный участниками съезда стратегический курс на возрождение отцовства ориентирован на стандарты прошлого: «Права отцов при Царе были незыблемы, и был порядок в семьях, а в стране – с демографией»⁴⁵. Афилированная с Центром в данных проектах межрегиональная общественная организация «Мужской Путь» обозначает себя как консервативно-патриотическое движение, приоритетами деятельности которого являются демография, воспитание детей, права отцов, а непосредственными задачами – запрет абортов и совместная опека детей⁴⁶. Идеологемы Миссии, Видения, Стратегии организации заключаются в обеспечении лидерства мужчин («мы будем возвращать нашу культуру, язык, тради-

³⁸ В. В. Путину, Президенту РФ: Ликвидировать дискриминацию мужчин в родительских правах // change.org. URL: <https://www.change.org/p/в-в-путину-президенту-рф-ликвидировать-дискриминацию-мужчин-в-родительских-правах> (дата обращения: 29.11.2022).

³⁹ Общественное движение «Отцы Страны» за традиционные семейные ценности // Отцы страны: сайт. URL: <https://pap-club.ru> (дата обращения: 30.11.2022).

⁴⁰ «Отцы страны» предложили уравнивать статус многодетных родителей // NewsNN.ru. 16.12.2022. URL: <https://newsnn.ru/news/2022-12-16/ottsy-strany-predlozhili-uravnyat-status-mnogodetnyh-roditeley-2617149> (дата обращения: 30.11.2022).

⁴¹ Эпштейн Д. Новое объединение отцов призвало изменить семейное законодательство России // Ридус. 15.04.2021. URL: <https://www.ridus.ru/novoe-obedinenie-otcov-prizvalo-izmenit-semejnoe-zakonodatelstvo-rossii-352089.html> (дата обращения: 30.11.2022).

⁴² Всероссийский центр отцовских объединений // Всероссийский координационный центр отцовских объединений. URL: <https://vk.com/centrap?w=club204498910> (дата обращения: 30.11.2022).

⁴³ Итоги Всероссийского съезда отцов // Миртесен. 30.05.2021. URL: <https://vmestevselegche.mirtesen.ru/blog/43538103806/Itogi-Vserossiyskogo-sezda-ottsov> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴⁴ Второй всероссийский съезд отцов. URL: <https://mansway.info> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴⁵ Второй всероссийский съезд отцов. URL: <https://mansway.info> (дата обращения: 02.12.2022).

⁴⁶ Миссия // Мужской путь: сайт. URL: <https://мужскойпуть.рф> (дата обращения: 02.12.2022).

ции, а также семейные ценности во главе с мужчиной»)⁴⁷. Участники сообщества признают толерантность неприемлемым принципом, в перспективе предполагают создание «Базы данных патриархальных отцов и Березинь, что даст возможность заключать качественные союзы (для нас и для наших детей»)⁴⁸. С нашей точки зрения, дискурс данной организации является неопатриархатным, что несет, в свою очередь, риски для существующего в России гендерного порядка, принципом которого является закрепленное в Конституции положение о том, что «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации»⁴⁹.

Подводя итоги, следует отметить, что политика укрепления традиционных ценностей в России актуализировала проблематику отцовства в научном, общественно-гражданском и политико-правовом аспектах. Возникшие в 2000-е гг. в стране разрозненные отцовские сообщества консолидируются, региональные организации институционализируются в национальные движения. Благодаря интенсивному диалогу с органами государственной власти, с академической общественностью, с общественными палатами, религиозными организациями общественные организации отцов представляют на данный момент своего рода экосистему, выполняющую информационную, психологическую, юридическую и проектную функции. Наиболее массовыми и ресурсными отцовскими объединениями являются «Совет отцов при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка», Фонд поддержки ответственного отцовства «Истоки», Фонд поддержки семьи и семейных ценностей «Отцовство», Всероссийская общественная организация «Союз отцов».

Объединение отцовских сообществ во Всероссийское общественное движение «Отцы России» свидетельствует не только о количественном росте его участников, но и потенциально содержит перспективу превращения движения в политическую силу, способную лоббировать свои интересы на федеральном уровне. Концептуально-идеологическая база анализируемых в данной статье материалов сообществ отцов состоит в общей дискурсивной рамке признания семьи как основы общества и государства. Анализ программных документов, проектов, дискуссий в сетевом онлайн-сообществе свидетельствует о сложности и противоречивости содержательного наполнения понятия «культура отцовства», о различном понимании роли отца в российском социуме.

Широкий спектр трактовок отцовства связан с неоднозначной интерпретацией традиционных ценностей: от умеренной точки зрения на признание семьи как союза равных по праву мужчин и женщин до более радикальных неопатриархатных позиций, предполагающих юридически оформленный статус мужчины как главы семьи. Артикулированная отцовскими сообществами идеология разделения взаимодополняемых сфер ответственности на женские/материнские и мужские/отцовские предлагается в модернизированной и в традиционалистской форме. Суть первой дискурсивной политики состоит в выработке технологии соуправления жизнеспособностью семьи, создании актуальных компетенций ответственно-

⁴⁷ Принципы // Мужской путь: сайт. URL: <https://мужскойпуть.рф/наша-команда/#&gid=1&pid=5> (дата обращения: 02.12.2022).

⁴⁸ Галерея // Мужской путь: сайт. URL: <https://мужскойпуть.рф/галерея/> (дата обращения: 02.12.2022).

⁴⁹ Конституция Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 02.12.2022).

го отцовства, продвижении основной социальной роли отца – отца-наставника. По этому в сфере практической деятельности данные отцовские сообщества («Совет отцов при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка», Фонд поддержки ответственного отцовства «Истоки», Фонд поддержки семьи и семейных ценностей «Отцовство», Всероссийская общественная организация «Союз отцов») реализуют проекты, связанные с организацией досуга детей, профилактикой правонарушений, домашнего насилия, пропагандой здорового образа жизни, военно-патриотическим воспитанием, сохранением культурного наследия и исторической памяти. На наш взгляд, данные дискурсы и практики позволяют актуализировать деловые компетенции отцов в сфере семейно-приватного и общественно-гражданского пространства. Отцовские сообщества, которые пропагандируют традиционалистские/неопатриархатные ценности (Межрегиональное общественное движение «Отцовский Комитет», общественное движение «Отцы Страны», Всероссийский координационный центр отцовских объединений, межрегиональная общественная организация содействия процветанию семьи и отечества «Мужской путь»), наряду с позитивными практиками, в частности, защитой прав мужчин как отцов при разводе, предлагают, на наш взгляд, негативный сценарий развития российского общества, основанный на асимметрии прав женщин/матерей и мужчин/отцов. Дискурсы и практики, ориентированные на взаимозаменяемые женские/материнские и мужские/отцовские роли, в мейнстриме российских отцовских сообществ в процессе исследования не были выявлены.

Ссылки

1. Adamsons K., Cutler L., Palkovitz R. Theorizing Fathering: Past, Present, and Future // Handbook of the Psychology of Fatherhood. Sonia Molloy, Pierre Azzam, Anthony Isacco (Eds.). 2022. November. 1-27. DOI: 10.1007/978-3-031-14498-1_1.
2. The Role of the Father in Child Development / Ed. by Michael E. Lamb. 5th ed. New Jersey: Wiley, 2010. 672 p.
3. LeMasters E. E. «Parenthood as Crisis» // Marriage and Family Living. 1957. Vol. 19. № 4. P. 352–355. DOI: 10.2307/347802.
4. LaRossa R. Fatherhood and Social Change // Family Relations. 1988. Vol. 37. № 4. P. 451–457. DOI: 10.2307/584119.
5. LaRossa R. The Culture of Fatherhood in the Fifties: a closer look // Journal of Family History. 2004. Vol. 29. № 1. January. P. 47–70. DOI: 10.1177/0363199003261811
6. LaRossa R. The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 295 p.
7. Coltrane S. Family Man: Fatherhood, Housework, and Gender Equity. New York: Oxford University Press, 1997. 304 p.
8. Burgess A. The Costs and Benefits of Active Fatherhood: Evidence and Insights to Inform the Development of Policy and Practice. London, UK: Fathers Direct, 2006. URL: <http://www.fatherhoodinstitute.org/uploads/publications/247.pdf> (дата обращения: 24.11.2022).
9. Howard J. A feminist perspective on fathering // Focus on fathering. Sulli-van R. (Ed.). Melbourne: ACER Press, 2003. P. 107–124.
10. Andreasson J., Johansson T. Becoming a Half-Time Parent: Fatherhood after Divorce. // Journal of Family Studies. 2019. Vol. 25. № 1. P. 2–17. DOI: 10.1080 /13229400.2016.1195277.

11. Carpenter B., Towers C. Recognizing Fathers: The Needs of Fathers of Children with Disabilities // Support for Learning. 2008. Vol. 23. № 3. P. 118–125. DOI: 10.1111/j.1467-9604.2008.00382.x.
12. Arditti J. A., Smock S. A., Parkman T. S. It's Been Hard to Be a Father': A Qualitative Exploration of Incarcerated Fatherhood // Fathering. 2005. Vol. 3. № 3. P. 267–288. DOI: 10.3149/fth.0303.267.
13. Connell R. W. Masculinities. 2nd ed. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2005. 360 p.
14. Кон И. С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9. С. 3–16.
15. Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.
16. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 96–137.
17. Звонарева А. Е. Образ отца в позднесоветской журнальной периодике (вторая половина 50-х – 80-е годы XX века) // Женщина в российском обществе. 2009. № 1 (50). С. 64–73.
18. Воспитание детей в неполной семье / З. Марова, З. Матейчек, С. Радванова и др.; пер. с чеш.; общ. ред. и послесл. Н. М. Ершовой. М.: Прогресс, 1980. 206 с.
19. Евсеенкова Ю. В. Отцовство как психологический фактор развития личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2006. 18 с.
20. Борисенко Ю. В. Психология отцовства. М.; Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. 220 с.
21. Гурко Т. А. Феномен современного отцовства // Мужчина и женщина: меняющиеся роли и образы. Материалы III Международной конференции по гендерным исследованиям, октябрь 1997. Отв. ред. И. М. Семашко, А. Н. Седловская. М. Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 216–222.
22. Ростовская Т. К. Молодая семья: роль мужчины в развитии и укреплении семейных отношений // Ценности и смыслы. 2011. № 4 (13). С. 93–98.
23. Кон И. С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009. 702 с.
24. Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29–41.
25. Чикалова Е. А. Отцовство в фокусе западных социологических и психологических исследований: проблемы и перспективы // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. С. 201–215.
26. Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Незарегистрированные союзы – привычное новое // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 183–191.
27. Ржаницына Л. С. Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социологические исследования. 2010. № 7 (315). С. 56–65.
28. Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11 (343). С. 95–104.
29. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Отцы и дети: дискурсивные стратегии сетевых сообществ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (54). С. 117–126. DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.117.

30. Ангелова Е., Темкина А. Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: сб. ст. / Е. Здравомыслова, А. Роткирх, А. Темкина. (ред.). СПб.: Издательство ЕУСПб, 2009. С. 473–507.
31. Безрукова О. Н. Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2012. № 3. С. 266–275.
32. Михайлова А. И. Отцовство как новый тип родителей в контексте научного знания // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 12 (91). С.70–79.
33. Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676
34. Отцовство в России сегодня. Доклад ИСЭПН РАН. М.: ООО «АННА», 2016. 120 с. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2016_otcovstvo_v_rossii_segodnya.pdf (дата обращения: 25.10.2022).
35. Урсова Л. Х. К вопросу о современном отцовстве и маскулинности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–4 (62). С. 81–84.

Russian-Turkish marriages in the context of the formation of a new world order: research methodology

O. V. Kuchmaeva¹, T. K. Rostovskaya¹

¹Institute for Demographic Research, FCTAS RAS, 6 Fotieva str., building 1, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-58-69

Research article
Full text in Russian

The purpose of the study is to form a methodology for conducting a sociological survey of representatives of different generations (age groups) of residents of Russia and Turkey in order to analyze their perception of Russian-Turkish marriages, the specifics of the functioning of cross-cultural marriages in the conditions of the formation of a new world order. Russia and Turkey are characterized by large-scale economic and political ties, tourist activity, and the implementation of cultural projects. Countries are in search of an effective model of demographic policy. A characteristic feature of the socio-demographic relations between Turkey and Russia is the increase in the number of cross-cultural marriages. However, there are no reliable estimates of this phenomenon, which affects the level of marriage and fertility in Turkey and Russia, based on data from representative studies. The paper substantiates the necessity and forms the scientific and practical basis for the study of cross-cultural marriages on the basis of generalization and consolidation of the efforts of scientists and practitioners of the two countries (Russia and Turkey). The main indicators and the structure of the toolkit are proposed, an approach to the formation of a sample population is formulated. The results of the study will make it possible to develop a set of measures and recommendations in the field of national family and demographic policy, including support for the institution of cross-cultural marriage.

Keywords: features of the institution of marriage; cross-cultural marriages; marriage in Russia and Turkey; models of marriage relations; Russian-Turkish marriages; the value of marriage

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kuchmaeva, Oksana V. | E-mail: kuchmaeva@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-0386-857X
Doc Sc. (Economics), Professor

Rostovskaya, Tamara K. | E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
(correspondence author) | ORCID iD: 0000-0002-1629-7780
Doc Sc. (Sociology), Professor

For citation: Kuchmaeva O. V., Rostovskaya T. K. Russian-Turkish marriages in the context of the formation of a new world order: research methodology // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2023. Vol. 9, No 1. P. 58-69. (in Russ.)

Российско-турецкие браки в условиях становления нового мирового порядка: методология исследования

О. В. Кучмаева¹, Т. К. Ростовская¹

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корпус 1, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-58-69
УДК 314.622, 316.346.32-053.6, 316.356.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Цель исследования заключается в формировании методики проведения социологического обследования представителей различных поколений (возрастных групп) жителей России и Турции с целью анализа их восприятия российско-турецких браков, специфики функционирования кросс-культурных браков в условиях становления нового мирового порядка. Для России и Турции характерны масштабные экономические и политические связи, туристическая активность, реализация культурологических проектов. Страны находятся в поиске эффективной модели демографической политики. Характерной чертой социально-демографических отношений Турции и России выступает увеличение числа кросс-культурных браков. Однако отсутствуют достоверные оценки данного явления, которое влияет на уровень брачности и рождаемости в Турции и России, основанные на данных представительных исследований. В работе обосновывается необходимость и формируются научно-практические основы исследования кросс-культурных браков на основе обобщения и консолидации усилий ученых и практиков двух стран (России и Турции). Предложены основные индикаторы и структура инструментария, сформулирован подход к формированию выборочной совокупности. Результаты исследования позволяют разработать комплекс мер и рекомендаций в области национальной семейно-демографической политики, включающий поддержку института кросс-культурного брака.

Ключевые слова: особенности института брака; кросс-культурные браки; брачность в России и Турции; модели брачных отношений; российско-турецкие браки; ценность брака

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кучмаева, Оксана Викторовна	E-mail: kuchmaeva@yandex.ru ORCID iD: 0000-0003-0386-857X Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики
Ростовская, Тамара Керимовна (автор для корреспонденции)	E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-1629-7780 Доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе

Для цитирования: Кучмаева О. В., Ростовская Т. К. Российско-турецкие браки в условиях становления нового мирового порядка: методология исследования // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 58-69.

Введение

Одной из характерных черт современной социально-демографической ситуации в мире выступает увеличение числа кросс-культурных браков, которые следует рассматривать как брачные и семейные отношения между мужчиной и женщиной, относящимися к различным социокультурным слоям общества, имеющими свои особенности культуры и системы ценностей. Для России и Турции в последние десятилетия характерны масштабные интеграционные процессы. Большую роль в формировании межнациональных отношений и расширении контактов играет расширяющаяся миграционная активность. Характерной чертой социально-демографических отношений Турции и России выступает увеличение числа кросс-культурных браков.

Интерес и сложность исследования института кросс-культурных браков в России и Турции обуславливают, с одной стороны, значительная роль традиций в формировании модели брачных отношений в наших странах, с другой – специфика межконфессиональных отношений. Подчас исследователи рассматривают брачную миграцию как значимый фактор демографической ситуации в наших странах [1; 2; 3]. Однако отсутствуют достоверные оценки данного явления, которое влияет на уровень брачности и рождаемости в Турции и России, основанные на данных представительных исследований. Необходимо выявление тенденций в сфере кросс-культурных браков, допустимости и желательного заключения таких браков для различных социально-демографических групп российского и турецкого общества, влияния масштабов кросс-культурной брачности на формирование образа «соседа» в межнациональных отношениях.

Тем самым представляется важным решение такой фундаментальной научной задачи, затрагивающей различные стороны социальной жизни, как определение основных тенденций и факторов формирования института кросс-культурных браков в России и Турции в контексте транснациональных процессов. В целом уникальная самобытность кросс-культурных браков связана с объединяющим фактором в реализации современной модели семейно-брачных отношений, которая способствует созданию семьи между представителями различных социокультурных слоев общества, имеющими свои особенности культуры и системы ценностей.

На фоне демографического кризиса современного российского общества важность оценки социальных последствий кросс-культурных браков не вызывает сомнений. Исторически российское государство создавалось как единение многих народов, культур, конфессий, языков, где многонациональность – не сфера противоборства, а мощный фактор общественного развития. Благодаря этому Россия, сохраняя связь времен, единый культурный цивилизационный код, основанный на русской культуре и русском языке, историко-культурном наследии всех народов, проживающих в ней, создала великое, исторически успешное многонациональное государство.

Необходимость выявления основных тенденций и специфики формирования института кросс-культурных браков обоснована осознанием значимости семьи как наиболее устойчивого социального института, представляющего важнейший элемент глобального развития. Семья является сложным, многогранным, многоаспектным социальным образованием и, по сути, сосредотачивает всю совокупность общественных отношений, что находит отражение в консолидации, согласованности, противоречиях и возможных конфликтах, что также схоже с явлениями и процессами, происходящими в развитии любого общества.

В настоящее время к проблеме взаимоотношений между народами обращены многие науки, прежде всего социология, инструментарий которой базируется

на социологических исследованиях, позволяющих ответить на множество вопросов, включая мотивы и последствия того или иного поведения индивида, семьи, группы, общности. В этой связи разработка инструментария для проведения на межстрановом уровне эмпирического исследования, направленного на выявление факторов формирования института кросс-культурных браков в России и Турции, тенденций брачности в этих странах, представляет весомый научный и практический интерес.

Целью работы выступает формирование методики и инструментария проведения исследования кросс-культурных браков между россиянами и гражданами Турции, детерминант, особенностей и проблем, требующих адресной социальной поддержки.

Методология исследования

Исследования показывают, что россиян отличает мозаичность взглядов на желаемую модель семьи, в части российского общества поддерживается ориентация на традиционную семью с четко закрепленными патриархальными внутрисемейными ролями [4; 5]. В процессе глобализации, в условиях усилившихся международных контактов, взаимодействия этнических культур, развития брачной эмиграции особое место занимает изучение проблем формирования и развития института кросс-культурных браков. Уникальная самобытность кросс-культурных браков связана с их объединяющим фактором при реализации модели семейно-брачных отношений, которая способствует созданию семьи между представителями различных социокультурных слоев общества, имеющих свои особенности культуры и системы ценностей.

Рассматривая брачную эмиграцию как «... перемещение людей через границу с целью заключения брака с иностранным гражданином», российские ученые обращают внимание на проблемный аспект женской брачной эмиграции из России, который рассматривается в контексте потерь демографического потенциала государства [1]. В частности, российские исследователи Г. Анашкина и С. Погодина в качестве причин брачной эмиграции российских женщин рассматривают проблемы социально-экономического характера [6]. Е. В. Тюрюканова и И. В. Цаллагова в качестве выталкивающих эмиграционных факторов, обуславливавших большое количество браков российских женщин с иностранцами, рассматривают демократизацию социальной жизни в стране, большую неудовлетворённость и неустроенность высокообразованных женщин в России, что, в свою очередь, определялось «усилением экономической дискриминации женщин на рынке труда, вытеснением их из высокооплачиваемых секторов» [7; 8]. Изучая модели поведения женщин в контексте брачной эмиграции, О. Митина и В. Петренко доказывают, что «наиболее предпочтительным для российских женщин является выйти замуж за человека более высокого социального статуса, и чуть меньше – за простого человека, хорошего хозяина, живущего «земными» проблемами. В этих сценариях замужества просматривается желание найти в браке безопасность, стабильность, гарантированный жизненный уровень либо за счёт более высокого статуса мужа, либо за счёт того, что он сам будет решать все эти вопросы» [9].

В зарубежной научной литературе проблеме брачной эмиграции уже достаточно давно уделяется большое внимание. В частности, активно обсуждаются вопросы переезда женщин с целью замужества из менее развитых стран в более развитые, с более высоким уровнем экономического развития [10], рассматриваются проблемы определения правового статуса женщин и детей, рождённых в межконфессиональном браке, изучаются аспекты регулирования брачной эмиграции через «визу невесты» [3], а также проблемы вовлечения женщин через брачный канал в систему международного траффинга [1].

В контексте изучения женской брачной эмиграции из России интересен анализ кросс-культурных браков, которые выступают объектом исследований российских и зарубежных ученых. В частности, труд П. И. Бабочкина «Кросс-культурные браки в полиэтнической среде» позволяет детально рассмотреть проблематику данного феномена с точки зрения трудностей и расхождений людей в дальнейшей совместной жизни. Также он говорит о том, «... что успех или неудача зависит от ориентации и взглядов людей, вступающих в брак. Следует также отметить, открытость к межнациональным бракам, свойственную современному обществу» [11].

Т. К. Ростовская, анализируя проведенное в 2015 году авторское вузовское исследование «Кросс-культурные браки в современном российском обществе глазами молодежи», обращает на внимание ключевой мотив создания кросскультурных браков «... более 90 % от всех респондентов – 153 человека – ответили, что доминирующим фактором в предбрачных отношениях является любовь – самое глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Для многих важной причиной также являются семейные традиции и как итог отношений – необходимость заключения брака» [12].

Исследование турецких авторов А. Deniz и Е. М. Ozgur «Русские невесты в Анталии: от миграции к браку, от брака к иммиграции» помогает рассмотреть феномен кросс-культурных браков с точки зрения принимающего государства на примере динамики данных России и Турции, где, в частности, превалирует число русских невест. Исследование основано на информации, полученной в результате анкетирования, проведенного методом снежного кома, и глубинных интервью с 25 участниками. Согласно этой информации, русские женщины приезжают в Турцию в отпуск или на краткосрочную работу. Основным фактором, побуждающим российских женщин к брачной миграции, является их стремление к лучшей жизни. Брачная миграция русских женщин с высшим образованием и профессиональными навыками, быстро изучающих турецкий язык, привела к появлению новых поколений и развитию новой модели, отличной от турецкой семейной структуры, изменяющей образ / имидж женщин в турецком сообществе [13]. Турецкими исследователями обсуждаются релевантные вопросы в отношении проблематики кросс-культурных браков между гражданками России и гражданами Турции, например, феномен женской миграции и проблематика статуса российских женщин в Турции, рассматривается процесс принятия миграционного решения от миграции к браку [13], вводится понятие феномена «русских невест».

Рассматривая проблематику кросс-культурных отношений, обратимся к опыту кросс-культурных браков между гражданами России и гражданами Турции. Согласно данным Турецкого Статистического Института (Türkiye İstatistik Kurumu), в 2019 году было заключено 1259 браков между мужчинами – гражданами Турции – и женщинами – гражданками РФ, 18 браков между мужчинами – гражданами РФ – и женщинами – гражданками Турции. Наиболее часто заключаются браки между мужчинами-гражданами Турции и женщинами-россиянками. Согласно статистике, эти браки занимают шестое место в количественном соотношении за 2019 год. Наиболее распространенными кросс-культурными браками за этот год были браки между турками и женщинами из: Сирии (3380), Азербайджана (2722), Германии (2433), Марокко (1813), Узбекистана (1550) [14].

Динамика кросс-культурных браков последних пяти лет относительно граждан РФ и Турции представлена в таблице 1.

Кросс-культурные браки между гражданами России и Турции¹

Год	Гражданство мужчины (РФ)	Гражданство женщины (РФ)
2015	19	1522
2016	17	1445
2017	11	1134
2018	15	1235
2019	18	1259

В целом в 2019 году было зарегистрировано 23264 брака между мужчинами с турецким гражданством и женщинами с иным гражданством [14]. Это составляет 4,3 % от общего числа заключенных в Турции браков. Было зарегистрировано 4580 браков между женщинами с турецким гражданством и мужчинами с иным гражданством, что составляет 0,85 % от общего числа заключенных браков.

Что касается кросс-культурных браков между гражданами РФ и гражданами Турции, их количество составляет лишь 0,2 % от общего числа заключенных в Турции браков и 5,4 % от числа заключенных кросс-культурных браков, где иное гражданство имеет женщина. Так, статистически подтверждается тезис о том, что в данном регионе преобладают кросс-культурные браки между женщинами, имеющими иное гражданство, и мужчинами, имеющими турецкое гражданство, что обусловлено в значительной степени национальными традициями, представлениями о роли мужчины и женщины в семье. При этом следует отметить, что данное явление не носит массовый характер. Говоря о феномене женской брачной эмиграции из России в Турцию, следует обозначить притягивающие и отталкивающие факторы (push; pull factors) в принятии эмиграционного решения. В данном ключе притягивающим фактором будет служить экономическая привлекательность, брак также рассматривается как фактор социальной мобильности для женщин. Культурный фактор, включающий в себя привлекательность сложившейся в регионе иерархии в семье, религиозных практик, культуры, языка и так далее, играет значительную роль. Также имеет свое влияние фактор эмоциональной привязанности и уже сложившегося в социуме положительного опыта заключения брака с представителями определенной национальности. Соответственно, отталкивающим фактором будет служить неосуществимость по какой-либо причине использования вступления в брак как инструмента достижения социальной мобильности, желания повысить социальный и экономический статус, перенять культурные ценности, преобладающие в регионе, также осуществить личные предпочтения в выборе партнера, характерные для мужчин из данного региона.

Турецкие исследователи также отмечают важность исторического фактора, таким образом, говоря о том, что Турция принимает женщин-иммигрантов около 30 лет, преимущественно из бывших стран СССР. В частности, количество россиянок, заключивших брак с целью эмиграции, в Турцию увеличивается, что, в свою очередь, вызывает изменения в общественной жизни городов, в которых проживают эти женщины [19]. Говоря о факторах принятия миграционного решения, в своей статье «Женская миграция через брак и статус: российские невесты в Турции» исследователь Ульвие Филиева Эрккече (Ulviy Filyeva Erkek) выделяет факторы, побуждающие иностранцев из России к принятию эмиграционного решения через кросс-культурное бракосочетание. Согласно данному исследованию, для российских женщин характерны следу-

¹ Источник: [14; 15; 16; 17; 18]

ющие притягивающие факторы для вступления в брак в Турции: привлекательность внутреннего рынка труда, возможность работать нелегально, климат, повышенный интерес турецких мужчин; отталкивающие факторы (от российского брачного рынка) – экономическая ситуация, дисбаланс на брачном рынке, зависимость русских мужчин от алкоголя. Также были выявлены факторы передачи, то есть средства этой женщины, с помощью которых она будет достигать заданной цели: интернет, социальные сети, сайты свих, упрощение визового режима между двумя странами, доступные туристические возможности для путешествий [Там же].

Проблематика феномена кросс-культурных браков на примере России и Турции отражается в следующих проблемных аспектах: «Первая проблема – это языковой барьер, с которым сталкиваются в Турции русские женщины». Особого внимания заслуживает проблема, связанная с самоопределением ребенка в кросс-культурной семье с православно-мусульманской культурно-религиозной моделью брачно-семейных отношений. Т. К. Ростовская, А. Сулейманов отмечают, что данная проблема «... не стоит остро в русско-турецкой семье, так как взаимоотношения ребенка и родителей строятся на паритетных началах на основе кросс-культурного взаимодействия и коммуникации. Основу данных взаимоотношений ребенка и родителей составляют доверительные отношения между супругами, где присутствуют любовь, взаимопонимание и взаимоуважение всех членов семьи».

Таким образом, жизнеспособность православно-мусульманской культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений зависит напрямую от мотива создания данного вида кросс-культурной семьи [20]. Существует необходимость юридической защиты российских женщин и их детей. В Турции выявляется около 200 тысяч русско-турецких браков, при этом в подавляющем их большинстве иностранным гражданином является жена. Последняя проблема – незарегистрированные иммигранты – женщины из России, проживающие вместе с турецким мужчиной, не оформляя брак. В связи с этим встает проблема их легального статуса, также осложняется статистический подсчет [19]. По словам Алексея Ерхова, чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Турции, между гражданами двух стран создаются «преимущественно счастливые семьи», также он отметил, что россиянки при выборе мужа – гражданина Турции – делают выбор, исходя из национально-культурной, религиозной проблематики, особенностей местного мышления и особенностей семейного уклада, превалирующего в сложившемся турецком социуме. Следующим и не менее важным обозначенным им фактором стала существующая законодательная и юридическая практика заключения браков между гражданами Турции и РФ, что также имеет позитивное влияние на принятие эмиграционного решения.

Однако им также было выделено несколько актуальных проблем, сопутствующих данному феномену. Во-первых, важна юридическая составляющая заключения брака с последующим сохранением российского гражданства для ребенка, рожденного в данном союзе. Во-вторых, следует обозначить проблематику сохранения опекунов над детьми для матери-россиянки при бракоразводном процессе: «Иногда, вопреки решению суда, возникают ситуации, когда отец забирает ребенка у матери, не позволяет им встречаться, инициирует встречный иск, а юридическая практика не обеспечивает передачу ребенка матери» [21]. В этой связи юридическая помощь и поддержка российских граждан за рубежом, защита их интересов остается наиболее релевантной проблемой. Ерхов также отметил важность феномена кросс-культурных браков с дипломатической точки зрения: «... живут в гармонии, они воспитывают своих детей. Они разговаривают на двух языках, таким образом, наши страны усваивают нацио-

нальные особенности и культурные коды, они становятся еще одним мостом дружбы для укрепления взаимопонимания и доверия между народами России и Турции» [21].

Таким образом, кросс-культурные браки представляют собой сложное социальное явление, затрагивающее все части общественной жизни. Данный процесс необходимо рассматривать от момента принятия эмиграционного решения, связанного со вступлением в брак, до его экономических, юридических, культурных и политических последствий. В процессе обмена ценностями создаются семьи, обладающие смешанными культурами и мировоззрением, что отвечает тенденциям в глобализованном и открытом мире. Тем не менее остается ряд актуальных вопросов, рассмотренных на примере эмиграции российских женщин в Турцию с целью замужества. Наиболее релевантной темой остается правовой статус женщин-иммигрантов, юридическая защита прав и свобод граждан, находящихся за рубежом, их детей и вопросов их гражданства и опеки при бракоразводном процессе.

Смешанные, кросс-культурные браки как тип брака, в котором сочетаются этнические, культурные и пространственно-географические различия, приобретают все большее значение вместе с ускорением процессов транснационализации. В этом смысле смешанные, кросс-культурные браки отличаются от других типов браков с точки зрения социальных и культурных взаимодействий и порождают уникальную миграционную мобильность, то есть брачную миграцию, благодаря присущей им мобильности. Они представляют собой решающую точку пересечения из-за усиления многомерного роста транснациональных практик, сближения обществ через родственные отношения и вторые поколения и запуска социальных преобразований. Это стоит проанализировать, поскольку такой брак включает аспекты транснациональной мобильности, межкультурного взаимодействия, культурного переноса через брак, изменения семейных структур, трансформации социальной среды и т. д.

В настоящее время смешанные браки исследуются с разных точек зрения и на основе теоретических подходов различных наук, таких как социология, религиоведение, этнология, антропология, демография и культурология. Несмотря на разные теоретико-методологические подходы, а также разные мировоззренческие позиции, на наш взгляд, не представляется возможным полно и достоверно охарактеризовать данный объект исследования. Это обусловлено, с одной стороны, сложностью и многоаспектностью исследования, с другой – сложностью формирования доказательной эмпирической базы. Полевые исследования в сфере смешанных браков, кросс-культурных браков сталкиваются с проблемой формирования представительной совокупности.

Следует отметить, что в открытом доступе официальные статистические данные, характеризующие смешанные, кросс-культурные браки, отсутствуют (Росстат, в частности, специальных выборочных обследований по данной тематике не проводит, переписи населения дают довольно скудную информацию в данной области). В этой связи возникает необходимость проведения социологического обследования (на основе метода выборочного статистического наблюдения). Отметим, что специализированные социологические обследования в целях выявления факторов формирования института смешанных, кросс-культурных браков в России и Турции (с единой методологией, задачами, что позволяет осуществлять сравнение и сопоставление данных в странах) ранее не разрабатывались и не применялись, что определяет новизну исследования. Кроме того, целесообразно в ходе полевого этапа исследования сочетать количественные и качественные методы наблюдения.

Теоретический анализ проводимых исследований позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к изучению феномена кросс-культурных браков в России и Турции, с применением современного методологического инструмента-

рия, включающего в себя методы социологического и статистического исследования, в частности, методы выборочного социологического исследования и полуструктурированного интервью, методов дескриптивного анализа данных и многомерных методов статистического анализа. Создание методологии и научно-практических подходов к исследованию российско-турецких браков на основе обобщения и консолидации усилий ученых и практиков двух стран (России и Турции), на стыке нескольких научных направлений (социологии и статистики), объединение результатов в единую межстрановую модель и унификация методики исследований позволят в каждом конкретном случае наполнить территориальную / региональную модель определенной спецификой, что определенно связано с выявлением особенностей института брака в контексте транснациональных процессов, а также представляет большую теоретическую и практическую значимость для социальной и демографической политики.

Проектирование исследования

Проведенный анализ опыта исследований кросс-культурных браков позволяет говорить о необходимости проведения специальных эмпирических исследований, дающих достоверное представление о распространенности и детерминантах кросс-культурных браков. Целью эмпирического исследования в данном случае выступает выявление основных тенденций, специфики и социальной динамики процесса формирования российско-турецких браков в контексте транснациональных процессов. Соответственно, предметом исследования выступают детерминанты и социальные последствия российско-турецких браков.

Проведение исследования позволит:

- выявить подходы к определению сущности смешанного, кросс-культурного брака, его институционализации в России и Турции;
- определить масштаб распространения российско-турецких браков в России и Турции, факторы, влияющие на данный тип брака, роль политики государства в регулировании брачной миграции;
- сформировать теоретико-методологическую концепцию и методический инструментарий, программу социологического исследования для проведения: выборочного исследования в России и Турции с целью выявления отношения молодых граждан России и Турции к российско-турецким бракам; глубинного интервью с представителями русско-турецких супружеских пар, проживающих в России и Турции, что позволит выявить причины их вступления в смешанные браки, характер отношений и распределение ролей между супругами, а также проблемные аспекты, связанные с особенностями функционирования российско-турецких браков в России и Турции;
- выявить особенности институционализации кросс-культурных браков, их место в брачных представлениях населения, особенности функционирования; факторы, влияющие на отношение к кросс-культурным бракам;
- осуществить сравнительный анализ отношения к российско-турецким бракам в России и Турции; выявить специфику факторов жизнеспособности смешанных, кросс-культурных браков;
- определить перспективы формирования российско-турецких браков; провести анализ социальных последствий российско-турецких браков в условиях демографического кризиса современного общества;
- выявить роль государственной политики России и Турции в формировании российско-турецких браков; разработать рекомендации по проведению государствен-

ной семейной политики России и Турции, способствующей благополучию и укреплению российско-турецких браков в контексте транснациональных процессов.

Использование социологических опросов и статистических методов анализа данных позволит получить достоверные данные о состоянии текущей ситуации и выявить существующие проблемы, связанные с этноконфессиональной напряженностью в брачных и семейных отношениях, что поможет выработать созидательную социально-демографическую политику в контексте кросс-культурных браков, направленную на формирование многонационального и многоконфессионального сообщества.

Реализация исследовательского проекта предполагает использование количественных (выборочного социологического) и качественных (интервью) методов исследования в регионах России и Турции. Объектом исследования выступают представители различных поколений (возрастных групп) жителей России и Турции в возрасте от 18 до 60 лет, проживающие в турецких городах Стамбуле, Измире, Анкаре, Анталье, а также в российских городах Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Казани.

Объем выборки количественного исследования составит не менее 500 человек, количество интервью – не менее 20 в каждой из стран. Интервью будут проводиться с супругами, состоящими в кросс-культурных браках, а также экспертами (семейными терапевтами, экспертами по миграции, представителями культурных ассоциаций и юристами, которые работают с парами в смешанном браке).

Особое внимание необходимо уделить формированию выборочной совокупности. Авторский опыт исследований кросс-культурных браков [12; 22; 23] показывает, что в большей степени кросс-культурные браки характерны для городских жителей. Опросу будут подлежать лица, состоящие в кросс-культурных браках; имеющие в своем окружении семьи, основанные на кросс-культурном браке, или находящиеся в межэтнической, межконфессиональной среде (в силу образовательной или профессиональной деятельности). Стоит использовать возможности этнических землячеств для формирования выборочной совокупности. Для корректности выводов целесообразно провести исследование по значительной части программы и в контрольной группе – среди лиц, не состоящих в межэтнических браках, что позволит более корректно выявить специфику положения межэтнических браков.

Для решения задач исследования инструментарий исследования будет включать следующие основные индикаторы:

- возраст при вступлении в брак;
- отношение к кросс-культурным бракам;
- распределение ролей в кросс-культурных браках;
- репродуктивные ориентации лиц, состоящих в кросс-культурных браках;
- межпоколенные и супружеские отношения;
- место семьи и брака в системе ценностей;
- предпочтительная модель брачных и семейных отношений;
- факторы, влияющие на распространенность кросс-культурных браков;
- потребность в мерах государственной поддержки у лиц, вступающих в кросс-культурные браки / состоящих в них.

Исследование будет проводиться в три основных этапа. На первом этапе, преследуя цель оценить процесс формирования российско-турецких браков и супружескую жизнь пар, будет использоваться смешанная методика исследования, включающая углубленные интервью с парами и применение шкал семейной адаптации и семейной удовлетворенности. На втором этапе, чтобы определить социальное восприятие смешанных браков в России и Турции и отношение к ним, опросы будут при-

менены к людям, живущим в разных провинциях обеих стран, которые различаются по демографическим характеристикам. На третьем этапе будут получены экспертные заключения и оценки относительно брачных миграций и возникших культурных и социальных взаимодействий и преобразований.

Заключение

Использование социологических опросов и статистических методов анализа данных позволит получить достоверные результаты о состоянии текущей ситуации и определить ряд проблем, связанных с этноконфессиональной напряженностью, как основного конфликтогенного фактора, что поможет выработать созидательную социально-демографическую политику в контексте смешанных, кросс-культурных браков, формируя уникальное многонациональное и многоконфессиональное сообщество. Только решения и меры, принимаемые на основе достоверной, полной и качественной информации явятся эффективными и будут гарантировать удовлетворение этнокультурных потребностей граждан на основе гармонизации межнациональных отношений.

Результаты проведенного исследования дадут возможность получить представление о специфике и жизнеспособности российско-турецких браков в России и Турции; могут быть использованы в формировании концептуальных и законодательных основ социальной, семейно-демографической политики в условиях толерантности и развития транснациональных процессов прежде всего в молодежной среде, реализации мер семейной политики на микро-, мезо- и макроуровне, в частности, формировании методического обеспечения механизма политики по повышению ценности брака в условиях демографического кризиса и развития транснациональных отношений; подготовке профессиональных кадров специалистов по работе с молодежью и семьей; формировании тематического контента СМИ. Кроме того, подробный отчет об исследовании будет направлен в органы государственной власти России и Турции.

Ссылки

1. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности / С. В. Рязанцев, С. Ю. Сивоплясова, Т. К. Ростовская, Л. А. Бушкова // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 85–99. DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.5
2. Marriage Migration and Integration / K. Charsley, M. Bolognani, S. Spencer, E. Ersanilli. Part of the book series: Palgrave Macmillan Studies in Family and Intimate Life. 2020. doi.org/10.1007/978-3-030-40252-5.
3. Taylor Karam. Chart: What to Expect When Sponsoring a Fiancé or Spouse for a Green Card. The time averages for obtaining a finance visa or marriage-based immigrant visa can change dramatically, based on factors both within and outside the applicants' control. URL: <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/green-card-sponsoring-fiance-spouse-29026.html> (дата обращения: 01.12.2022).
4. Ростовская Т. К., Кара-Мурза С. Г., Егорычев А. М. От кризиса нравственности до возрождения традиционных семейных ценностей россиян // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2019. № 2. С. 167–171.
5. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Поколенческие и межстрановые различия воспитательных стратегий семьи (по данным социологического исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 2. С. 117–131.
6. Анашкина Г. П., Погодина С. А. Брак с иностранцем как новая модель адаптации российских женщин в условиях переходного общества // Центр Льва Гумилёва. 27.02.2011. URL: <http://www.gumilev-center.ru/brak-s-inostrancem-kak-novaya-model-adaptacii-rossijskikh-zhenshhin-v-usloviyakh-perekhodnogo-obshhestva/> (дата обращения: 01.12.2022).

7. Тюрюканова Е. В. Миграция женщин из России: ещё одна «стратегия успеха»? // Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: Центр миграционных исследований, 1996. С. 84–103.
8. Цаллагова И. В. Вопросы женской миграции в средствах массовой информации // Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: Центр миграционных исследований, 1996. С. 25–26.
9. Митина О. В., Петренко В. Ф. Кросс-культурное исследование стереотипов женского поведения (Россия-США) // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68–87.
10. Marriage Migration and Integration Report / K. Charsley, M. Bolognani, S. Spencer, E. Ersanilli, H. Jayaweera. Bristol: University of Bristol, 2016. P. 76.
11. Бабочкин П. И. Кросс-культурные браки в полиэтнической среде // Миграционная и национальная политика. 2008. № 3. С. 54–58.
12. Ростовская Т. К., Ростовская Н. А. Специфика жизнедеятельности кросс-культурных браков в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 68–73.
13. Дениз А., Озгюр Э. М. Русские невесты в Анталии: от миграции к браку, от брака к иммиграции // Journal of Social Sciences and Humanities. 2013. № 3. С. 151–175. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/4384> (дата обращения: 25.12.2022).
14. 2019 ылы исын евлилик ве босанма истатистиклери // Тюркçe Истатистик Енститюсю (Турецкий статистический Институт) (Статистика браков и разводов за 2019 год). URL: <http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=33708> (дата обращения: 24.12.2022).
15. . 2018 ылы исын евлилик ве босанма истатистиклери // Тюркçe Истатистик Енститюсю (Турецкий статистический Институт) (Статистика браков и разводов за 2018 год). URL: <http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=30698> (дата обращения: 24.12.2022).
16. . 2017 ылы исын евлилик ве босанма истатистиклери // Тюркçe Истатистик Енститюсю (Турецкий статистический Институт) (Статистика браков и разводов за 2017 год). URL: <http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=27593> (дата обращения: 24.12.2022).
17. 2016 ылы исын евлилик ве босанма истатистиклери // Тюркçe Истатистик Енститюсю (Турецкий статистический Институт) (Статистика браков и разводов за 2016 год). URL: <http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=24642> (дата обращения: 24.12.2022).
18. 2015 ылы исын евлилик ве босанма истатистиклери // Тюркçe Истатистик Енститюсю (Турецкий статистический Институт) (Статистика браков и разводов за 2015 год). URL: <http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=21515> (дата обращения: 24.12.2022).
19. ERKEÇ Ü. F. Female migration through marriage and status: Russian brides in Turkey // Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. № 2. P. 21–43. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/440907> (in Turkish) (дата обращения: 25.12.2022).
20. Ростовская Т. К., Сулейманов А. Д. Жизнеспособность кросс-культурных браков в России и Азербайджане // Вестник ВЭГУ. 2017. № 2 (88). С. 110–117.
21. Рус Бьююкелсиден, Тюрк еркеклерийле евленмек истеыен Руслара тавсийелер (Посол России о браках между россиянками и турками) // Turkus. 18.01.2023. URL: <http://www.turkru.com/1035384-rus-buyukelciden-turk-erkekleriyle-evlenmek-isteyen-ruslara-tavsiyeler--xh.aspx> (in Turkish) (дата обращения: 19.01.2023).
22. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В, Афзали М. Российско-иранские кросс-культурные браки: социологический анализ // Демис. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 3. С. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.5>. EDN: YLYFHY
23. Cross-Cultural Marriages in the Context of the Transformation of the Family Model: Russia and Iran. Regionology / Т. К. Rostovskaya, О. V. Kuchmaeva, М. Afzali, Е. А. Irsetskaya // Russian Journal of Regional Studies. 2022. № 30. P. 405–423. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.405-423

Institutional Forms of Support for Involved Fatherhood (on the Example of the "Father-groups" in social service system of St. Petersburg)

A. G. Malyshev¹

¹Sociological Institute of the RAS – a branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 25/14 7th Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-70-83

Research article
Full text in Russian

In the modern world, family relationships and parenthood are being transformed. The transformations taking place with fatherhood in general can be assessed positively, since their result is the formation of involved fathers. Such fathers are ready to actively participate in the care of children and their upbringing, which benefits the cognitive, physical, emotional development of children, and helps to strengthen family relationships. Support, dissemination of involved paternity is the field of activity of the state, non-profit organizations, employers. The article presents the results of a study of the effectiveness of one of the institutional forms of support for involved fatherhood - groups, cycles of meetings for fathers or future fathers, where participants discuss parenting issues (father-groups). The purpose of the study is to find out how the ideas about parental roles and practices differ between fathers who participated in dad groups and fathers who did not participate in them. The empirical basis of the study was the results of surveys conducted in several stages. In 2013, a representative study of fathers in St. Petersburg was conducted. In 2013 and 2021, using a questionnaire that ensures comparability of information with the data of the survey of fathers in St. Petersburg in 2013, fathers who took classes in father-groups were interviewed. The study is based on a comparison of data from a survey of fathers in St. Petersburg and fathers who took classes in father-groups. As a result of the study, results were obtained that indicate that the ideas about parental roles of fathers who participated in father-groups differ little from the ideas of the fathers of St. Petersburg. The amount of time fathers devote to their children was also comparable. Significant differences between the fathers who participated in the father-groups were revealed in the intensity of fathers' inclusion in practices related to child care.

Keywords: fatherhood; involved fatherhood; parenthood; father-groups; care; social services

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Malyshev, Alexander G. | E-mail: mirk912@rambler.ru
Associate research fellow

For citation: Malyshev A. G. Institutional Forms of Support for Involved Fatherhood (on the Example of the "Father-groups" in social service system of St. Petersburg) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 70-83. (in Russ.)

Институциональные формы поддержки вовлеченного отцовства (на примере «папа-групп» системы социального обслуживания Санкт-Петербурга)

А. Г. Малышев¹

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-70-83
УДК 316.356.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В современном мире семейные отношения, родительство трансформируются. Трансформации, происходящие с отцовством, в целом можно оценить положительно, поскольку их результатом является формирование вовлеченных отцов. Такие отцы готовы активно участвовать в заботе о детях и в их воспитании, что приносит пользу когнитивному, физическому, эмоциональному развитию детей, способствует укреплению семейных отношений. Поддержка, распространение вовлеченного отцовства является полем деятельности государства, некоммерческих организаций, работодателей. В статье представлены результаты исследования действенности одной из институциональных форм поддержки вовлеченного отцовства – групп, циклов встреч для отцов или будущих отцов, на которых участники обсуждают вопросы родительства (папа-групп). Цель исследования – выяснить, как отличаются представления о родительских ролях и практики отцов, участвовавших в папа-группах, и отцов, не участвовавших в них. Эмпирической базой исследования стали результаты опросов, проведенных в несколько этапов. В 2013 году было проведено репрезентативное исследование отцов в Санкт-Петербурге. В 2013 и 2021 годах с использованием анкеты, обеспечивающей сопоставимость информации с данными опроса отцов Санкт-Петербурга 2013 года, были опрошены отцы, прошедшие занятия в папа-группах. Исследование основано на сравнении данных опроса отцов Санкт-Петербурга и отцов, прошедших занятия в папа-группах. В результате исследования были получены результаты, свидетельствующие о том, что представления о родительских ролях у отцов, участвовавших в папа-группах, мало отличаются от представлений отцов Санкт-Петербурга. Объем времени, который отцы посвящают детям, также оказался сопоставимым. Существенные отличия отцов, участвовавших в папа-группах, были выявлены в интенсивности их включения в практики, связанные с заботой о детях.

Ключевые слова: отцовство; вовлеченное отцовство; родительство; папа-группы; забота; социальное обслуживание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малышев, Александр Геннадьевич | E-mail: mirk912@rambler.ru
| Ассоциированный научный сотрудник

Для цитирования: Малышев А. Г. Институциональные формы поддержки вовлеченного отцовства (на примере «папа-групп» системы социального обслуживания Санкт-Петербурга) // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 70-83.

Введение

Теме отцовства в последнее десятилетие в России уделяется всё большее внимание в академических социологических исследованиях [см., например, 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], общественном и даже в общественно-политическом дискурсе. Так, в 2021 году в Российской Федерации был официально установлен День отца¹. Активное участие отца в жизни ребенка, заботе о нем, его воспитании оказывает положительное воздействие на развитие детей, на матерей, на самих отцов и на семьи в целом: способствует эмоциональному, когнитивному, социальному и физическому развитию детей [8; 9; 10], снижает нагрузку на мать в ранний период жизни ребенка, тем самым способствуя успешному послеродовому восстановлению матери, снижая у неё вероятность выраженной послеродовой депрессии [11], снижает склонность отцов к рискованному поведению [10], может способствовать более равному распределению неоплачиваемого труда между родителями [10], что может оказать положительное влияние на уровень рождаемости и способствовать стабилизации института семьи [6]. Кроме того, участие в заботе о детях предоставляет отцам дополнительные возможности самореализации.

Отцовство в настоящее время в мире переживает изменения, которые выражаются в том, что отцы всё больше времени посвящают заботе о детях [12; 13; 14], «всё больше вовлекаются в процесс воспитания детей и повседневного бытового ухода за ними» [15]. Ряд исследователей предлагал системы описания изменений, происходящих с отцовством, используя идеальные типы, модели отцовства, каждая из которых могла быть более характерна для определенного времени [8; 16; 17].

Вплоть до середины XX века наиболее распространенной моделью отцовства была модель, которую обозначают как «отец-кормилец» [8; 17], роль которого в основном сводилась к обеспечению семьи. Также неизбежно существовала модель «отсутствующий отец», предполагавшая, что либо отец действительно отсутствует в жизни семьи и ребенка, например, в силу смерти, миграции и т. п., либо отец крайне слабо вовлечен в воспитание и заботу о ребенке даже при условии, что он живет вместе с ним. Развитие рефлексивной модернизации, индивидуализация, повышение роли и реальных возможностей индивидуального выбора в семейных отношениях, брачных и репродуктивных стратегиях [18] привели к появлению новых моделей отцовства, которые предполагают активное включение отцов в родительские практики: «ответственный отец» (отец включен в практики воспитания и заботы о детях, это важное поле его деятельности, но его участие и по количественным, и по качественным характеристикам меньше участия матери), «новый отец» (отец участвует в заботе о детях в том же объеме, что и мать). Обобщенно их можно назвать моделями вовлеченного отцовства.

В России институт отцовства имеет свои особенности. В Советском Союзе и сложилась модель родительства, которую можно описать как «альянс женщины и государства, из которого исключен мужчина-отец» [19]. Основную нагрузку по заботе о детях и их воспитанию несла мать, поддерживаемая государством. Отец участвовал в воспитании ограниченно, часто только материально, но, как правило, не мог полностью обеспечить семью в отличие от «отца-кормильца». Это сформировало особую модель «советского отцовства» [19]. В современной России сложно говорить о доминирующей модели отцовства, поскольку модели сосуществуют. В каждом конкретном слу-

¹ Указ Президента РФ от 04.10.2021 № 573 «О Дне отца» // Президент РФ. 04.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/66852> (дата обращения: 24.12.2022).

чае практики отцовства складываются в соответствии с той или иной моделью или их комбинациями в зависимости от доступных ресурсов, разделяемых представлений.

В силу того, что модели отцовства, предполагающие активное участие отцов в воспитании детей (вовлеченное отцовство), оцениваются как желательные, государство, гражданское общество и даже в отдельных случаях работодатели создают различные институты поддержки вовлеченного отцовства. Поддержка отцовства предусмотрена положениями статьи 7 Конституции Российской Федерации². Одним из наиболее эффективных средств поддержки вовлеченного отцовства является возможность для отца взять отпуск по уходу за ребенком и иные виды поддержки, направленные на декоммодификацию трудовых отношений отцов в период наиболее интенсивной заботы о ребенке. В России отцы имеют право взять такой отпуск, но крайне редко им пользуются [20] в силу распространенных гендерных стереотипов, а также гендерных особенностей рынка труда и уровня доходов населения: оплата отпуска по уходу за ребенком составляет 40 % от среднего заработка, поэтому для семьи выгоднее его брать тому родителю, чей доход меньше, а таким родителем чаще является мать. Относительно невысокий уровень доходов российских семей делает потери для семьи в случае, если отпуск по уходу за ребенком берет тот, чьи доходы больше, слишком высокими.

Кроме отпуска по уходу за ребенком, для отцов существуют другие институты, способствующие распространению вовлеченного отцовства: уже упоминавшийся День отца как способ привлечения внимания общества к проблеме отцовства, значимости отцов в жизни ребенка и семьи, информационные компании, посвященные вовлеченному отцовству, социальные сервисы для отцов и будущих отцов, создаваемые для распространения информации об уходе за детьми, их воспитании, психологическая поддержка отцов, социальная работа с отцами, нуждающимися в особой поддержке (например, с одинокими отцами или с отцами, применяющими насилие в близких отношениях, и т. п.).

Российские исследователи института отцовства отмечают, что для распространения практик вовлеченного отцовства необходимо развитие институциональных форм работы с отцами, предоставление социальных услуг для отцов [6; 7], направленных на «развитие идентичности вовлеченного отца, рефлексии родительских смыслов» [7]. К числу таких форм поддержки вовлеченного отцовства относятся «папа-группы» или «папа-школы» - группы для отцов или будущих отцов. Они представляют собой специальные встречи под руководством модератора-организатора для заранее собранной группы отцов или будущих отцов, на которых они могут получать информацию о взаимодействии с ребенком, уходе за ним, психологических, педагогических, юридических аспектах воспитания. Общение в группах организуется в психологически комфортной обстановке, создаваемой, в том числе, и моногендерным составом участников, которые хотят или в определенных случаях (например, одинокие отцы) вынуждены активно включаться в заботу и воспитание своих детей. Такая форма работы с отцами в России появилась в Санкт-Петербурге в 2007 году [3], хотя ещё в Советском Союзе предпринимались попытки организовать группы для отцов. Например, советский и российский исследователь проблем гендера, маскулинности, отцовства Игорь Семенович Кон описывал свою попытку создания группы для отцов в 1970-е годы, акцентируя внимание на том, что отсутствие институционализации групп

² Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.12.2022).

для отцов, выражающейся в профессионализации такой работы, стало препятствием для её развития: «... У нас секретарю райкома партии пришла идея в воскресенье созвать отцов и поговорить о воспитании детей. Работники райкома были уверены, что это провалится – не пойдут мужчины, тем более в воскресенье. Но зал был полон, люди не хотели расходиться. Мужчины разговаривали о своих трудностях, они хотели общаться друг с другом. Это был полный успех, но этот успех не был закреплен. Нужно, чтобы там были профессиональные люди, которые могут это делать. Но их там не было»³.

Папа-группы являются одной из наиболее распространенных форм институционализированной поддержки вовлечённого отцовства, однако сложно говорить о массовом охвате российских отцов этой формой работы. Например, мониторинг «Система папа-школ и клубов отцов на базе организаций социального обслуживания населения Санкт-Петербурга», проведенный СПбГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья» в 2020–2021 году, показал, что даже в Санкт-Петербурге, городе, в котором появились и достаточно интенсивно развивались папа-группы на базе государственных учреждений социальной защиты населения и социально ориентированных некоммерческих организаций, с 2016 по 2020 годы занятия в папа-группах прошли всего 389 отцов (информация о количестве отцов, проходивших занятия в папа-группах на базе государственных учреждений социальной защиты населения и социально ориентированных некоммерческих организаций, представлена в таблице 1). Мониторинг проводился методом рассылки запроса во все организации социального обслуживания населения Санкт-Петербурга, работающие с семьями и детьми.

Таблица 1

Информация о количестве отцов, проходивших занятия в папа-группах на базе государственных учреждений социального обслуживания населения и социально ориентированных некоммерческих организаций в Санкт-Петербурге⁴

Годы	Количество отцов, прошедших цикл занятий в папа-группах (человек)
2020 год	86
2019 год	112
2018 год	87
2017 год	64
2016 год	40
2015 год и раньше	283

Представленная информация не в полной мере характеризует количество отцов, прошедших занятия в папа-группах в Санкт-Петербурге, поскольку они проводились также на базе женских консультаций (для будущих отцов) и образовательных учреждений (школ, детских садов).

³ Феминизм – отец науки о мужчинах. Беседа с Игорем Семеновичем Коном // Информационно-политический канал Полит.ру. 13.01.2010. URL: <https://polit.ru/article/2010/01/13/kon/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Источник: Информационно-справочные материалы «Система папа-школ и клубов отцов на базе организаций социального обслуживания населения Санкт-Петербурга». СПбГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья». СПб., 2021.

Появившиеся в 2007 году папа-группы были организованы как группы для будущих отцов или отцов детей до года. Именно в период подготовки к рождению ребенка и примерно в течение года после этого родители испытывают наибольшее количество сложностей, связанных с адаптацией к своим новым ролям, усвоением и применением знаний в области заботы о ребенке. Для мужчин проблема недостатка знаний является особенно актуальной, поскольку, как отмечает И. О. Шевченко, мужчины, воспитывавшихся в семьях, в которых отцы сами не были вовлеченными отцами, не готовили к такой деятельности [4]. Желая участвовать в заботе о детях, они сталкиваются с дефицитом знаний, отсутствием опыта, неуверенностью, а иногда и с непониманием матерей. Эти обстоятельства обусловили особую актуальность именно папа-групп для будущих отцов и отцов детей до года. В дальнейшем целевая группа папа-групп расширилась, и эта форма работы применялась для отцов детей различного возраста. Например, в результате уже упоминавшегося мониторинга «Система папа-школ и клубов отцов на базе организаций социального обслуживания населения Санкт-Петербурга» были получены сведения о том, что из 11 действующих на базе организаций социального обслуживания населения папа-групп для мужчин, которые готовятся стать отцами или недавно ими стали, предназначалось 5 групп, и по 2 - для отцов детей дошкольного возраста, отцов детей в возрасте 7–12 лет, отцов детей возраста 13 лет и старше. Хотя основной целью работы папа-групп оставалось стимулирование и поддержка активного участия отцов в заботе о детях и их воспитании, появлялись дополнительные цели, производные от основной: сохранение и укрепление психологической гармонии в семье, а также сохранение самой семьи или как минимум отношений отца с ребенком (для отцов из семей в кризисной, предразводной и постразводной ситуации).

Таким образом, папа-группы являются относительно устоявшейся формой работы с отцами, имеющей некоторые различия в целевой аудитории и производную от этого методическую вариативность, но достаточно определенную цель – воодушевление отцов на участие в заботе и воспитании детей. Ещё в первые годы развития технологии папа-групп у их организаторов возникали вопросы об эффектах, действенности (effectiveness) [21] этой технологии. Как влияет участие отцов в папа-группах на их практики и представления? Становятся ли отцы действительно более вовлеченными? Для изучения этих вопросов в 2013 году было проведено социологическое исследование «Влияние гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства в современной России» [3]. Исследование продемонстрировало некоторое расширение репертуара практик заботы, в которых участвовали отцы, прошедшие пап-группы, при этом представления о родительстве не отличались от представлений мужчин, не участвовавших в папа-группах, а в некоторых аспектах даже в меньшей степени соответствовали моделям вовлеченного отцовства. Поскольку имеется достаточно длительный опыт проведения папа-групп, технология стала значительно более методически отработанной, количество отцов, которые принимали участие в папа-группах, увеличивалось, в 2021 году было проведено повторное исследование действенности папа-групп как инструмента поддержки практик вовлеченного отцовства и соответствующих представлений.

Дизайн исследования

Исследования 2013 и 2021 годов выполнены автором в рамках общей методологии. Они основаны на понимании отцовства как двухаспектного социального фено-

мена [16; 22]. Отцовство является социальным институтом (fatherhood), включающим систему норм, ценностей, представлений. Одновременно отцовство является социальной практикой (fathering), реализация которой индивидуальна, рефлексивна и определяется ресурсами и институциональными ограничениями, при этом она сама имеет потенциал трансформации институтов [23]. Динамика трансформации представлений о гендерном равенстве и его ценности рассматривается на основе теории трансформации ценностей (Theory of Value Change) [24]. Механизмы распространения практик вовлеченного отцовства рассматриваются на основе теории диффузии инноваций Э. Роджерса [25].

Сбор полевой информации для исследования 2013 года был выполнен в три этапа. На первом этапе проводились глубинные интервью с организаторами папа-групп, изучение материалов о работе папа-групп с целью формирования опросного инструментария для количественных этапов исследования, детализации знаний о работе папа-групп, а также осуществлялся подбор респондентов для опроса отцов, прошедших занятия в папа-группах. На втором этапе исследования был проведен анкетный опрос отцов в Санкт-Петербурге по репрезентативной для отцов несовершеннолетних детей Санкт-Петербурга стратифицированной случайной выборке с пропорциональным выделением страт по количеству и возрасту детей, воспитываемых отцом, размером 404 респондента. На третьем этапе был проведен опрос по целенаправленной выборке 40 отцов, прошедших в 2010–2013 годах занятия в папа-группах на базе учреждений социального обслуживания населения и социально ориентированных некоммерческих организаций в Санкт-Петербурге [3]. Результаты опроса на втором и третьем этапах исследования сопоставлялись в целях изучения отличий ценностей, практик, социального портрета отцов, прошедших папа-группы, и отцов, которые в них не участвовали.

В 2021 году сбор полевой информации проводился в один этап: был проведен анкетный опрос отцов, прошедших занятия в папа-группах на базе учреждений социального обслуживания населения и социально ориентированных некоммерческих организаций в 2015–2020 годах в Санкт-Петербурге. Всего было опрошено 90 отцов по целевой выборке. Данные этого опроса сопоставлялись с результатами опроса отцов в Санкт-Петербурге 2013 года, выполненного на втором этапе исследования. В 2021 году сбор полевой информации проводился с использованием опросного инструментария, обеспечивающего сопоставимость данных с опросами 2013 года.

Папа-группы, в которых прошли цикл занятий участники исследования, и в 2013, и в 2021 году проводились в организациях социальной защиты населения, работающих с семьями и детьми. Часто участники папа-групп подбирались из числа клиентов этих организаций, что может быть значимым при анализе их практик и представлений.

Результаты исследований

Степень материальной обеспеченности отцов, принимавших участие в папа-группах, по результатам опроса 2021 года оказалась ниже, чем в 2013 году. Уровень образования отцов-участников папа-групп, опрошенных в 2021 году, оказался значительно выше, чем уровень образования мужчин, принявших участие в опросе отцов Санкт-Петербурга в 2013 году. Сведения об уровне образования и материальной обеспеченности отцов, принимавших участие в опросах, представлены в таблицах 2 и 3 соответственно.

Таблица 2

Уровень образования отцов, % от ответивших на вопрос⁵

Целевая группа и год проведения опроса, размер выборки	Уровень образования				
	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее специальное	Среднее	Неполное среднее
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	53	5	36	5	1
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	79	12	6	3	0
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	72,22	2,22	24,44	1,11	0

Таблица 3

Уровень материальной обеспеченности отцов, % от ответивших на вопрос⁵

Целевая группа, год проведения опроса, размер выборки	Уровень материальной обеспеченности				
	Денег хватает на еду и самое необходимое	Позволяем себе небольшие покупки, на дорожные товары приходится копить	Покупка дорогих товаров не вызывает трудностей, но купить квартиру мы не можем	Денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	Нет ответа
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	1,7	37,7	48,6	4,5	7,4
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	5,9	32,4	47,1	11,8	2,9
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	7,78	44,44	40	3,33	4,44

Если рассматривать участие мужчин в папа-группах как практику, содействующую распространению инноваций, то на основе теории диффузии инноваций, а также данных исследований (например, [26]) можно было бы ожидать, что отцы, участвующие в папа-группах, должны быть лучше материально обеспечены и лучше образованы, чем среднестатистические отцы. Относительно невысокий уровень материального благополучия может объясняться тем, что отцы, прошедшие занятия в папа-группах, участвовали в папа-группах на базе организаций социального обслуживания населения, то есть были клиентами социальных служб и с большей вероят-

⁵ Источник: Результаты исследования 2013 года опубликованы [3] и приводятся для сравнения с результатами исследования 2021 года.

ностью, соответственно, могли иметь материальные проблемы, чем отцы Санкт-Петербурга. Уровень образования отцов, участвующих в папа-группах в опросах 2013 и 2021 годов, был выше уровня образования отцов Санкт-Петербурга в связи с тем, что мужчин, участвующих в папа-группах, можно рассматривать как инноваторов, которые располагают большим объемом если не экономического, то хотя бы культурного капитала.

Выявленные в ходе исследований 2013 года представления отцов, участвовавших в папа-группах, о модели распределения между родителями обязанностей по заботе о детях, их воспитанию и обеспечению семьи оказались даже более гендерноасимметричными, чем представления отцов Санкт-Петербурга. В исследовании 2021 года отцы, прошедшие папа-группы, не продемонстрировали существенных отличий от отцов, опрошенных в 2013 году, при оценке того, должен ли отец заниматься материальным обеспечением семьи: суммарно более 96 % согласись с этим утверждением, выбрав оценку «6» (подавляющее большинство) или «5». Любопытно, что отцы, принявшие участие в исследовании в 2021 году, придавали значительно большее значение обязанности матери осуществлять материальное обеспечение семьи по сравнению с отцами-участниками папа-групп, которые были опрошены в 2013 году. Суммарная оценка согласия с тем, что эта деятельность является обязанностью матери (6 и 5 баллов из 6) составила 55,56 % в опросе 2021 года, что всё ещё значительно ниже аналогичных оценок необходимости выполнять эту деятельность для отца.

Значительные отличия в результатах опроса отцов, прошедших занятия в папа-группах, в 2021 году от участников папа-групп, опрошенных в 2013 году, наблюдаются в области их представлений о разделении между родителями заботы о детях и ухода за ними: 63,33 % респондентов опроса 2021 года полагали, что отец должен много заниматься уходом и присмотром за детьми (6 из 6) и ещё 12,22 % оценили необходимость выполнения этой деятельности для него в 5 баллов из 6. Такие значения в два раза превышают оценки необходимости для отца выполнять эту деятельность мужчинами, прошедшими занятия в папа-группах в 2010–2013 годах, и близки (если оценивать суммарно количество участников опроса, которые поставили 5 и 6 баллов) к значениям распределений ответов на этот вопрос участниками опроса отцов Санкт-Петербурга по репрезентативной выборке в 2013 году.

Можно отметить, что представления о нормативных моделях разделения обязанностей между родителями участников папа-групп, опрошенных в 2021 году, в общем совпадают с представлениями общества в целом. Более ярко выраженная гендерная асимметрия в представлениях о родительских ролях, свойственная отцам, опрошенным в 2013 году, среди отцов, опрошенных в 2021 году, не наблюдается. Одновременно важно отметить, что представления о моделях разделения обязанностей между родителями участников папа-групп, опрошенных в 2021 году, сложно назвать значительно более гендерно равноправными по сравнению с представлениями о разделении родительских обязанностей отцов Санкт-Петербурга, опрошенных по выборке 404 человека в 2013 году. Можно также предположить, что ситуация, когда участники папа-групп придерживаются представлений о более гендерноасимметричных ролях отца и матери, чем общество в целом, могла сохраняться, поскольку представления о них среди мужчин изменились за прошедшее время. Например, опрос по выборке 600 человек, проведенный в апреле 2020 года Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской (ИСЭПН РАН), показал, что только 65,5 % мужчин считали, что кормильцем в семье должен быть мужчина,

и 92,4 % мужчин полагали, что мужчины должны наравне с женщинами воспитывать детей [27].

Информация о представлениях о разделении обязанностей между родителями представлена в таблице 4.

Таблица 4

**Представления о разделении обязанностей между родителями,
% от ответивших на вопрос⁶**

Целевая группа и год проведения опроса, размер выборки	Оценка 1 – «не должен(а) этим заниматься»; оценка 6 – «должен(а) много этим заниматься»							
	Оценка 3 и ниже		Оценка 4		Оценка 5		Оценка 6	
	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец
Кто из родителей должен заниматься обеспечением материального благополучия?								
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	24,3	1	21,5	2	23,5	4,7	30,7	92,3
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	57,1	6,5	25	0	14,3	9,6	3,6	83,9
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	18,89	1,11	25,56	2,22	20	12,22	35,56	84,44
Кто из родителей должен заниматься уходом и присмотром за детьми?								
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	1,2	10,1	2,5	19,3	8,7	22,5	87,6	48
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	6,6	29	6,7	32,3	40	32,3	46,7	6,5
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	1,11	11,11	7,78	13,33	7,78	12,22	83,33	63,33

Важной характеристикой родительского вклада в воспитание детей и заботу о них является объем времени, который посвящается ребенку (количественная характеристика вовлеченности в заботу о детях), и реализуемые практики, связанные с заботой о детях и их воспитанием, которые можно рассматривать как качественные характеристики вовлеченности в заботу о детях. Информация о количестве времени, которое отцы посвящают своим детям в среднем в неделю, представлена в таблице 5. Информация о частоте участия отцов в различных практиках заботы о детях представлена в таблице 6.

⁶ Источник: Результаты исследования 2013 года опубликованы [3] и приводятся для сравнения с результатами исследования 2021 года.

Распределение отцов по количеству времени, которое они посвящают ребенку в неделю, % от ответивших на вопрос⁷

Целевая группа и год проведения опроса, размер выборки	Объем времени, который отцы посвящают детям в неделю			
	До 7 часов	От 7 до 15 часов	От 15 до 24 часов	Более 24 часов
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	14	28	16	42
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	11,8	34,1	38,2	15,9
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	14,44	30	16,67	38,89

Количество времени, затрачиваемое отцами, посещавшими папа-группы в 2015–2020 годах, практически стало соответствовать количеству времени, которое отцы, опрошенные по репрезентативной выборке в 2013 году, посвящали детям. При этом время, затрачиваемое мужчинами на участие в заботе о детях, по данным исследования ИСЭПН РАН 2020 года, ещё меньше: только 25,6 % опрошенных посвящали в неделю детям более 24 часов, а 24,4 % тратили на это 7 часов и менее в неделю [27]. Неожиданные данные, полученные при опросе отцов, прошедших папа-группы, в 2013 году, свидетельствовавшие о том, что отцы, прошедшие папа-группы, тратят меньше времени на детей, чем мужчины, опрошенные при проведении репрезентативного опроса отцов Санкт-Петербурга, не повторяются в опросе 2021 года.

Интенсивность вовлеченности отцов, прошедших занятия в папа-группах в 2010–2013 и в 2015–2020 годах, в проанализированные родительские практики немного превышает интенсивность вовлеченности в них отцов Санкт-Петербурга, опрошенных в 2013 году. Все группы отцов, описывая своё участие в практиках заботы о детях, чаще других выбирают варианты «Редко» и «Часто», но среди отцов, прошедших занятия в папа-группах, ответы «Всегда» и «Почти всегда» встречаются чаще, ответ «Часто» - либо чаще, либо с частотой, неотличимой от ответов отцов Санкт-Петербурга, участвовавших в исследовании 2013 года. Ответы «Никогда» и «Крайне редко» выбирались отцами, прошедшими занятия в папа-группах, реже, в то время как ответ «Редко» выбирали по всем проанализированным практикам не менее трети отцов Санкт-Петербурга, не участвовавших в занятиях папа-групп. Особое место среди родительских практик занимает приготовление пищи, с которым отцы, вероятно, испытывают затруднения, вызванные тем, что оно требует некоторых знаний и практических навыков, которыми мужчины овладевают реже, чем женщины. Эти навыки сложно освоить в ходе ограниченного количества занятий группы для отцов, поэтому в реализацию этой практики отцы, прошедшие папа-группы, вовлечены слабее, однако не меньше отцов Санкт-Петербурга, опрошенных по репрезентативной выборке в 2013 году. Таким образом, можно отметить, что мужчины, посещавшие занятия в папа-группах, чаще включены в выполнение практик заботы о детях.

⁷ Источник: Результаты исследования 2013 года опубликованы [3] и приводятся для сравнения с результатами исследования 2021 года.

Распределение ответов на вопросы о частоте, с которой отцы осуществляют практики заботы о детях, % от ответивших на вопрос⁸

Целевая группа и год проведения опроса, размер выборки	Никогда	Крайне редко	Редко	Часто	Почти всегда	Всегда
Вопрос «Как часто Вы осуществляете физический уход за ребенком (например, смена памперсов, купание)?»						
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	3,3	15,3	31,1	45,9	2,7	1,6
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	0	4,8	23,5	38,2	15,8	17,6
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	1,11	2,22	15,6	43,3	20	17,78
Вопрос «Как часто Вы играете с ребенком?»						
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	0,7	5,9	30,2	49,3	10,6	3,2
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	0	2,9	14,7	55,9	17,6	8,8
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	0	2,22	21,11	47,78	17,78	11,11
Вопрос «Как часто Вы ходите на прогулки с ребенком?»						
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	1	4,2	31,7	51,5	9,4	2,2
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	0	2,9	10,6	58,8	18,8	8,8
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	0	1,11	13,33	66,67	15,56	3,33
Вопрос «Как часто Вы готовите еду для ребенка?»						
Опрос отцов Санкт-Петербурга, 2013 г. (n=404)	11,6	22	36,6	25,5	3,2	1
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2013 г. (n=40)	0	17,6	39,4	31,2	5,9	5,9
Опрос отцов, посещавших папа-группы, 2021 г. (n=90)	3,33	21,11	27,78	36,67	6,67	4,44

Заключение

Технология поддержки вовлеченного отцовства «папа-группа» к 2021 году сложилась и имеет относительно длительный период применения, за который в ней участвовали несколько сотен отцов. Это очень небольшое количество, указывающее на то, что технология не является широко распространенной, вызывает интерес у практиков и администраторов различных социальных сервисов, деятельность которых связана с родительством. Представленное исследование позволяет оценить воздействие папа-групп на практики отцовства и представления об отцовстве и родительстве в целом отцов, участвовавших в папа-группах, определить, какой результат

⁸ Источник: Результаты исследования 2013 года опубликованы [3] и приводятся для сравнения с результатами исследования 2021 года.

в области продвижения вовлеченного отцовства приносит эта форма работы с отцами, что имеет большое значение для дальнейшего применения технологии «папа-групп», развития других форм институциональной поддержки вовлеченного отцовства.

Представления отцов, проходивших папа-группы, о распределении обязанностей в семье или примерно совпадают, или оказываются даже более гендерноасимметричными, чем представления имеющих детей мужчин, не проходивших занятия в папа-группах. Таким образом, на представления отцов участие в папа-группах существенного влияния не оказывает.

Участники папа-групп интенсивнее включены в реализацию родительских практик по сравнению с отцами, не участвовавшими в папа-группах, причём это наблюдается в опросах отцов и в 2013, и в 2021 году. Таким образом, можно предположить, что результаты работы папа-групп ограничиваются мотивированием отцов чаще принимать участие в разных видах практик заботы о детях, не увеличивая объема времени, затрачиваемого на это, поскольку объемы времени, которые отцы, прошедшие цикл занятий в папа-группах, посвящают своим детям, лишь немного больше или примерно такие же, как у отцов, не участвовавших в отцовских группах. На количество времени, выделяемого даже мотивированными, но не очень хорошо обеспеченными отцами на заботу о детях, влияют, вероятно, ограничения, связанные с оплачиваемой занятостью. Они приводят к формированию значительного нереализованного потенциала родительства у современных российских отцов [1]. Развитие более сильных экономически институциональных инструментов поддержки вовлеченного отцовства могло бы способствовать усилению эффекта, производимого папа-группами.

Разнообразие родительских практик, в реализацию которых отцы, прошедшие занятия в папа-школах, погружены, может быть как следствием того, что отцы принимали участие в папа-группах, так и того, что они были больше мотивированы на участие в заботе о своих детях ещё до начала встреч папа-группы. Даже если большая интенсивность участия отцов в заботе о детях обусловлена их ранее сформировавшимися представлениями или объективными причинами (например, ограниченными возможностями матери или её отсутствием), папа-группы предоставляют возможность отцам сформировать или расширить свои знания по вопросу взаимодействия с ребенком, познакомиться с навыками, успехами и сложностями других отцов в вопросах заботы о детях, их воспитания, обсудить это, получив опыт взаимодействия с мотивированными на активное участие в воспитании детей мужчинами, что формирует представления об укорененности практик вовлеченного отцовства, укрепляя мотивацию отцов их реализовывать.

Ссылки

1. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125. DOI: 10.7868/S0132162517070133.
2. Lipasova A. Fatherhood in the russian provinces: a theoretical and empirical analysis // The Journal of Social Policy Studies. 2017. № 15 (4). P. 629–642. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-629-642.
3. Малышев А. Г. Влияние гендерно-чувствительных социальных сервисов (папа-школ) на вовлечение отцов в заботу о детях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1. С. 80–90.
4. Шевченко И. О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. М.: Тривант, 2019. 298 с.
5. Егорова Н. Ю., Янак А. Л., Рябинская Е. С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233–251. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.782.

6. Барсуков В. Н., Калачикова О. Н. Предпосылки и ограничения трансформации современного института отцовства // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 1. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.44.
7. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 94–106. DOI 10.31857/S013216250016970-0.
8. Lamb M. E. How Do Fathers Influence Children's Development? Let Me Count the Ways // The Role of the Father in Child Development. Lamb M. E. (ed.). Hoboken, NJ: Wiley, 2010. P. 1–26.
9. Cabrera N. J., Shannon J. D., Tamis-LeMonda C. Fathers' Influence on Their Children's Cognitive and Emotional Development: From Toddlers to Pre-K // Applied Developmental Science. 2007. Vol. 11. № 4. P. 208–213. DOI:10.1080/10888690701762100 DOI: 10.1080/10888690701762100.
10. State of the World's Fathers: A MenCare Advocacy Publication / R. Levtov, N. van der Gaag, M. Greene, M. Kaufman, G. Barker. Washington, DC: Promundo, Rutgers, Save the Children, Sonke Gender Justice, and the MenEngage Alliance, 2015. 288 p.
11. Plantin L., Olukoya A. A., Ny P. Positive Health Outcomes of Fathers' Involvement in Pregnancy and Childbirth Paternal Support: A Scope Study Literature Review // Fathering. 2011. Vol. 9. № 1. P. 87–102. DOI:10.3149/fth.0901.87.
12. Bianchi S. M., Robinson J. P. & Milkie M. A. Changing rhythms of American family life. New York: Russell Sage Foundation, 2006. 272 p.
13. Hook J. L. Care in Context: Men's Unpaid Work in 20 Countries, 1965–2003 // American Sociological Review. 2006. № 71 (4). P. 639–660. DOI: 10.1177/000312240607100406
14. Hook J. L. & Wolfe C. M. New fathers? Residential fathers' time with children in four countries // Journal of Family Issues. 2012. № 33. P. 415–450. DOI: 10.1177/0192513X11425779
15. Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11 (343). С. 95–104.
16. LaRossa R. Fatherhood and Social Change // Family Relations. 1988. № 37 (4). P. 451–457.
17. Клещина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29–41.
18. Beck-Gernsheim E. Was kommt nach der Familie? Alte Leitbilder und neue Lebensformen. München: C. H. Beck Verlag, 2010. 210 s.
19. Чернова Ж. В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 15 (1). С. 103–122.
20. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90–101. DOI: 10.31857/S013216250005796-8.
21. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р., Ворона М. А. Оценивание в социальной работе // Социальная работа: теория, методы, практика. Материалы интернет-конференций и семинаров. 2012. № 2. С. 12–14.
22. Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework // Journal of Marriage and Family. 1998. № 60 (2). P. 277–292.
23. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
24. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
25. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. Fourth edition. New-York: Simon and Schuster, 1995. 518 p.
26. Åberg P., Rodin J. Fatherhood Across space and time Russia in perspective // Baltic Worlds. 2014. № 4 (3-4). P. 21–28.
27. Гендерная панорама современной России: монография / Отв. ред. В. Г. Доброхлеб, З. А. Хоткина, М. В. Беликова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 236 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-389-8.2022.

Loss among the Russian working-age population during stable and crisis periods in the context of the major risk factors

V. G. Semyonova¹, T. P. Sabgayda^{1,2}, A. V. Zubko^{1,2}, G. N. Evdokushkina¹

¹Institute for Demographic Research FCTAS RAS

²Central Research Institute of Organization and Informatization of Healthcare of the Ministry of Health of the Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-84-101

Research article
Full text in Russian

The topic is substantiated by ongoing urgency of COVID-19-related issues and the need to identify risk factors most relevant during crisis periods.

The purpose is to evaluate impact of the main risk factors on mortality among the Russian working-age population during stable and crisis periods.

The analysis is based on Rosstat mortality data among working-age population in 2011–2021. The study identified individual-related causes (behavioral risk factors), society-related (social risk groups), as well as mixed risks. During pre-crisis period, positive trends were due to decreased mortality from all causes associated with risk factors. During the pandemic, mortality due to all causes associated with risk factors increased across all age/sex groups of the working-age population, with the highest rates of negative shifts registered among males aged 20–39 and females aged 15–29 (5,9 % and 3,1 %, respectively). Increase in mortality was due to causes associated with behavioral risk factors. These negative shifts were accounted for by a multiple increase in drug addiction mortality throughout the pandemic. During the pandemic, deaths associated with social factors decreased due to reduced road traffic mortality against increased mortality from accidental falls and drownings. Significance of individual-related causes was increasing with age with the maximum among older working-age population.

Keywords: COVID-19 pandemic; periods of crisis; mortality of the population of working age; risk factors; alcoholism; addiction

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Semyonova, Viktoria G. | E-mail: vika-home@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-2794-1009
Doc Sc. (Economics)

Sabayda, Tamara P. | E-mail: tamara@mednet.ru
ORCID iD: 0000-0002-5670-6315
Doc Sc. (Medicine), Professor

Zubko, Alexander V. | E-mail: zalexandrae@gmail.com
(correspondence author) | ORCID iD: 0000-0001-8958-1400
Cand Sc. (Medicine)

Evdokushkina, Galina N. | E-mail: gnevokushkina@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-1389-2509

For citation: Semyonova V. G., Sabgayda T. P., Zubko A. V., Evdokushkina G. N. Loss among the Russian working-age population during stable and crisis periods in the context of the major risk factors // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 84-101. (in Russ.)

Потери трудоспособного населения России в стабильный и кризисный периоды в контексте основных факторов риска

В. Г. Семенова¹, Т. П. Сабгайда^{1,2}, А. В. Зубко^{1,2}, Г. Н. Евдокушкина¹

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

²«Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-84-101
УДК 314.02+614.1+316.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

Актуальность темы обусловлена, во-первых, неисчерпанностью проблем пандемии COVID-19, во-вторых, необходимостью выявления факторов риска, наиболее актуальных в кризисные периоды как таковые. Целью исследования является оценка влияния основных факторов риска на смертность трудоспособного населения России в стабильные и кризисные периоды.

Анализ базировался на данных Росстата за 2011–2021 гг. о смертности населения трудоспособных возрастов. Были выделены причины, ответственность за которые несет личность (поведенческие факторы риска), общество (социальные группы риска), а также и личность, и общество (смешанные риски).

Во-первых, показано, что в докризисный период сложились позитивные тренды вследствие снижения смертности от всей совокупности причин, обусловленных факторами риска. Во-вторых, в период пандемии смертность вследствие всей совокупности причин, обусловленных факторами риска, выросла во всех половозрастных группах трудоспособного населения, причем наиболее высокие темпы негативных сдвигов отмечены у 20–39-летних мужчин и 15–29-летних женщин (5,9 % и 3,1 % соответственно). В-третьих, отмеченный рост смертности определялся причинами, обусловленными поведенческими факторами риска. Эти негативные сдвиги определялись кратным ростом смертности от наркомании и ее последствий в течение всего периода пандемии. В-четвертых, в период пандемии потери, обусловленные социальными факторами, снизились за счет снижения смертности от транспортных происшествий на фоне роста смертности от случайных падений и утоплений. В-пятых, с увеличением возраста отмечается рост значимости причин, ответственность за которые несет личность, достигающий максимума среди лиц старших трудоспособных возрастов.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; периоды кризиса; смертность населения трудоспособных возрастов; факторы риска; алкоголизм; наркомания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенова, Виктория Георгиевна	E-mail: vika-home@yandex.ru ORCID iD: 0000-0002-2794-1009 Доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Сабгайда, Тамара Павловна	E-mail: tamara@mednet.ru ORCID iD: 0000-0002-5670-6315 Доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник
Зубко, Александр Владимирович (автор для корреспонденции)	E-mail: zalexandrae@gmail.com ORCID iD: 0000-0001-8958-1400 Кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник
Евдокушкина, Галина Николаевна	E-mail: gnevdochushkina@gmail.com ORCID iD: 0000-0002-1389-2509 Старший научный сотрудник

Для цитирования: Семенова В. Г., Сабгайда Т. П., Зубко А. В., Евдокушкина Г. Н. Потери трудоспособного населения России в стабильный и кризисный периоды в контексте основных факторов риска // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 84–101.

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Начиная с середины нулевых годов, Россия демонстрировала уникальный в ее истории период стабильного роста продолжительности жизни, который не смогли прервать кризисы 2008 г. и 2014 г. Однако эти позитивные тренды были прерваны, как и во всем мире, кризисом, обусловленным пандемией COVID-19: за 2 года страна потеряла 2,8 года продолжительности жизни мужчин и 3,8 года – женщин, вследствие чего показатели 2021 г. оказались близки к таковым уровням 2014 г. у мужчин (65,5 и 65,3 года) и 2008 г. у женщин (74,4 и 74,3 года соответственно) [1; 2; 3; 4; 5].

Однако потери, обусловленные пандемией, далеко не исчерпываются смертностью вследствие COVID-19: как показали ранее проведенные исследования, существенный вклад внесли причины социально значимые и социально обусловленные [6; 7; 8].

Геополитические проблемы, с которыми столкнулась Россия, и резкое их обострение в 2022 г. отодвинули в общественном сознании проблемы пандемии COVID-19, однако они дали крайне важную информацию, актуальную для любого кризисного периода [9].

В первую очередь это касается социальных аспектов потерь населения в кризис, обусловленный пандемией, а именно – факторов риска, обусловленных социальным стрессом, сформировавшимся во время пандемии.

Однако при обсуждении факторов риска и потерь, ими обусловленных, представляется продуктивным выявить их глубинные причины: в настоящее время в научном сообществе достаточно широко исследуются поведенческие факторы риска, однако было бы некорректно сводить их только к недостаткам самосохранительного поведения [10; 11; 12; 13].

В этом контексте представляется продуктивным предложенный ранее подход, согласно которому предлагается рассматривать факторы риска и потери, обусловленные ими, двояко, разделив их на группы потерь, ответственность за которые несет личность (собственно, они и определяются поведенческими факторами риска), и потерь, ответственность за которые несет общество [14; 15; 16; 17]. Поскольку этот подход, помимо академических аспектов, имеет и сугубо практические результаты, т. к. позволяет перейти к разработке профилактических мер по снижению смертности, было бы интересно использовать его при оценке сложившейся ситуации [18].

Однако при использовании предложенного подхода продуктивной представляется модификация группировки причин в контексте факторов риска.

Так, в первую группу – потери, обусловленные поведенческими факторами риска, помимо самоубийств, убийств, алкогольных и наркотических отравлений, – следует внести психосоматические патологии, обусловленные алкоголем и наркотиками [14; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Вторую группу – потери, обусловленные факторами риска, за которые несет ответственность общество, или в дальнейшем социальными факторами, – следует ограничить транспортными происшествиями, случайными падениями и утоплениями.

Третья группа должна формироваться за счет потерь, ответственность за которые разделяет и личность, и общество: представляется, что в эту группу входят жертвы пожаров и их последствий, случайные механические удушения (как правило, пищей), а также замерзание (обморожение и его последствия).

Представляется, что подобная группировка позволит объективно выделить факторы риска, которые наиболее существенно сказываются на потерях населения в периоды кризиса.

При этом объектом исследования выбрано население трудоспособных возрастов: в старших возрастных группах в 2020–2021 гг. доминирующим фактором риска является COVID-19 как таковой, что в значительной мере нивелирует потери, обусловленные социальными факторами.

Таким образом, целью исследования является оценка влияния основных факторов риска на смертность трудоспособного населения России в стабильные и кризисные периоды.

Материалы и методы

Анализ проведен по данным Росстата о смертности населения России 15–59 лет в возрастном и нозологическом аспектах.

В первую группу причин (ответственность личности) были включены смертность от убийств (X85-Y09), совокупная смертность, обусловленная алкоголем (X45, Y15, F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70) и наркотиками (X42, Y12, F11-F13, F16, F19), а также смертность от суицидов, включая латентную компоненту (X60-X84, Y20, Y30).

Оценка потерь от суицидов с учетом суицидальной компоненты, основанная на способе реализации инцидента, апробирована в ранее проведенных исследованиях [7; 25; 26; 27].

Вторая группа причин (ответственность общества) включает смертность от транспортных происшествий (V00-V99), случайных падений (W00-W19) и утоплений (W65-W74).

Третья группа (смешанный тип ответственности) включает потери от воздействий дыма, огня и пламени (X00-X09), случайных механических удушений (W75-W84), а также воздействия низкой температуры (X31).

При анализе были использованы данные за 2011–2021 гг., т. к. краткая номенклатура причин смерти, использовавшаяся в России ранее, не позволяла с достаточной полнотой учитывать потери 1-ой группы.

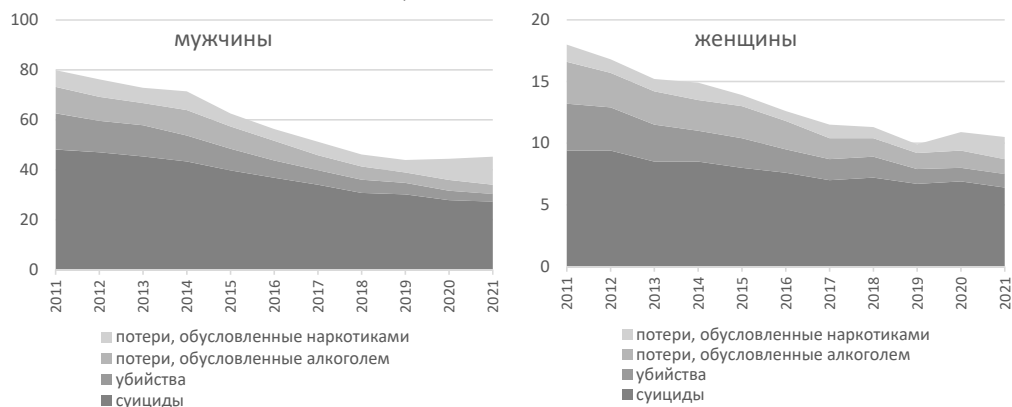
Для сравнения процессов стабильного и кризисного развития ситуации были использованы среднегодовые темпы изменения смертности в 2011–2019 гг. и ежегодные темпы изменения показателей в 2019–2021 гг.

Результаты

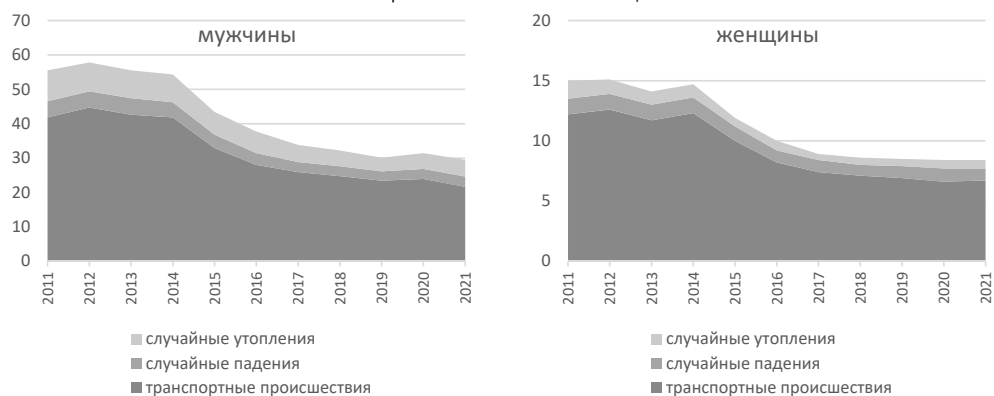
Динамика смертности населения младших трудоспособных возрастов (15–29 лет) в контексте факторов риска.

Первое, что следует отметить, говоря о смертности российского населения младших трудоспособных возрастов: несмотря на вполне обоснованное мнение клиницистов о минимальных рисках смерти от COVID-19 в этой возрастной группе, пандемия сказалась на них достаточно остро: устойчивые и стабильные позитивные тренды 2011–2019 гг. (за это 9-летний период смертность 15–29-летних снизилась почти вдвое у мужчин и на 40 % у женщин) сменились ростом показателей, начавшимся в 2020 г. и продолжившимся в 2021 г. При этом, что еще более тревожно, темпы негативных трендов в последний год ускорились, составив 3,2 % у мужчин и 8 % у женщин против 2,5 %- и 5,5 %-ного роста показателей в 2019–2020 гг. на фоне 4,1 %- и 3,5 %-ного среднегодового снижения в 2011–2019 гг. (рис. 1).

Первая группа – потери, обусловленные поведенческими факторами риска, за которые несет ответственность личность

Вторая группа – потери, обусловленные поведенческими факторами риска, за которые несет ответственность общество

Третья группа – потери, обусловленные поведенческими факторами риска, за которые ответственность разделяет и личность, и общество

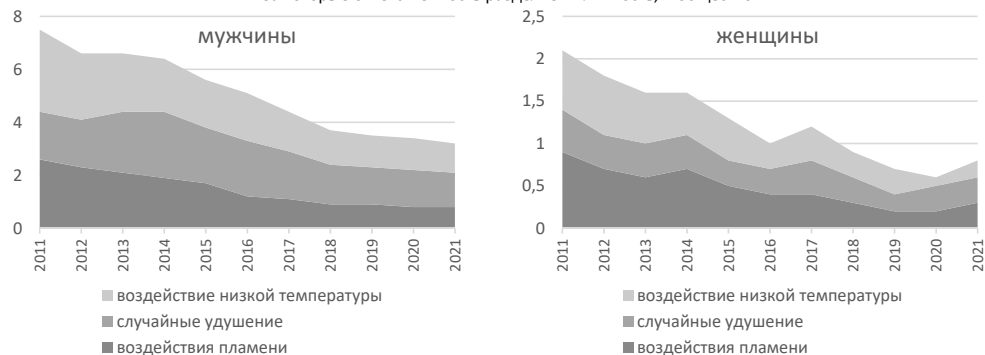

Рисунок 1. Динамика смертности населения 15–29 лет от причин, обусловленных факторами риска, в контексте ответственности на индивидуальном и социальном уровне, в 2011–2021 гг., на 100 тыс. соответствующего населения¹

¹ Источник: данные Росстата за 2011–2021 гг. о смертности населения трудоспособных возрастов

При этом совокупные потери, обусловленные поведенческими факторами риска (1-я группа), в 2011–2019 гг. снижавшиеся одинаковыми темпами в мужской и женской популяции (по 4,1 % в год), в 2019–2020 гг. выросли на 1,1 % у мужчин и на 10,1 % у женщин. В 2021 г. темпы роста показателей у мужчин ускорились (1,8 % против 1,1 %), у женщин – сменились снижением показателей на 3,7 %. Таким образом, в кризисный период 2019–2021 гг. потери российской молодежи, обусловленные поведенческими рисками, выросли по сравнению с докризисным периодом на 3 % и 6,1 %.

Следует отметить еще одно обстоятельство: даже у женщин темпы позитивного сдвига последнего года уступали таковым в 2011–2019 гг. (3,7 % против 4,1 %).

Рассматривая ситуацию в нозологическом аспекте, отметим, что кризис, обусловленный пандемией, не отразился на трендах смертности от насильственных причин (канонически убийства рассматриваются как насилие, направленное вовне, самоубийства – как насилие, направленное на себя). Так, смертность от убийств в 2019–2020 гг. снизилась на 17,4 % у мужчин и 8,3 % у женщин (против 6,2 %-ного среднегодового снижения показателей в 2011–2019 гг.), в 2020–2021 гг. темпы снижения показателей у мужчин ускорились до 18,4 %, у женщин ситуация стабилизировалась.

Что касается суицидов (даже с учетом латентной компоненты), то смертность от них в 2019 г. выросла на 3 % только у женщин, в мужской популяции наблюдалось 7,6 %-ное снижение показателей (на фоне соответственно 2,6 %- и 3,4 %-ного среднегодового снижения смертности в 2011–2019 гг.), в 2020–2021 гг. позитивные тенденции продолжились у мужчин и возобновились у женщин (снижение на 2,2 % и 7,2 %).

Смертность, обусловленная алкоголем, продемонстрировала негативный сдвиг только в первый год пандемии (рост на 2,4 % и 7,7 % соответственно), в 2021 г. позитивные тренды возобновились, причем темпы снижения показателей составили 14 % и 14,3 % на фоне предшествовавшего среднегодового снижения на 5,5 % и 5,6 % соответственно.

Наиболее критически складывалась ситуация для смертности, обусловленной наркотиками: в первый год пандемии показатели выросли на 70 % у мужчин и в 2,1 раза у женщин, в 2020–2021 гг. – на 31,8 % и 20 % соответственно на фоне среднегодового 2,3 %- и 4,5 %-ного снижения смертности в 2011–2019 гг.

Таким образом, 2 года пандемии обошлись России 2,2- и 2,6-кратным ростом смертности от наркомании и ее последствий.

Принципиальным представляется, что наркомания – единственная причина из 1-ой группы, аккумулирующей поведенческие факторы риска, суммарные потери от которой выросли в кризисный период пандемии: именно этими причинами был обусловлен рост смертности от причин, обусловленных поведенческими факторами риска в 2019–2021 гг. и в мужской и в женской популяции.

Смертность российской молодежи, обусловленная факторами, за которые несет ответственность общество (социальными факторами), в 2011–2019 гг. продемонстрировала не всегда последовательные позитивные тенденции, вследствие которых потери от причин, формирующих этот блок, снизились соответственно на 45,8 % и 43,3 %. Отметим, что в период пандемии гендерные тренды изменения показателей были разнонаправленными (4,3 %-ный рост смертности у мужчин и 1,2 %-ное снижение у женщин в 2019–2020 гг., соответственно, 6,1 %-ное снижение и отсутствие позитивных сдвигов в 2020–2021 гг.). Тем не менее в целом в период пандемии потери, обусловленные социальными факторами, снизились на 2 % у мужчин и 1,2 % у женщин.

Анализируя нозологический профиль сдвигов в первый год пандемии в этой группе причин, отметим, что негативные сдвиги в первый год пандемии у мужчин были обусловлены всеми причинами этого блока, причем минимальные темпы роста показателей наблюдались для транспортных происшествий, максимальные – для случайных утоплений (рост на 2,1 % и 15 % соответственно). Однако в 2020–2021 гг. возобновились позитивные тенденции смертности от транспортных происшествий (9,6 %-ное снижение показателей), что в значительной мере компенсировало 3,4 %-ный рост смертности от случайных падений и 6,5 %-ный – от случайных утоплений, вследствие чего суммарные потери в мужской популяции от причин, обусловленных социальными факторами, в последний год снизились на 6,1 %.

Отметим, что в предшествующий период для всех причин этой группы сформировались устойчивые позитивные тренды, причем среднегодовые темпы снижения совокупной смертности составили 4,2 % за счет 4 %-ного снижения потерь от транспортных происшествий, 3,9 %-ного – от случайных падений, 5,1 %-ного – от случайных утоплений.

В женской популяции в 2011–2019 гг. среднегодовые темпы снижения совокупной смертности от причин, обусловленных социальными факторами, составили 3,9 % за счет 3,9 %-ного снижения потерь от транспортных происшествий, 2,1 %-ного – от случайных падений, 5,5 %-ного – от случайных утоплений. При этом нозологическая конфигурация оказалась сложнее, чем у мужчин: так, в первый год пандемии суммарная смертность снизилась на 1,2 % за счет 4,3 %-ного снижения транспортной смертности на фоне 10 %-ного роста потерь от случайных падений, 16,7 %-ного – от утоплений. В последний год исследования совокупная смертность в этой группе не изменилась на фоне стабилизации смертности от падений, 2,9 %-ного снижения – от транспортных происшествий и 16,7 %-ного роста – от утоплений.

В целом в период пандемии позитивные сдвиги смертности от причин, обусловленных социальными факторами, обусловлены только транспортными происшествиями (снижение на 7,7 % и 2,9 % соответственно) на фоне 11,1 %-ного роста смертности от падений у мужчин и стабилизации показателей у женщин и 22,5 %- и 16,7 %-ного роста – от случайных утоплений.

Смертность причин третьей группы, обусловленных смешанным типом рисков, за потери от которых несет ответственность как личность, так и общество, в 2011–2019 гг. стабильно снижалась (рис. 1), сдвиги в период пандемии характеризовались гендерной спецификой: в первый год пандемии снижение смертности отмечалось и в мужской, и в женской популяции, но у мужчин позитивные тренды по сравнению с предшествующим периодом замедлились (2,9 % против 4,8 %-ного среднегодового снижения), у женщин – ускорились (14,3 % против 6,1 % соответственно). Во второй год пандемии у мужчин темпы позитивных тенденций выросли до 5,9 %, у женщин наблюдался негативный сдвиг, вследствие чего смертность в этой группе выросла на треть.

При этом у мужчин в первый год пандемии сохранение позитивных тенденций определялось только 11,1 %-ным снижением смертности от воздействий дыма, огня и пламени, во второй год – снижением потерь от случайных механических удушений и чрезмерно низкой температуры (на 7,1 % и 8,3 % соответственно).

У женщин выигрыш первого года пандемии был обусловлен 3-кратным снижением смертности от обморожений на фоне 1,5-кратного роста потерь от удушений, негативный сдвиг второго года – 1,5-кратным ростом смертности от пожаров и их последствий и 2-кратным – от обморожений.

Вследствие этих сдвигов смертность от причин этой группы в период пандемии у мужчин снизилась на 8,6 %, у женщин – выросла на 14,3 %.

Рассматривая распределение совокупных потерь в соответствии с факторами риска, укажем, что в 2021 г. в мужской популяции отмечался максимальный за период исследования вклад смертности, обусловленной поведенческими факторами (58 %), минимальный – социальными факторами и факторами смешанными (37,9 % и 4,1 % соответственно).

В женской популяции такая закономерность не наблюдалась, однако следует указать, что вклад 1-ой группы причин смерти вырос с 51,8 % в 2019 г. до 53,3 % в 2021 г., 2-ой группы – снизился с 44,5 % до 42,6 %, 3-ей – вырос с 3,7 % до 4,1 %.

При этом в течение всего периода исследования 1-е место занимают потери, обусловленные поведенческими факторами, 2-е – социальными, минимальный вклад вносили потери от смешанных факторов риска.

При этом укажем, что среди молодежи особую тревогу вызывают причины, потери от которых обусловлены поведенческими факторами риска: при максимальных уровнях и значимости смертности потери от этих причин в период пандемии и в мужской и в женской популяции продемонстрировали рост смертности на фоне снижения потерь от причин, обусловленных социальными рисками, а также смешанными рисками в мужской популяции.

В заключение укажем, что и в период стабилизации, и во время кризиса тенденции совокупной смертности российской молодежи, обусловленной всеми группами риска, развивались несколько более благоприятно, нежели общая смертность 15–29-летних: как уже указывалось, в 2011–2019 гг. среднегодовые темпы снижения общей смертности составили 4,1 % и 3,5 % против 4,2 %- и 4,1 %-ного снижения совокупных потерь, обусловленных факторами риска, в период пандемии общая смертность выросла на 5,8 % и 14 % против 0,5 % и 3,1 % соответственно.

Динамика смертности населения средних возрастов (30–44 года) в контексте факторов риска.

Сходная ситуация сложилась и среди 30–44-летних: тренды совокупной смертности, обусловленной факторами риска, и в стабильной, и в критической ситуации оказались более благоприятными, нежели общей смертности: из рис. 2 видно, что в 2011–2019 гг. среднегодовые темпы снижения совокупных потерь, обусловленных рисками, составили 3,2 % и 3,4 % против соответственно 2,4 %- и 1,6 %-ного снижения общей смертности, в 2019–2021 гг. – соответственно, 5,9 % и 2,9 % против 11,6 % и 19,1 %.

При этом потери, обусловленные поведенческими факторами риска (1-ая группа), стабильно снижавшиеся в 2011–2019 гг. среднегодовыми темпами 2,6 % у мужчин и 2,8 % у женщин, в первый год пандемии выросли на 8,7 % и 5,9 % соответственно, во второй год у мужчин наметились слабо выраженные позитивные тенденции (снижение на 0,2 %), у женщин ситуация стабилизировалась.

При этом и у мужчин, и у женщин негативные сдвиги 2019–2020 гг. определялись в первую очередь потерями, обусловленными алкоголем и наркотиками, увеличившимися на 8 % и в 1,5 раза в мужской и на 6,6 % и 35 % в женской популяции на фоне стабилизации смертности от убийств у мужчин и 8,1 %-ного снижения показателей у женщин (отметим, что среднегодовые темпы снижения смертности от убийств в предшествующий период составили 5,4 % и 4,9 % соответственно). Суицидальная смертность у мужчин снизилась на 4 %, у женщин – выросла на 3,1 %.

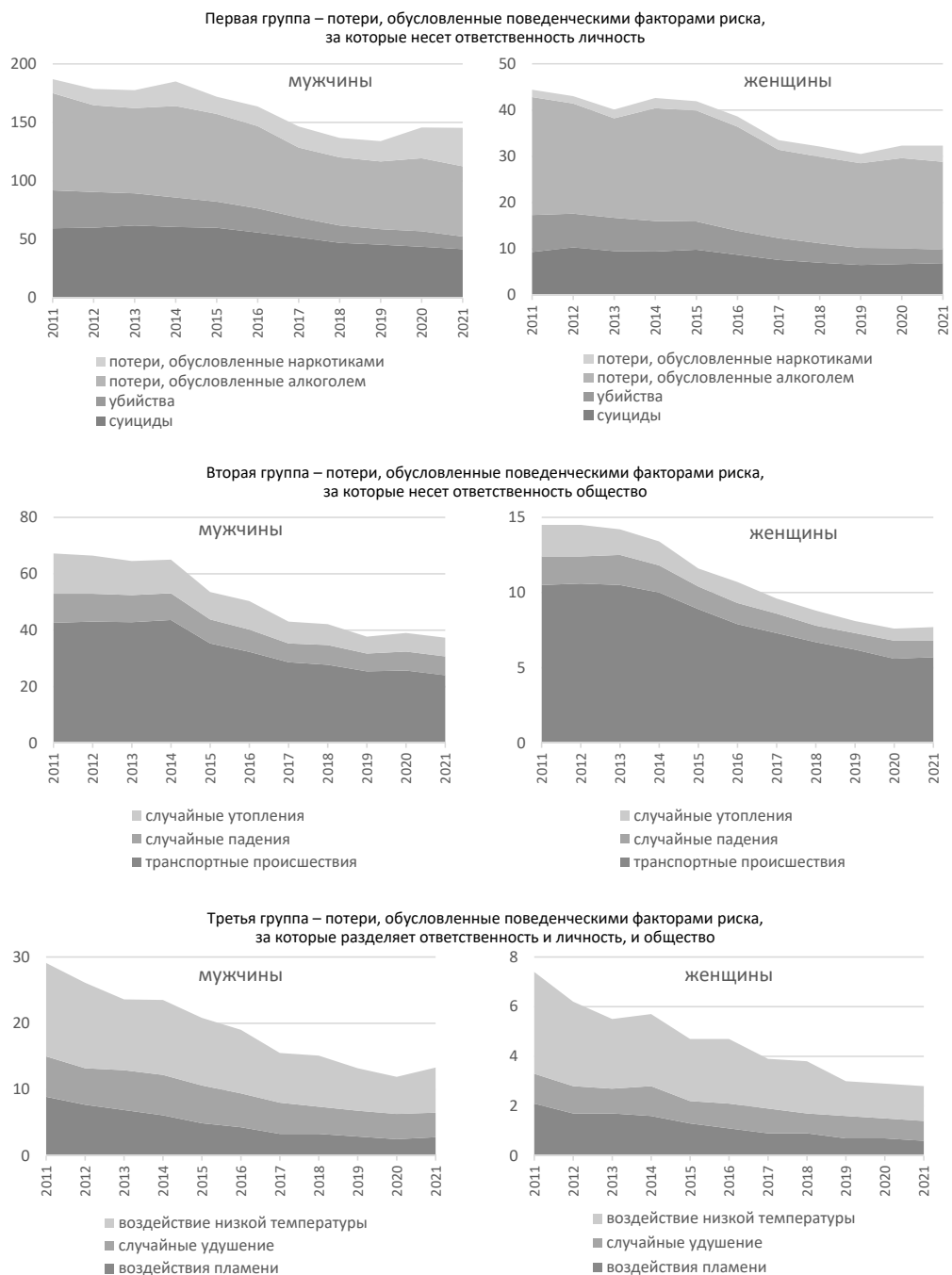

Рисунок 2. Динамика смертности населения 30–44 лет от причин, обусловленных факторами риска, в контексте ответственности на индивидуальном и социальном уровне, в 2011–2021 гг., на 100 тыс. соответствующего населения²

² Источник: данные Росстата за 2011–2021 гг. о смертности населения трудоспособных возрастов

Таким образом, единственными причинами первой группы, смертность от которых в первый год пандемии снижалась, у мужчин оказались суициды, у женщин – убийства.

На второй год пандемии ситуация в мужской популяции значительно улучшилась благодаря 3 из 4 причин этой группы, причем темпы снижения смертности от этих причин оказались выше, нежели среднегодовые в 2011–2019 гг. (4,6 % против 2,1 % – от суицидов, 18,8 % против 5,4 % – от убийств, 3,8 % против 2,8 % – от алкоголизма и его последствий), однако высокие темпы позитивных сдвигов тормозились 25,2 %-ным ростом смертности вследствие наркомании и ее последствий.

У женщин наркомания в 2020–2021 гг. выросла на 29,6 %, и эти негативные сдвиги усугубились 3 %-ным ростом суицидальной смертности. Интересно, что 14,7 %-ное снижение смертности от убийств и 2,2 %-ное – от алкоголизма и его последствий компенсировало негативные сдвиги насильственной смертности, что и привело к отсутствию каких бы то ни было изменений в этой группе в последний год исследования.

В целом же смертность российского населения 30–44 лет, обусловленная поведенческими факторами риска, выросла в период пандемии на 8,4 % и 5,9 % соответственно.

Что касается блока причин, обусловленных социальными рисками, то у мужчин неблагоприятным оказался первый, у женщин – второй год пандемии (рост на 3,4 % и 1,3 % соответственно), при этом темпы снижения показателей у мужчин – во второй, у женщин – в первый год пандемии опережали таковые в 2011–2019 гг. (4,4 % против 4 % и 6,2 % против 4 % соответственно).

У мужчин негативные сдвиги первого года формировались за счет всех 3 причин, позитивные в 2020–2021 гг. – только транспортными происшествиями (снижение на 6,6 %) на фоне стабилизации смертности от случайных падений и утоплений. В женской популяции позитивные сдвиги смертности первого года определялись только транспортными происшествиями (снижение на 9,7 %) на фоне 9,1 %-ного роста смертности от падений и стабилизации – от утоплений. На второй год рост смертности причин этой группы определялся 1,8 %-ным ростом смертности от транспортных происшествий, 12,5 %-ным – от утоплений, чего не смогло компенсировать 8,3 %-ное снижение смертности от случайных падений.

Тем не менее позитивные сдвиги в период пандемии отмечены и в мужской и в женской популяции (снижение на 1,1 % и 4,9 % соответственно).

В 3-ей группе – группе смешанных рисков – первый год пандемии оказался благополучным и у мужчин и у женщин (снижение на 9,8 % и 3,3 %), однако на второй год у мужчин отмечен резкий 11,8 %-ный рост показателей, у женщин продолжились сформировавшиеся ранее позитивные тренды (3,4 %-ное снижение).

При этом у мужчин позитивные тренды первого года определялись всеми причинами этого блока, у женщин – только 11,1 %-ным снижением смертности от случайных удушений на фоне стабилизации потерь от последствий пожаров и обморожений.

Интересно, что у женщин снижение смертности в этой группе на второй год пандемии также было обусловлено только одной причиной (потери от воздействий дыма, огня и пламени снизились на 14,3 %, смертность от остальных причин не изменилась), у мужчин же весьма существенно – на 12 % и 21,4 % соответственно – вы-

росла смертность от последствий пожаров и обморожений на фоне 2,6 %-ного снижения смертности от случайных удушений.

Вследствие подобных сдвигов потери от причин 3-ей группы в период пандемии выросли на 0,8 % в мужской и снизились на 6,7 % в женской популяции.

Оценивая распределение потерь от совокупных факторов риска в контексте отдельных факторов, укажем, что в мужской популяции, как и среди молодежи, значимость потерь, обусловленных поведенческими факторами риска, оказалась максимальной, социальными и смешанными факторами – минимальной (соответственно 74,2 %, 19 %, и 6,8 %) в течение всего периода исследования. В женской популяции эта закономерность строго не соблюдается, однако укажем, что вклад потерь, обусловленных поведенческими рисками, в 2021 г. составил 75,5 % против 73,3 % в 2019 г., социальными факторами – 18 % против 19,7 %, смешанными рисками – 6,5 % против 7,2 %.

Как и среди молодежи, у населения средних возрастов в течение всего периода исследования 1-е место с огромным отрывом занимали потери, обусловленные поведенческими факторами, 2-е – социальными факторами, 3-е место – потери, обусловленные смешанными рисками.

В заключение отметим, что, как и среди молодежи, у лиц 30–44 лет максимально негативно изменялась ситуация для причин, обусловленных поведенческими факторами риска: при максимальных уровнях и значимости показателей смертность от них выросла в период пандемии максимально на фоне снижения смертности от причин, обусловленных социальными факторами риска, а также причин, обусловленных смешанными рисками, в женской популяции и стагнации их у мужчин.

Динамика смертности населения старших трудоспособных возрастов (45–59 лет) в контексте факторов риска.

Как и следовало ожидать, на всем интервале трудоспособности наибольшие потери выявлены у лиц старших трудоспособных возрастов (45–59 лет), смертность которых, снижавшаяся в 2011–2019 гг. среднегодовыми темпами 2,2 % и 1,7 % соответственно, в 2019–2020 гг. выросла на 12,7 % у мужчин и 19,7 % у женщин, в 2020–2021 гг. – на 7,3 % и 17 % соответственно.

Таким образом, в период пандемии смертность 45–59-летнего населения России выросла на 20,9 % и 40 % соответственно.

Отметим, что потери, обусловленные поведенческими факторами риска, в 2011–2019 гг. стабильно снижались среднегодовыми темпами 2,6 % и в мужской и в женской популяции. Однако в первый год пандемии отмечен 7,2 %-ный рост смертности у лиц обоего пола, в 2020–2021 гг. сменившийся 2,9 %-ным снижением в мужской и 5 %-ным – в женской популяции.

Интересно, что в мужской популяции негативные сдвиги первого года пандемии не затронули насильственные причины (смертность от самоубийств снизилась на 0,5 %, убийств – на 5,2 %), рост смертности был обусловлен только алкоголизмом и наркоманией и их последствиями (8,9 %-ный и 2,2-кратный рост показателей). Позитивный сдвиг 2020–2021 гг. определялся 3 причинами, причем темпы снижения показателей превышали среднегодовые темпы предшествующего периода: так, смертность от самоубийств снизилась на 3,1 % против 2,5 %, от убийств – на 15,6 % против 4,6 %, от алкоголизма и его последствий – на 6,8 % против 2,4 %. На этом фоне отмечен почти 2-кратный рост смертности от алкоголизма и его последствий.

Потери трудоспособного населения России ...

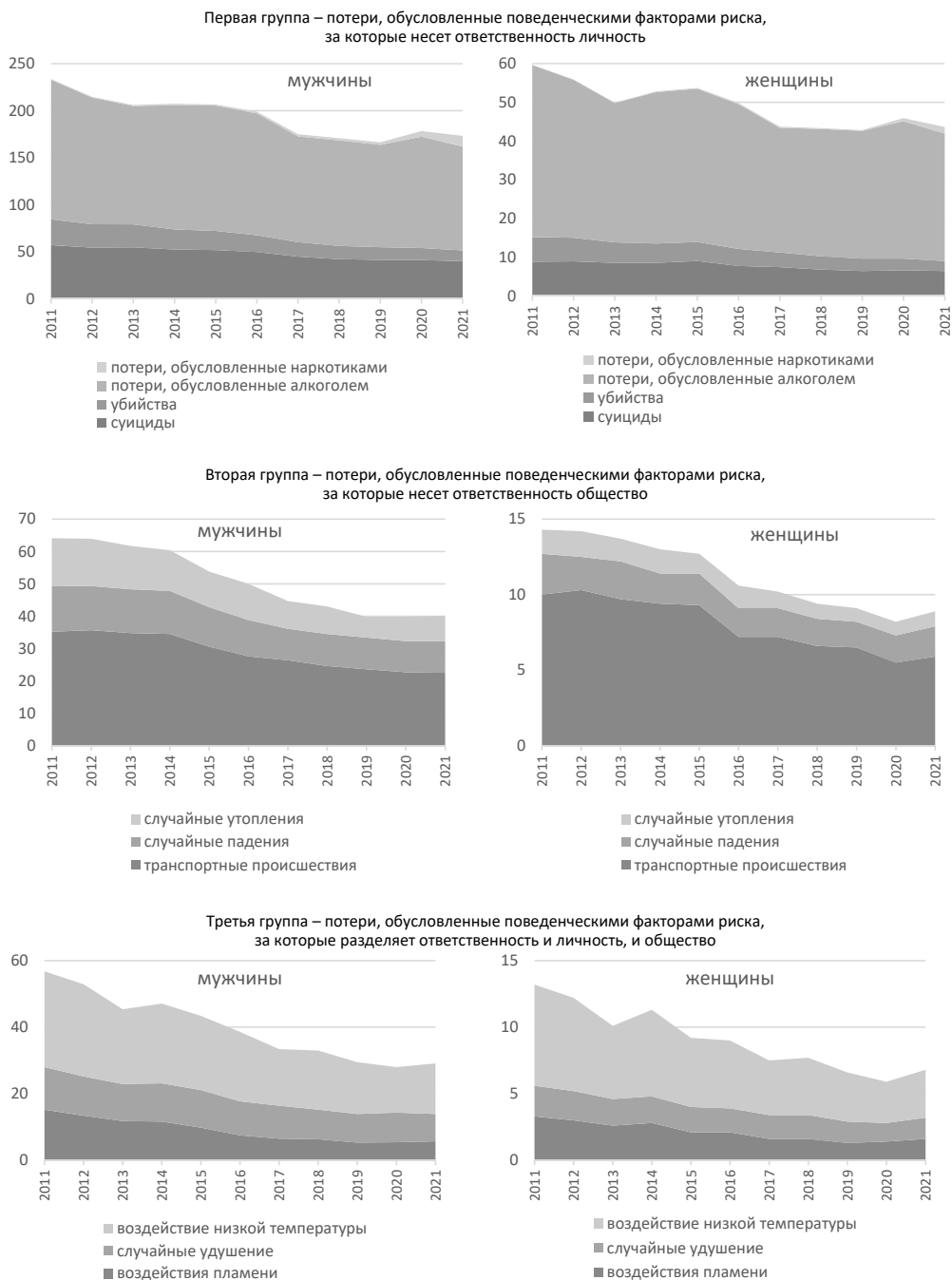

Рисунок 3. Динамика смертности населения 45–59 лет от причин, обусловленных факторами риска, в контексте ответственности на индивидуальном и социальном уровне, в 2011–2021 гг., на 100 тыс. соответствующего населения³

³ Источник: данные Росстата за 2011–2021 гг. о смертности населения трудоспособных возрастов

В женской популяции в первый год пандемии снизилась смертность только от убийств (на 6,3 %) на фоне роста показателей от остальных причин, причем смертность от наркомании и ее последствий выросла 4-кратно. На второй год, как и у мужчин, смертность от всех причин, кроме наркомании, снижалась темпами, превышающими таковые в предшествующий период (от суицидов – на 3 % против 2,5 %, от убийств – на 13,3 % против 4,5 %, от алкоголизма – на 7,3 % против 2,3 %) на фоне 2,1-кратного роста смертности от алкоголизма и его последствий.

Вследствие отмеченных сдвигов смертность от причин, обусловленных поведенческими факторами риска, в период пандемии выросла на 4,1 % у мужчин и 1,9 % у женщин.

Потери от причин, обусловленных социальными факторами, в 2011–2019 гг. снижались среднегодовыми темпами 3,4 % и 3,3 % соответственно. В первый год пандемии у мужчин показатели стабилизировались, у женщин продолжали снижаться темпами, 3-кратно превышающими таковые в предшествующий период (9,9 % против 3,3 %). На второй год пандемии рост смертности в этой группе причин отмечен и у мужчин и у женщин (на 0,8 % и 8,5 % соответственно).

Отметим, что в мужской популяции в первый год пандемии 17,2%-ный рост смертности от случайных утоплений полностью компенсировался 3,8 %-ным снижением смертности от транспортных происшествий и 2 %-ным – от случайных падений, в 2020–2021 гг. наблюдался 2,1 %- и 4 %-ный рост смертности от случайных падений и утоплений на фоне 0,9 %-ного снижения показателей от транспортных происшествий.

В женской популяции позитивные сдвиги первого года пандемии были обусловлены только 15,4 %-ным снижением транспортной смертности на фоне 5,9 %-ного роста показателей от случайных падений и стабилизации смертности от утоплений. Негативный сдвиг в этой группе причин в 2020–2021 гг. определялся всеми причинами (7,3 %-ный рост смертности от транспортных происшествий, 11,1 %-ный – от случайных падений и утоплений).

Вследствие этих сдвигов смертность от причин, определявшихся социальными факторами риска, в период пандемии у мужчин выросла на 0,8 %, у женщин – снизилась на 2,2 %.

Потери от причин 3-ей группы в первый год пандемии снижались и в мужской и в женской популяции 95,1 %- и 10,6 %-ное сокращение показателей, в 2020–2021 гг. наблюдался 3,9 %- и 15,3 %-ный рост смертности.

Отметим, что у мужчин снижение смертности в 2019–2020 гг. было обусловлено только 12,2 %-ным ее сокращением вследствие обморожений, у женщин – 16,2 %-ным снижением смертности от обморожений и 12,5 %-ным – от случайных механических удушений. Рост смертности от причин этой группы у женщин определялся всеми причинами, у мужчин – последствиями пожаров и обморожениями на фоне 7,9 %-ного снижения потерь от случайных удушений.

Следует отметить, что единственная причина из этого блока, смертность от которой в период пандемии последовательно росла, – это воздействие дыма, огня и пламени, причем темпы роста показателей ускорились (с 1,9 % до 5,6 % у мужчин, с 7,7 % до 14,3 % у женщин).

Вследствие подобной динамики потери от причин со смешанными рисками в период пандемии у мужчин снизились на 1,4 %, у женщин – выросли на 3 %.

Укажем, что совокупная смертность 45–59-летнего населения России, обусловленная всеми типами рисков, в первый год пандемии выросла на 4,5 % у мужчин и 2,6 % у женщин, в 2020–2021 гг. снизилась на 1,5 % и 1,2 % соответственно на фоне 3,1 %- и 3 %-ного среднегодового снижения показателей соответственно. Таким образом, в период пандемии искомый показатель вырос на 2,9 % в мужской и 1,4 % в женской популяции.

Крайне интересно, что и в мужской, и в женской популяции экстремальные значения в 2011–2021 гг. вкладов основных групп факторов риска отмечены в первый год пандемии: так, доля причин, обусловленных поведенческими факторами, в 2020 г. оказалась максимальной (72,5 % и 76,5 % соответственно), обусловленных социальными и смешанными факторами – минимальной (соответственно, 16,2 % и 11,4 % в мужской и 13,7 % и 9,8 % в женской популяции).

Можно констатировать, что и среди лиц старших трудоспособных возрастов максимально неблагоприятно ситуация развивалась для причин, потери от которых определялись поведенческими факторами риска.

Обсуждение

Первое, на что следует указать, обсуждая полученные результаты: в целом мы исходили из подхода, предложенного ранее и базирующегося на принципе разделения ответственности за потери здоровья на личность или общество (в настоящем исследовании – поведенческие или социальные факторы риска) [6; 7; 28; 29].

При этом первая группа причин – потери, за которые несет ответственность личность – была расширена за счет психосоматических патологий, вызванных употреблением психоактивных веществ (алкоголь и наркотики), что не должно вызывать вопросы, т.к. потери от этих причин являются закономерным и неизбежным последствием злоупотребления алкоголем и употребления наркотиков [30; 31; 32; 33; 34; 35; 36].

Вторая группа причин, ответственность за которые несет общество, была ограничена транспортными происшествиями, случайными падениями и утоплениями: в случае транспортных происшествий и случайных утоплений это очевидно, в случае случайных падений требует более развернутой аргументации: все случаи падений принципиально можно разделить на 2 кластера: это падения с высоты и падения на поверхности одного уровня, и, собственно, вопрос касается второго кластера: как правило, это падения, происшедшие дома и в основном с лицами старших возрастов. Однако, на наш взгляд, именно группа риска и определяет включение этих причин во вторую группу: ответственность за благополучие и безопасную среду обитания стариков должна лежать на обществе.

При этом в настоящем исследовании была введена третья группа, потери от которой, на наш взгляд, определяются в равной мере и личностью, и обществом (смешанные риски). В эту группу были включены воздействия дыма, огня и пламени, случайные механические удушения и воздействия чрезмерно низких температур. Чрезвычайно важно, что в основе этих инцидентов чаще всего лежит человеческий фактор: так, в первом случае это неосторожное обращение конкретной личностью с огнем или легковоспламеняющимися предметами дома или в общественных местах, во втором случае – несоблюдение конкретной личностью правил безопасности в неблагоприятной внешней среде (на морозе). Что касается случайных механических удушений, то при устрашающем названии в подавляющем большинстве случаев это

асфиксия вследствие вдыхания содержимого желудка (W78) и пищи, приводящее к закупорке дыхательных путей (W79), в чем трудно обвинить общество.

Особо подчеркнем, что все 3 инцидента в значительной мере реализуются на фоне алкогольного опьянения, что также входит в число поведенческих факторов риска.

Однако во всех 3 причинах эти инциденты (во всяком случае, существенная доля их) не привели бы к летальному исходу при слаженной и оперативной работе противопожарных служб, патрулирования улиц и служб скорой помощи, что, безусловно, входит в сферу ответственности общества.

При этом нельзя не обратить внимания на возрастной вектор распределения этих факторов риска, актуальный и в стабильный, и в кризисный периоды жизни общества: с возрастом резко увеличивается значимость потерь, обусловленных поведенческими факторами (при этом при переходе от молодых к средним возрастам – скачкообразно, от примерно половины до $\frac{3}{4}$ совокупных потерь, обусловленных всеми типами рисков) на фоне столь же скачкообразного снижения вклада потерь, обусловленных социальными факторами риска (примерно с 40 % до 20 %), и роста значимости потерь, обусловленных смешанными рисками (в этом случае резкое увеличение их вклада происходит при переходе от средних к старшим трудоспособным возрастам, когда их вклад практически удваивается).

Вследствие этого доля потерь, обусловленных смешанными факторами риска, у лиц 45–59 лет оказывается сопоставимой с вкладом потерь, ответственность за которые несет общество (в 2021 г. – 12 % против 16,5 % у мужчин и 11,5 % против 15 % у женщин).

Подчеркнем, что эта закономерность является актуальной и в мужской, и в женской популяции и в докризисный, и в кризисный периоды.

Обсуждая последствия кризиса, обусловленного пандемией COVID-19, отметим, что в докризисный период (2011–2019 гг.) смертность от всех причин, обусловленных факторами риска, стабильно снижалась. В период пандемии единственная группа причин, потери от которых выросли для всего трудоспособного населения России, независимо от пола и возраста, – это причины, обусловленные поведенческими факторами риска [37]. Особую тревогу вызывает тот факт, что этот рост искомых показателей в 2019–2021 гг. в первую очередь определялся наркоманией и ее последствиями, смертность от которых кратно выросла во всех половозрастных группах: даже такой традиционный для России фактор риска, как злоупотребление алкоголем, сколько-либо значимо затронул только 30–44-летних (рост смертности на 3,85 % в мужской и женской популяциях).

Таким образом, можно констатировать, что кризисный период, период пандемии, отчетливо выявил, обострил и вывел на первый план проблему наркомании в России, хотя бы оценочно обозначив ее масштабы.

Заключение

В заключение следует выделить несколько принципиальных обстоятельств.

Во-первых, в докризисный период сложились позитивные тренды вследствие снижения смертности от всей совокупности причин, обусловленных факторами риска.

Во-вторых, в период пандемии смертность вследствие всей совокупности причин, обусловленных факторами риска, выросла во всех половозрастных группах трудоспособного населения, причем наиболее высокие темпы негативных сдвигов отме-

ченые у 30–44-летних мужчин и 15–29-летних женщин (5,9 % и 3,1 % соответственно), и во всех половозрастных группах эти показатели были ниже темпов роста смертности в 2019–2021 гг. в соответствующих возрастах.

В-третьих, рост совокупной смертности от причин, обусловленных всеми факторами риска, определяется в первую очередь потерями вследствие поведенческих факторов риска. При этом основной причиной, за счет которой сформировались негативные тренды, является наркомания и ее последствия, потери от которых последовательно росли и в первый, и во второй год пандемии во всех половозрастных группах трудоспособного населения.

В-четвертых, принципиально новым для России явлением будут крайне незначительные негативные сдвиги смертности от алкоголизма и его последствий в кризисный период, затронувший только 30–44-летнее население.

В-пятых, кризис вследствие пандемии COVID-19 менее всего сказался на потерях, обусловленных социальными факторами: смертность от этих причин в 2019–2021 гг. снизилась во всех половозрастных группах, за исключением 45–59-летних мужчин, у которых наблюдалась стагнация показателей (рост смертности на 0,8 %). При этом у мужчин негативные сдвиги наблюдались в первый, у женщин – во второй год пандемии и компенсировались снижением показателей соответственно в 2020–2021 гг. и 2019–2020 гг. Позитивные тренды в этом блоке причин определялись снижением смертности от транспортных происшествий на фоне роста (или в лучшем случае стабилизации) смертности от случайных падений и утоплений.

В-шестых, учет и введение в отдельную группу потерь, ответственность за которые несет и личность, и общество, позволил выявить рост значимости этих причин с возрастом, достигающий максимума среди лиц старших трудоспособных возрастов, сопоставимого с вкладом причин, потери от которых определяются социальными факторами.

В-седьмых, основную нагрузку среди совокупности причин, обусловленных всеми факторами риска, несут потери вследствие поведенческих факторов риска, вклад которых с возрастом возрастал и в докризисный, и в кризисный периоды, приблизившись к $\frac{3}{4}$ и в мужской и в женской популяции.

Ссылки

1. Андреев Е. Плохо определенные и точно не установленные причины смерти в России // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 103–142.
2. Антонова О. И. Региональные особенности смертности населения России от внешних причин: дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007. 208 с.
3. Sensitivity Analysis of Excess Mortality due to the COVID-19 Pandemic / M. R. Nepomuceno, I. Klimkin, D. Jdanov, A. Alustriza-Galarza, V. Shkolnikov // Population and Development Review. 2022. № 48 (2). P. 279–302.
4. Olson R. M., García-Moreno C., Colombini M. The implementation and effectiveness of the one stop centre model for intimate partner and sexual violence in low- and middle-income countries: a systematic review of barriers and enablers // BMJ Glob Health. 2020. № 5 (3). P. e001883. DOI: 10.1136/bmjgh-2019-001883.
5. Drug Addiction Mortality Among Young Muscovites: Official Rates and Actual Scale / V. G. Semyonova et al. // Skiadas C. H., Skiadas C. et al. Quantitative Methods in Demography. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis. 2022. № 52. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-93005-9_19 (дата обращения: 10.11.2022).

6. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская [и др.]; отв. ред. С. В. Рязанцев; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «Перспектива», 2022. 108 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022.
7. Семенова В. Г., Вангородская С. А. Потери российской молодежи в контексте поведенческих факторов риска в 2000-е годы. // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, Вып. 2. С. 130–141.
8. Where Do People Live Longer in Russia in the 21st century? Life Expectancy across Urban and Rural areas / A. Shchur, V. Shkolnikov, S. Timonin, E. M. Andreev, D. Leon // Population and Development Review. 2021. № 4 (47). P. 1049–1074. DOI: 10.1111/padr.12437.
9. Declining autopsy rates and suicide misclassification: A cross-national analysis of 35 countries / N. D. Kapusta, U. S. Tran, I. R. H. Rockett, D. De Leo, C. P. Naylor, T. Niederkrotenthaler, M. Voracek, E. Etzersdorfer, G. Sonneck // Archives of General Psychiatry. 2011. № 68 (10). P. 1050–1057.
10. Смертность российских подростков от самоубийств / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова и др. М.: ЮНИСЕФ, 2011. 133 с.
11. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова, В. Г. Запорожченко, Е. В. Землянова, С. Ю. Никитина // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4 (32). С. 1–36. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang,ru/> (дата обращения: 16.11.2022).
12. Богоявленский Д. Д. Смертность от внешних причин в России // Демоскоп Weekly. 2010. № 29–30. С. 1–6. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/029/tema01.php> (дата обращения: 10.11.2022).
13. Кваша Е. А., Харькова Т. Л., Юмагузин В. В. Смертность от внешних причин в России за полвека // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 68–95.
14. Васин С. А. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах. // Демографическое обозрение. 2015. № 2 (1). С. 89–124. URL: https://demreview.hse.ru/data/2015/10/22/1079399391/DemRev_2_1_2015_89-124.pdf (дата обращения: 16.11.2022).
15. Кузьменков В. А. Криминальная аномия как социальная проблема. // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 96–105.
16. Effects of covid-19 pandemic on life expectancy and premature mortality in 2020: time series analysis in 37 countries / N. Islam, D. Jdanov, V. Shkolnikov, K. Khunti, I. Kawachi, M. White, S. Lewington, B. Lacey // The BMJ. 2021. № 375. P. 066768.
17. Excess deaths associated with covid-19 pandemic in 2020: age and sex disaggregated time series analysis in 29 high income countries / N. Islam, V. Shkolnikov, J. A. Rolando, I. Klimkin, I. Kawachi, R. A. Irizarry, G. Alicandro, K. Khunti, T. Yates, D. Jdanov, M. White, S. Lewington, B. Lacey // The BMJ. 2021. № 373. P. 1137.
18. Razvodovsky Y. E. Estimation of alcohol attributable fraction of mortality in Russia // Adicciones. 2012. № 24. P. 247–52.
19. Немцов А. В. Алкогольная история России. Новейший период. М.: URSS, 2009. 320 с.
20. Разводовский Ю. Е., Немцов А. В. Алкогольная составляющая снижения смертности в России после 2003 г. // Вопросы наркологии. 2016. № 3. С. 63–70.
21. Chronic pain management among people who use drugs: A health policy challenge in the context of the opioid crisis / L. Dassieu, J.-L. Kaboré, M. Choinière, N. Arruda, E. Roy // Int J Drug Policy. 2019. № 71. P. 150–156. DOI: 10.1016/j.drugpo.2019.03.023.
22. Haines M., O'Byrne P. Harm Reduction Services in Ottawa: The Culture of Drug Use // Res Theory Nurs Pract. 2020. № 34 (2). P. 188–202. DOI: 10.1891/RTNP-D-19-00086.

23. Rockett I. R., Kapusta N. D., Bhandari R. Suicide misclassification in an international context: revisitation and update // *Suicidology Online*. 2011. № 2. P. 48–61.
24. Rossow I., Mäkelä P. Public Health Thinking Around Alcohol-Related Harm: Why Does Per Capita Consumption Matter? // *J Stud Alcohol Drugs*. 2021. № 82 (1). P. 9–17. DOI: 10.15288/jsad.2021.82.9.
25. Amin A., Kismödi E., García-Moreno C. Addressing violence against women in health policies // *The Palgrave international handbook of healthcare policy and governance*. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 597–614.
26. A method for reclassifying cause of death in cases categorized as «event of undetermined intent» / E. M. Andreev, V. M. Shkolnikov, W. A. Pridemore, S. Yu. Nikitina // *Population Health metrics*. 2015. № 13. P. 1–25. DOI:10.1186/s12963-015-0048-y.
27. Suicide or undetermined intent? A register-based study of signs of misclassification / C. Bjorkenstam, L.-A. Jahansson, P. Nordstrom, I. Thiblin, A. Fugelstad, J. Hallqvist, R. Ljung // *Population Health Metrics*. 2014. № 12. P. 1–11. DOI: 10.1186/1478-7954-12-11.
28. Потери российской молодежи от внешних причин и факторы, их определяющие / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, Г. Н. Евдоушкина, В. Г. Запороженко // *Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]*. 2019. № 65 (6). С. 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1117/30/lang.ru/> (дата обращения: 16.11.2022).
29. Excess mortality in Russia and its regions compared to high income countries: An analysis of monthly series of 2020 / S. Timonin, I. Klimkin, V. Shkolnikov, E. M. Andreev, M. McKee, D. A. Leon // *SSM - Population Health*. 2022. № 17. С. 101006. DOI: 10.1016/j.ssmph.2021.101006.
30. Первый год пандемии: социальный отклик в контексте причин смерти / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, Г. Н. Евдоушкина, В. Г. Запороженко // *Здравоохранение РФ*. 2022. № 66 (2). С. 93–100.
31. Потери российского населения от внешних причин и специфика их учета / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, А. В. Зубко, В. Г. Запороженко, Н. С. Гаврилова, Г. Н. Евдоушкина, И. О. Чижилова // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2021. Т. 67 (2). С. 7. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-2-7.
32. Травмы и отравления в контексте концепции множественных причин смерти на примере мегаполиса / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, А. В. Зубко, В. Г. Запороженко, Г. Н. Евдоушкина // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2021. № 67 (3). С. 8. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-3-8.
33. Юмагузин В. В., Винник М. В. Проблемы статистического учета смертности от внешних причин в России // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2017. № 5. С. 265–269.
34. Юмагузин В. В., Винник М. В. Оценка реального уровня убийств и самоубийств в регионах России // *Социологические исследования*. 2019. № 1. С. 116–126.
35. Alcohol and cause-specific mortality in Russia: a retrospective case-control study of 48,557 adult deaths / D. Zaridze, P. Brennan, J. Boreham, A. Boroda, R. Karpov, A. Lazarev, I. Konobeevskaya, V. Igitov, T. Terechova, P. Boffetta, R. Peto // *Lancet*. 2009. № 373. P. 2201–14. DOI: 10.1016/S0140-6736(09)61034-5.
36. Alcohol and mortality in Russia: prospective observational study of 151 000 adults / D. Zaridze, S. Lewington, A. Boroda, G. Scélo, R. Karpov, A. Lazarev, I. Konobeevskaya, V. Igitov, T. Terechova // *Lancet*. 2014. № 383. P. 1465–73. DOI: 10.1016/S0140-6736(13)62247-3.
37. Russian Mortality Crisis and the Quality of Vital Statistics / N. S. Gavrilova, V. G. Semyonova, E. Dubrovina et al. // *Popul Res Policy Rev*. 2008. № 27. P. 551–574. DOI: 10.1007/s11113-008-9085-6.

"Like Behind a Stone Wall": Involved Fatherhood in the Context of Maternal Self-Realization Opportunities

I. A. Simonova¹, A. V. Shvetsova¹, M. S. Krivoshchekova¹

¹Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, 620017, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-102-113

Research article
Full text in Russian

Involved Fatherhood is in the focus of researchers' attention because of the background of a general changes in the structure of gender roles in the modern Russian family, however, a number of blind spots remain in the study of this problem. Thus, it is relevant to analyze the mutual influence of involved fatherhood and mothers' practices, including how the father's activity changes the mother's trajectories and well-being. The presented study aims to analyze the involved fatherhood as a factor that positively affects the social opportunities of a woman in the first years of motherhood. The research methodology is based on the theory of the social construction of gender, the social topology of P. Bourdieu, the concept of non-maternal practices of mothers (sustainable social practices of a woman that are determined by the complex situation of caring for young children, but are not directly related to caring for them). Based on the analysis of 720 accounts of young mothers in social networks, 230 statements of mothers on thematic forums, and 10 in-depth interviews (5 married couples, men in which are actively involved in the child care process), it was found that fatherhood is an important factor in the implementation of non-maternity practices, including that have an economic effect and a transitive potential for a woman. This and the orientation of a woman to preserving her subjectivity through the implementation of non-maternal practices creates some conditions (financial, timing, functional) for greater inclusion of fathers in the processes of care and upbringing. The main motive for the involvement of men is the orientation towards the interests of the child and the subjective experiences of the fatherhood. However, the effect of support is highly appreciated by mothers as a factor determining the expansion of women's social opportunities, their material and psychological well-being.

Keywords: fatherhood; involved fatherhood; motherhood; gender studies; modern parenthood; non-maternal practices

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Simonova, Irina A. | E-mail: luboe05@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-2794-1009
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

Shvetsova, Anastasia V. | E-mail: shvetsovaav@mail.ru
(correspondence author) | Cand. Sc. (Sociology)

Krivoshchekova, Marina S. | E-mail: kmsolimp@mail.ru
Cand. Sc. (Pedagogics), Associate Professor

Funding: Russian Science Foundation (project No. 22-28-00636).

For citation: Simonova I. A., Shvetsova A. V., Krivoshchekova M. S. "Like Behind a Stone Wal": Involved Fatherhood in the Context of Maternal Self-Realization Opportunities// Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 102-113. (in Russ.)

© Yaroslavl State University, 2023

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

«Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации

И. А. Симонова¹, А. В. Швецова¹, М. С. Кривошекова¹

¹Уральский государственный педагогический университет, пр. Космонавтов, 26, Екатеринбург, 620017, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-102-113
УДК 316.346.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Вовлеченное отцовство оказывается в фокусе внимания исследователей на фоне общего изменения структуры гендерных ролей в современном российской семье, однако в исследовании этой проблемы сохраняются слепые зоны. Актуальным является анализ взаимного влияния вовлеченного отцовства и практик матерей, в том числе то, как активность отца меняет траектории и самочувствие матери. Цель представленного исследования – анализ вовлеченного отцовства как фактора, положительно влияющего на социальные возможности молодых матерей. Методологию исследования составляют теория социального конструирования гендера, социальная топология, оригинальная концепция «нематеринских» практик матерей. На основании анализа 720 аккаунтов молодых матерей в социальных сетях, 230 высказываний матерей на тематических форумах, и 10 глубинных интервью (5 семейных пар, мужчины в которых активно включены в воспитательный процесс) установлено, что отцовство выступает важным фактором реализации нематеринских практик, в том числе имеющих экономический эффект и транзитивный потенциал для женщины. При этом и ориентация женщины на сохранение своей субъектности через реализацию нематеринских практик создает условия (финансовые, временные, функциональные) для включения отцов в процессы ухода и воспитания. Основным мотивом вовлечения мужчин является ориентация на интересы ребенка и субъективные переживания опыта отцовства. Однако эффект поддержки получает высокую оценку матерей как фактора, определяющего расширение социальных возможностей женщин, их материального и психологического благополучия.

Ключевые слова: отцовство; включенное отцовство; материнство; гендерные исследования; современное родительство; нематеринские практики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонова, Ирина Александровна | E-mail: luboe05@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-3379-1959
Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник

Швецова, Анастасия Владимировна | E-mail: shvetsovaav@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Кривошекова, Марина Сергеевна | E-mail: kmsolimp@mail.ru
Кандидат педагогических наук, доцент

Финансирование: Российский научный фонд (грант № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск»).

Для цитирования: Симонова И. А., Швецова А. В., Кривошекова М. С. «Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 102-113.

Введение

Вовлеченное отцовство представляет собой один из аспектов современного родительства, который отражает тенденцию усиления включенности отцов в процесс воспитания, в том числе увеличения совокупного времени, проводимого с детьми для решения детских вопросов, расширения спектра практик (бытовых, образовательных, воспитательных, развивающих, рекреационных, направленных на заботу о здоровье), а также стремления повышать собственную родительскую компетентность. Вовлеченное отцовство признается исследователями маркером трансформации гендерной системы и рассматривается на контрасте с традиционным отцовством, для которого характерна по большей части экономическая составляющая [1; 2], разбавленная элементами развлекательной и дисциплинарной функции. Можно выделить ряд актуальных исследований, посвященных новым нормам отцовства, в которых описываются значительные привилегии детей вовлеченных отцов по сравнению с детьми, воспитываемыми в рамках традиционной семейной модели. В частности, речь идет о развитии когнитивных навыков [3], языковых способностей [4], лучших показателях здоровья [5], психической устойчивости [6]. Также появились исследования, посвященные получению отцами удовольствия от воспитательного процесса и самоэффективности мужчины-отца [7; 8], развитию депрессии у мужчин, принимающих на себя роль отца-домохозяина [9]. При этом современная наука почти не располагает информацией о том, как вовлеченное отцовство влияет на социальное самочувствие матери ребенка, в какой степени оно отражает ее потребности и определяет жизненные траектории. Также недостаточно исследованным остается влияние нематеринских практик матерей на интенсивность вовлеченного отцовства.

Для решения интересующего нас вопроса обратимся к феномену вовлеченного отцовства в разрезе тех действий и состояний, которые способствуют нематеринским практикам молодых матерей, позволяя им находить баланс между стремлением быть «достаточно хорошей матерью» в рамках актуальной нормативной модели и потребностями – социальными, экономическими, психологическими – как субъекта социальных отношений. Это определяет цель статьи – исследовать вовлеченное отцовство как фактор, который положительно влияет на социальные возможности женщины в первые годы материнства.

Новизна данной работы заключается в попытке осмыслить те эффекты вовлеченного отцовства, которые традиционно не учитываются при анализе трансформаций родительства. Для этого обратимся к методологии социального конструирования гендера, взяв за основу вариативность и изменчивость ролевых моделей мужчин и женщин. Кроме того, мы ориентируемся на бурдьевистскую оптику [10; 11], чтобы показать, что возможность успешной самореализации молодой матери на различных полях социального взаимодействия определена доступными для нее ресурсами, в том числе уровнем образования, психологической готовностью и временем, которым она располагает. Наконец, используем собственные наработки [12; 13], позволяющие идентифицировать и обосновать виды активностей молодых матерей, не связанные напрямую с выполнением родительских обязанностей и ритуалов заботы о ребенке. В частности, обратимся к концепту

«нематеринские практики матерей», который следует понимать как устойчивые виды активностей женщины, реализуемые ею в широком диапазоне сфер общественной жизни, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми раннего возраста и соответствующими изменениями ее хронотопа, коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к заботе о ее ребенке.

Предложенная методология дает возможность научно обоснованной дискуссии о взаимном влиянии тенденций вовлеченного отцовства и материнской субъектности; позволяет осуществить поворот к анализу жизненного мира женщин, который до этого оставался в тени исследований триады «мать – ребенок – отец», и сконцентрироваться на целом комплексе проблем, практическое решение которых невозможно без целенаправленного анализа реальной картины в сфере организации женщинами и мужчинами своего опыта родительства. Для верификации предложенного концептуального аппарата мы выполнили ряд эмпирических шагов. Во-первых, осуществлен анализ 720 принадлежащих молодым матерям аккаунтов в социальных сетях; во-вторых, была собрана и систематизирована база из 230 высказываний матерей на тематических форумах, ресурсах и в сообществах в интернете. Это позволило определить тематическое поле современного материнского сообщества и увидеть, какие виды экономической и социальной активности в нем реализуются. Выявление обширного репертуара материнских практик высветило тот факт, что их массовое существование и развитие было бы невозможно без серьезных изменений в структурах отцовства, притом эти изменения касаются не только системы отношений «отец – ребенок», но и в значительной степени матери ребенка. Чтобы уточнить свои предположения, мы провели 10 глубинных интервью (5 семейных пар, мужчины в которых активно включены в воспитательный процесс). Наиболее характерные высказывания из данных интервью приведены в статье в качестве иллюстрации.

Вовлеченное отцовство и нормативное материнство – конфликт идеологий

Вовлеченное отцовство – крайне сложный для осмысления феномен современных социальных отношений, потому что, во-первых, представляется непростой задачей отделить его от «невовлеченного» или «недостаточно вовлеченного», а во-вторых, понять, какие практики можно встретить в единичных экземплярах, а какие должны рассматриваться в качестве индикаторов новых форм отцовства и реструктуризации маскулинности. Также стоит учитывать, что активное участие мужчин в воспитании детей и уходе за ними не является чем-то новым, характерным только для нынешнего поколения родителей: безусловно, «кормящие папы» были и раньше, но массовый характер это явление, судя по всему, в нашей стране обретает только сейчас.

Современные исследователи придерживаются единого подхода в определении понятия «вовлеченное отцовство», подразумевая под ним непосредственный интерес мужчины к воспитанию своих детей, участие в их жизни, ответственность и заботу. Профессор Елена Рождественская считает, что существует ряд факторов, вли-

яющих на объем и качество присутствия отца в детской жизни, называя среди них внутренние установки, внешние структурные процессы, обусловленные индустриализацией, а также позицию матери детей, которая может как вовлекать мужчину в процессы воспитания и ухода, так и ограничить его участие ролью «кормильца». Также она отмечает, что рост активного отцовства сопровождается увеличением числа семей, где отец полностью отсутствует [2]. Косвенное подтверждение этого мы обнаруживаем и в материалах наших интервью:

У меня четверо детей, старшая абсолютно взрослый, самостоятельный человек, я получаю удовольствие от того, что вижу, как она сама уже принимает решения, берет на себя ответственность. Мне приятно знать, что я научил ее этому, но сейчас она уже действует сама. Но и с маленькими тоже очень важно проводить время, даже еще важнее. Важно установить контакт, от объема общения все зависит. Среди моих знакомых большинство таких отцов, но это, наверное, среда такая. Или может, я сам себя такими людьми окружаю, похожими на меня. Знаю, конечно, что очень много тех, кто не участвует в жизни своих детей или даже контр участвует... то есть как бы есть, но лучше бы не было (м., 42, 4 детей).

Для меня это норма, что муж проводит много времени с детьми. Вернее, не так мы проводим много времени вместе. Но когда я вижу, что в других семьях это не так, что мамы сидят дома сутками, без работы и без денег, а значит, без прав, а папа если не на работе, то «отдыхает» – мне очень горько за таких женщин становится. Но это их выбор, и пока есть женщины, которые рожают таким мужчинам, – ничего не изменится (ж., 37, 2 детей).

Исследователи отмечают, что отцы и матери становятся все более похожими с точки зрения их ролей, типов поведения, которыми они пользуются в общении с детьми, и количества времени, которое они проводят с детьми, так что теряются основания для отдельных концептов родительского поведения отцов и матерей [14]. Вместе с тем российские ученые настаивают на существенном противоречии образов «настоящего мужчины», характерного для гегемонной маскулинности, и «хорошего отца» в понимании современных принципов и требований к воспитанию [15]. Согласно теории гендерных схем, демонстрация мужчиной сильной эмоциональной привязанности по отношению к кому-либо, в том числе к собственным детям, в традиционных обществах воспринимается как несоответствие норме анти-женственности. Это остается существенным барьером в развитии культуры вовлеченного отцовства и реализации индивидуальных стратегий поведения внутри семьи.

Включенное отцовство входит в некоторое идеологическое противоречие и с традиционной моделью материнского поведения, которое предполагает отказ от привычных профессиональных и досуговых практик в пользу активностей, связанных с уходом за ребенком и его воспитанием. Так, например, языковые исследования обнаруживают смысловую наполненность понятия «материнство» такими единицами, как забота, любовь, самоотверженность, жертвенность, ответственность [16; 17]. Можно отметить, что содержательно понятия «мать» и «женщина» в нашем языке зачатую проявляют себя как синонимы, что указывает на неотъемлемость материнства как основной функции женщины. Фактически норматив-

ная гендерная идентичность женщин в нашем обществе связана с материнством, это закреплено в языковой картине мира россиян.

Таким образом, можно увидеть устойчивое социальное ожидание: российская женщина обязана жертвовать всем (карьерой, личными интересами, хобби) ради заботы о ребенке, поскольку это ее предназначение. При этом следует учитывать, что то, как в каждом конкретном случае наполняется для женщины понятие материнства, связано с постоянным «самонаблюдением» матери, т. е. оценением себя по отношению к другим и к декларируемым требованиям, которые несколько запутаны: «нормальная» материнская забота четко не определена, но ожидается [18]. Ориентируясь на воспроизводство ожидаемой от женщины нормативной модели, она нередко берет на себя базовый комплекс практик заботы, отказываясь при этом от ряда привычных социальных практик, в том числе обязанностей, связанных с заработком. Фактически в этом случае происходит отчуждение мужчины от практик заботы: с одной стороны, женщина уже выполняет основные задачи, для мужчины в этом секторе не находится регулярных обязанностей, а с другой – на него также ложатся обязательства, традиционно ассоциируемые с ролью мужчины – обеспечение экономической стабильности. Он в этом случае несет увеличенную нагрузку, связанную с поддержанием необходимого экономического уровня семьи. Это означает, что для реализации модели вовлеченного отцовства (в совокупности тех ключевых признаков, которыми оно обычно описывается) он вынужден будет испытывать большую нагрузку, и наряду с повышенной нагрузкой по поддержке финансового положения семьи ему придется жертвовать своим личным временем. Такая избыточная нагрузка кажется не вполне уместной, если женщина уже выполняет задачи заботы о ребенке.

Таким образом, можно заключить, что возможности для реализации модели включенного отцовства диктуются не только общими информационными контекстами и желанием отца больше включаться в процессы ухода за малышами. Большую роль играет тандем отцовской модели с моделью, воспроизводимой матерью: в отношениях взаимопредопределения отцовское и материнское поведение предполагают нахождение баланса распределения функций, где выполнение определенных групп функций одним родителем высвобождает время другого, но которое другой, в свою очередь, использует для выполнения других функций. Также такая командная работа положительно влияет на отношения партнеров в семье. Отсутствие же баланса с отклонениями в обе стороны приводит к конфликтам и даже к распаду семьи [19].

Попытка разрешить это противоречие состоит в обосновании типологических особенностей отцовства, разграничении различных его проявлений и определении соответствующих ему типов материнства. Одна из наиболее удачных классификаций отцовства включает следующие его вариации:

- Традиционный кормилец – ориентирован на рождение детей, предоставление материальных ресурсов и защиту семьи; при этом отцовство нерефлексивно, оно воспринимается как дополнительная деятельность в разрезе полоспецифического разделения труда с естественно понимаемыми различиями между мужчиной

и женщиной. Не стремится к ответственности, совместным играм и разговорам с детьми, общим событиям и переживаниям.

- Модерный кормилец, который наряду с классическими функциями обеспечения и защиты строит тесные отношения с детьми; основная ответственность за уход за детьми и их воспитание, равно как и домашний труд, лежит на жене. Его отличает попытка индивидуального пересмотра роли отца.

- Целостный, комплексный отец, взаимозаменяемый с матерью. Для него отцовство приобретает черты важного «проекта» в жизни, ценность ребенка эмоционально обоснована. Характеризуется интенсивным присутствием, предметной ответственностью и занятостью в повседневности ребенка и семьи в целом. Эгалитарный отец делит обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей с партнершей пополам, его сопровождает партнерша, равно участвующая в пополнении семейного бюджета.

- Отсутствующий отец – модель, возникающая вследствие отклонения заботы о последующем поколении [2].

Можно также дополнить данную типологию еще одним типом «Отец – основной родитель», где мужчина выполняет максимум функций, связанных с заботой о ребенке, а мать в меньшей степени участвует в воспитании или полностью уклоняется от выполнения родительских функций.

Опираясь на предложенную типологию, можно сформулировать и соответствующие ей типы материнства, выделенные по критерию баланса вовлеченности матери относительно отца в практики родительства:

- Традиционная мать – ориентирована на полный спектр задач по заботе о детях, стремится к ответственности, совместным играм и разговорам с детьми, общим событиям и переживаниям. Не ожидает от мужчины помощи в этих вопросах или имеет минимальные притязания. Не предъявляет партнеру таких требований.

- Модерная мать – несет ответственность за уход за детьми и их воспитание, равно как и домашний труд. Делегирует партнеру лишь отдельные функции, связанные с уходом и воспитанием в небольшом объеме.

- Активная мать-партнер. Мать характеризуется равной ответственностью и занятостью в повседневности ребенка и семьи в целом и делит обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей с мужем. Участвует в пополнении семейного бюджета, решении бытовых проблем.

- Моно-мать – полностью или практически полностью выполняет как все задачи по заботе о ребенке, так и функции содержания семьи, бытовое ее обеспечение. Отец при этом игнорирует всякие обязанности или вообще отсутствует.

- Отсутствующая мать – преимущественно или полностью игнорирует выполнение функций по заботе о ребенке. Либо полностью отвергает обязанности ухода и воспитания, либо выполняет их в минимальном объеме, а в это время работает или занимается реализацией каких-либо личных потребностей.

Можно отметить, что степень вовлеченности одного из родителей в значительной степени регулирует возможности другого родителя как в части возможностей для включения другого в практики ухода, так и в его возможностях для реализации в других сферах жизни (карьера, учеба, хобби, коммуникации и др.). Для женщин

это означает, что наряду с практиками заботы вовлеченное отцовство дает ей возможность реализовывать нематеринские практики, а мужчина получает меньшую нагрузку экономического характера. Также возможность сохранения личного времени позволяет женщине справиться с проблемами психологического характера, что положительно сказывается на качестве жизни семьи:

Муж сразу много заботился о ребенке, подстраховывал меня. Я за время декрета прошла переподготовку, провела 2 прибыльных проекта. Из отпуска благодаря этому сразу вышла на новую работу с хорошей зарплатой и не сошла вообще с ума за эти пару лет! Я этим всем очень ему обязана, потому что он брал и сейчас берет много на себя. И ему не пришлось пахать за двоих, и для ребенка он отец, а не какой-то дядя незнакомый. Кажется, что это всех устраивает (ж., 38 лет, 1 ребенок).

«Нематеринские» практики: потенциал насыщения семейного тандема

Изменение ритма жизни, структуры социального пространства и схем взаимодействия становится значимым новообразованием в жизни современной женщины в связи с рождением ребенка. Ограничение свободы действий во времени и пространстве также означает профессиональную паузу и в определенном смысле утрату субъектности, поскольку многие роли и действия становятся для нее временно недоступными. В традиционных обществах основной сферой женской активности была организация быта, и рождение детей не вносило особых изменений в этот уклад. Но для современных женщин, особенно жительниц мегаполисов, достигших определенных образовательных и карьерных результатов, эта ситуация сложна, что фиксируют многочисленные исследования, посвященные состоянию постродовой депрессии [20; 21; 22]. Это формирует условия для развития практик самореализации женщин, не связанных напрямую с выполнением их материнских функций, которые традиционно преобладают в структуре времени женщин, имеющих детей дошкольного возраста, особенно до достижения ими трех лет.

Для исследования таких практик в научный дискурс нами было введено понятие «нематеринские практики материнства». В зависимости от предполагаемого контекста использования и целей высказывания мы предлагаем два взаимодополняющих определения данного феномена. Первое основано на социологическом видении причин и следствий нематеринских активностей и сформулировано как «совокупность действий женщин в период декретного отпуска, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей и возникающих вследствие отмены привычного ритма жизни». Второе определяет данные практики как «устойчивые виды активностей женщины, реализуемые ею в широком диапазоне сфер общественной жизни, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми раннего возраста и соответствующими изменениями ее хронотопа, коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к заботе о ее ребенке». Во втором случае за основу берется утверждение о смене социального времени-пространства женщины, включающего не только и не столько коренные изменения ритмов жизни и физических локаций, но и смену конституирующих и властных дискурсов, ценностных и этических установок.

Проведенное авторами исследование позволило выполнить построение теоретического проекта классификации нематеринских практик матерей. На основании анализа аккаунтов молодых матерей в социальных сетях (N=720) мы разработали классификацию онлайн-практик, направленных на получение экономического эффекта. В основе классификации лежит принцип доминирующей агентности – реальной или виртуальной, на основании чего были выделены две группы. Особенностью первой группы является выбор практик, направленных на создание продукта или оказание услуг в непосредственном взаимодействии с потребителем. Социальная сеть выступает как способ продвижения товара или услуги. Как правило, аккаунт представляет собой информационную поддержку существующему делу, профессии, увлечению. К первой группе относятся следующие виды активностей: производство продуктов питания, изготовление одежды, парикмахерские и косметологические услуги, образование и творчество. Вторая группа сосредоточена на непосредственном использовании цифровой среды как экономического ресурса (блоггерство, онлайн-консультации, сетевой маркетинг). Большинство практик основаны на стремлении женщин к общению, к самореализации и заработку, что объяснимо с точки зрения гендерного анализа и экономических реалий.

На основании анализа высказываний женщин удалось выделить такие критерии для типологизации практик, как:

1. Сфера реализации: в какой области деятельности лежит данная практика.
2. Наличие экономического эффекта и его востребованность.
3. Социальная организация практики: коллективная / индивидуальная, в семье / с внешними партнерами / с друзьями.
4. Психологическая функция практики: развлечение / снятие стресса / самореализация.
5. Устойчивость практики во времени: продолжается / не продолжается.
6. Наличие транзитивного эффекта (изменения карьерной стратегии, социального окружения и пр.).

Проведенный анализ показал, что многие виды практик имеют высокий потенциал монетизации. Спрос на услуги и продукцию, производимую в рамках практик, формируется раньше, чем женщина осознает предложение. Имея возможность уделять определенное время реализации «нематеринской» практики, женщина постепенно выходит на реализацию производимых ею товаров или услуг. Было выявлено, что мотивация женщин чаще психологическая, чем финансовая. Однако открывающаяся возможность зарабатывать высоко ценится женщинами и способствует улучшению их социально-психологического самочувствия. Кроме того, заработок положительно влияет как на текущее положение семьи в материальном плане, так и на «постдекретную» историю многих матерей: некоторые из них меняют сферу профессиональной деятельности именно благодаря активностям, которые начали практиковать в процессе ухода за ребенком. Было установлено также, что благодаря своим активностям женщины обрастают социальным капиталом, становятся более субъектными как граждане и горожане.

Отметим, что женщины много учатся: они прибегают как к формальным, так и к неформальным образовательным практикам. Важно, что степень выражен-

ности нематеринских практик, согласно мнению женщин, связана с фактором мужской включенности. Женщины отмечают даже, что некоторые начинания поначалу не были поддержаны, но позднее мужья замечали их перспективность и начинали поддерживать жен, освобождая для них больше времени. Понятно, что подобные ситуации не всегда приводили к увеличению интенсивности отцовства, однако нельзя отрицать, что перераспределение функций стимулировало отцовские практики, что позволяет сделать заключение о том, что нематеринские практики матерей создают благоприятные условия для реализации модели вовлеченного отцовства, но не гарантируют его. При этом наличие вовлеченного отца выделяется как важнейший фактор для реализации нематеринских практик.

Мы полагаем, что причиной асимметрии является как ориентация вовлеченных отцов прежде всего на субъективные переживания, связанные с опытом общения с ребенком, акцентом на любовь к нему и чувство ответственности, так и общая недооценка потенциала нематеринских практик для экономической и коммуникативной характеристик состояния семьи:

Они же потом вырастут – и мы им не нужны будем уже со своей заботой. Моя жена постоянно об этом говорит. А сейчас для меня важно видеть, как они растут, учатся говорить, ходить, читать... На велосипеде покататься, на санках вот зимой – нам весело вместе. Я просто счастлив от этого (м., 36, 2 детей).

У меня двое детей от разных браков, но я не могу сказать, что люблю их одинаково. Со старшим я почти не проводил время, я к нему так не привязан, как к младшему. Я стараюсь учесть и исправить те ошибки, которые делал в воспитании старшего. Больше времени и сил уделяю сейчас ребенку, стараюсь лучшую школу для него обеспечить, путешествия, развивашки всякие. Я от этого получаю моральное удовлетворение... Среди моих друзей таких пап большинство. Многие очень активно занимаются детьми, причем с рождения. Например, мама врач и дежурит – там без вариантов, папа все делает – и моет, и готовит. Хотя, конечно, много и таких, которых дети не интересуют в принципе. Даже вот я по-разному себя веду с детьми (м., 39, 2 детей).

Любишь потому что ребенка, хочешь чтобы он был самый лучший, вот и занимаешься. Интересно с ним... У жены остается больше времени, да. Но это какая-то такая история, неважная. Не для этого же это делаешь (м., 37, 1 ребенок).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что вовлеченное отцовство выступает важным фактором для реализации нематеринских практик, в том числе имеющих экономический эффект и транзитивный потенциал для женщины. Вместе с тем и ориентация женщины на сохранение своей субъектности через реализацию нематеринских практик создает некоторые условия, в том числе и финансовые, для большего включения отцов в процессы ухода и воспитания. Тот факт, что основным мотивом вовлечения мужчин является ориентация на эмоции, получаемые в процессе общения, а также на ответственность за ребенка, и вместе с тем высокая оценка матерями возможностей, которые дает ей это включение, предположительно связан с общим отсутствием данных о потенциале нематеринских практик матерей, сла-

бая распространенность представлений о ценности последних для семьи и ситуации в обществе в целом. Также достаточно сдержанная оценка таких практик в общественном дискурсе связана с отсутствием понимания связей, присутствующих между условиями для мужчин, создаваемых женщинами, и складыванием порядков профессиональной и «отцовской» жизни мужчин. Необходимо дальнейшее исследование феномена вовлеченного отцовства в контексте репертуара и схем/опыта реализации матерями нематеринских практик в период ухода за детьми раннего возраста.

Ссылки

1. Чернова Ж. В. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Том 10. № 15. С. 6–23. DOI: 10.19181/inter.2018.15.1
2. Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676
3. Baker C. E. Father-son relationships in ethnically diverse families: Links to boys' cognitive and social emotional development in preschool // Journal of Child and Family Studies. 2017. Vol. 26. № 8. P. 2335–2345. DOI: 10.1007/s10826-017-0743-3
4. Conica M., Nixon E., Quigley J. Fathers' but not mothers' repetition of children's utterances at age two is associated with child vocabulary at age four // Journal of Experimental Child Psychology. 2020. Vol. 191. P. 104738. DOI: 10.1016/j.jecp.2019.104738
5. Development and validation of a father involvement in health measure / C. F. Garfield, S. D. Fisher, D. Barretto, J. Rutsohn, A. Isacco // Psychology of Men & Masculinities. 2019. Vol. 20. № 1. P. 148–160. DOI: 10.1037/men0000144
6. Allgood S. M., Beckert T. E., Peterson C. The Role of Father Involvement in the Perceived Psychological Well-Being of Young Adult Daughters: A Retrospective Study // North American Journal of Psychology. 2012. Vol. 14. № 1. P. 95–110.
7. Aytuglu A., Brown G. L. Pleasure in parenting as a mediator between fathers' attachment representations and paternal sensitivity // Journal of Family Psychology. 2022. Vol. 36. № 3. P. 427–437. DOI: 10.1037/fam0000905
8. Donithen R., Schoppe-Sullivan S. Correlates and predictors of parenting self-efficacy in new fathers // Journal of Family Psychology. 2022. Vol. 36. № 3. P. 396–405. DOI: 10.1037/fam0000910
9. Stay-at-home fathers, depression, and help-seeking: A consensual qualitative research study / W. Caperton, M. Butler, D. Kaiser, J. Connelly, S. Knox // Psychology of Men & Masculinities. 2020. Vol. 21. № 2. P. 235–250. DOI: 10.1037/men0000223
10. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алтейя, 2007. С. 64–87.
11. Азаренко С. А. Социальная топология в современном общественном сознании // Социальная философия и опыт современного общественнознания: к 40-летию философского факультета. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. С. 55–72.
12. Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска / А. В. Швецова, И. А. Симонова, А. Г. Оболенская, М. С. Кривошекова // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 4. С. 12–36. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-12-36

13. Швецова А. В., Кривощёкова М. С. Сценарии нематеринских практик молодых российских матерей // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2S. С. 96–104. DOI: 10.19181/nko.2022.28.2S.8. EDN PTFZYI
14. Should Researchers Conceptualize Differently the Dimensions of Parenting for Fathers and Mothers? / J. Fagan, R. Day, M. E. Lamb, N. J. Cabrera // J Fam Theory Rev. 2014. № 6. P. 390–405. DOI: 10.1111/jftr.12044
15. Барсуков В. Н., Калачикова О. Н. Предпосылки и ограничения трансформации современного института отцовства // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 1. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.44
16. Багринцева О. Б., Досимова М. С. Фразеологическая объективация концептов «женщина» и «мать» // Гуманитарные исследования. 2020. № 1. С. 32–37. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-73-1-032-037
17. Борисенко Т. В. Концепты «мать» и «отец» в русской и англоязычной лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. Том 437. № 3. С. 47–55. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10306
18. Miller T. «Is this what motherhood is all about?»: Weaving experiences and discourse through transition to first-time motherhood // Gender and Society. 2007. Vol. 21. № 3. P. 337–358. DOI:10.1177/0891243207300561
19. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 116–127. DOI: 10.31857/S013216250013020-5
20. Bipolar disorder, affective psychosis, and schizophrenia in pregnancy and the post-partum period / I. Jones, P. S. Chandra, P. Dazzan, L. M. Howard // Lancet. 2014. Vol. 384. P. 1789–1799. DOI: 10.1016/S0140-6736(14)61278-2
21. Dickens M. J, Pawluski J. L. The HPA Axis During the Perinatal Period: Implications for Perinatal Depression // Endocrinology. 2018. Vol. 159. № 11. P. 3737–3746. DOI: 10.1210/ru.2018-00677
22. Consequences of maternal postpartum depression: A systematic review of maternal and infant outcomes / J. Slomian, G. Honvo, P. Emonts, J. Y. Reginster, O. Bruyère // Women’s Health. 2019. Vol. 15. DOI: 10.1177/1745506519844044

Semantic features of the lexico-semantic group "Fishes" in Russian (in comparison with Czech)

A. A. Talitskaya¹, P. S. Berezina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-114-125

Research article
Full text in Russian

The article presents comparative characteristics of the semantic features of the lexico-semantic groups «Fishes» in Russian and Czech. It demonstrates there is the archiseme 'fish' in the lexico-semantic group «Fishes» in Russian, which can be represented directly or by the hidden form. The archiseme 'fish' in Czech is also represented both directly and indirectly. The component analysis of lexemes allowed to identify the differential semes that complement the archiseme and can be combined into groups of classification (parametric) characteristics. The lexico-semantic group «Fishes» describes 9 such characteristics: proximity of origin, geographical habitat, body parts, scope of use, lifestyle features, habitat, colour, size, nutrition. In the lexico-semantic group «Fishes» differential semes are combined into 11 parametric characteristics: proximity of origin, body parts, lifestyle features, geographical habitat, scope of use, habitat, shape, size, nutrition, flavour, colour. The body of fish and its individual parts, in turn, are complemented by differential semes according to various characteristics: shape, colour, size, touch, etc. The article draws conclusions about the specifics of the description of the meaning of lexemes that are included in the lexico-semantic groups «Fishes» in Russian and Czech.

Keywords: lexico-semantic group; Russian; Czech; fishes; comparative method; semantic

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Talitskaya, Anna A.	E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
Berezina, Polina S.	E-mail: pberezina2001@gmail.com Graduate

For citation: Talitskaya A. A., Berezina P. S. Semantic features of the lexico-semantic group "Fishes" in Russian (in comparison with Czech) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 114-125. (in Russ.)

Семантические особенности лексико-семантической группы «Рыбы» в русском языке (в сопоставлении с чешским языком)

А. А. Талицкая¹, П. С. Березина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-114-125
УДК 811.16

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье дается сопоставительная характеристика семантических особенностей лексико-семантических групп «Рыбы» в русском языке и «Ryby» в чешском языке. Показано, что в русском языке архисемой ЛСГ является сема 'рыба', представленная в прямом или скрытом виде. В чешском языке архисема 'guba' также представлена как в прямом, так и в скрытом виде. В процессе компонентного анализа лексем выделены дифференциальные семы, которые дополняют архисему и объединяются в классификационные (параметрические) признаки. В ЛСГ «Рыбы» описывается 9 таких признаков: близость происхождения, географическое место обитания, части тела, сфера использования, особенности образа жизни, место обитания, окрас, размер, питание. В ЛСГ «Ryby» дифференциальные семы объединяются в 11 параметрических признаков: přibuznost, části těla, vlastnosti životního stylu, geografické stanoviště, oblast použití, stanoviště, formulář, velikost, jídlo, hmat, barva. Выявлено, что тело рыбы и его отдельные части, в свою очередь, дополняются дифференциальными семами по различным признакам: форма, цвет, размер, осязание и т. д. В статье делаются выводы о специфике описания значения лексем лексико-семантических групп «Рыбы» и «Ryby» в русском и чешском языках.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа; русский язык; чешский язык; рыбы; сопоставительный метод; семантика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Талицкая, Анна Александровна | E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
общей и прикладной филологии

Березина, Полина Сергеевна | E-mail: pberezina2001@gmail.com
Студент факультета филологии и коммуникации

Для цитирования: Талицкая А. А., Березина П. С. Семантические особенности лексико-семантической группы «Рыбы» в русском языке (в сопоставлении с чешским языком) // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 114-125.

В настоящее время можно наблюдать устойчивое возрастание интереса лингвистов к проблемам сопоставительного изучения языков, что связано с рядом причин. В современной лингвистике все более явно выходят на передний план лингвокультурные и когнитивные исследования: в науке сохраняется необходимость как описания национально-культурной специфики языковых систем, так и совершенствования двуязычных словарей с целью отражения национально-специфических черт семантики переводных соответствий [1].

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Сопоставительный метод (называемый также сравнительно-сопоставительным, контрастивным, конфронтационным, методом системно-функционального сопоставления) представляет собой систему исследовательских принципов, приемов, направленных на углубленное познание системно-функциональных закономерностей сопоставляемых языков (как родственных, так и неродственных) с целью выявления в них – на фоне сходных (общих) черт – отличительных свойств и признаков [2]. Славянские языки, являясь родственными, обладают большим количеством общих черт, однако все же между ними существуют и явные различия, а потому их сопоставительное изучение представляет большой интерес для научного сообщества.

Характерной особенностью соотношения лексического состава родственных языков друг с другом, например, может являться большое число включаемых в одну лексико-семантическую группу тождественных лексем, которые, однако, могут быть наделены разными семами или разными наборами сем [3]. Рассматривая соотношение лексем в русском и чешском языках, Й. Влчек выделил следующие возможные соотношения: тождество лексем при потенциальном тождестве сем (*писать* – *psat* совпадают по значению «писать письмо», но не совпадают по значению «писать картину», что невозможно для чешского); тождество лексем при различии семем (*жизнь* – *život*, но *живот* – *břicho*; *биограф* – *životopisec*, но *biograf* – *кинотеатр*; *позор* – *hanba*, но *pozor* – *внимание*); потенциальное тождество семем при постепенном расхождении лексем (*молодь* – *tloucí*, *полоть* – *plít*, *переворот* – *převrat*, *пророческий* – *prorocký*) [4].

Настоящая статья посвящена сопоставительному исследованию лексико-семантических групп «Рыбы» и «Рyбу» в русском и чешском языках. Для проведения исследования методом сплошной выборки были отобраны 124 лексические единицы из Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [5] и 84 лексические единицы из «Slovníku spisovného jazyka českého» [6].

Компонентный анализ лексических значений слов, входящих в лексико-семантическую группы «Рыбы» в русском языке, позволил выявить общие и отличительные признаки рыб, знакомых представителям русской культуры, и выявить семантические особенности ЛСГ «Рыбы» в русском языке. В лексико-семантической группе «Рыбы» была выделена одна интегральная сема 'рыба', представленная в «прямом» ('рыба') или «скрытом» ('рыбка') виде. В «прямом» виде она представлена в 123 лексемах (*акула*, *анчоус*, *барракуда*, *белоглазка*, *белорыбица*, *белуга*, *бельдюга*, *бычок*, *вобла*, *голавль*, *голец*, *голомянка*, *гольян*, *горбуша*, *горбыль* и др.), в скрытом виде архисема представлена в лексеме *сардина*.

Анализ показал, что к интегральной семе добавляется набор дифференциальных сем, которые определяют специфику ЛСГ «Рыбы» и могут быть объединены в классификационные (параметрические) признаки. Нами было выделено 9 таких признаков.

1. Близость происхождения (42). Этот признак реализуется с помощью сем 'семейство', 'отряд', 'род', 'разновидность' и наборов сем, указывающих на конкретный вариант.

Сему 'семейство' содержат 79 единиц лексико-семантической группы «Рыбы»: *белоглазка*, *белорыбица*, *белуга*, *вобла*, *голавль*, *голец*, *гольян*, *горбуша*, *горчак*, *густера*, *елец*, *ёрш*, *жерех*, *иваси*, *калуга*, *камса*, *карась*, *кета*, *кижуч*, *килька*, *красноперка*, *кумжа*, *кутум*, *ленок*, *лец*, *лινь*, *лобан*, *лоцман*, *минтай*, *мойва*, *муksун*, *навага*, *налим*, *нельма*, *носарь*, *остронос*, *палия*, *пескарь*, *пикша*, *плотва*, *подуст*, *пуголовка*, *пузанок*, *путассу*,

радужник, рыбец, ряпушка, сазан, сайда, сайка, сайра, салака, сарган, сардина, севрюга, сёмга, сиг, синец, снеток, стерлядь, судак, султанка, сырок, таймень, тарань, толстолобик, тунец, усач, форель, хариус, хек, чавыча, чернобровка, черноспинка, чехонь, чир, шемая, шип, язь.

Эта сема дополняется следующим набором дифференциальных сем:

- ‘карповые’ (25) – *белоглазка, вобла, голавль, гольян, горчак, густера, елец, жерех, карась, краснопёрка, кутум, лец, линь, пескарь, плотва, подуст, рыбец, сазан, синец, тарань, толстолобик, усач, чернобровка, шемая, язь;*

- ‘лососёвые’ (18) – *белорыбица, голец, горбуша, кета, кижуч, кумжа, ленок, муксун, нельма, паляя, ряпушка, сёмга, сиг, сырок, таймень, форель, хариус, чавыча;*

- ‘тресковые’ (8) – *минтай, навага, налим, пикиша, путассу, сайда, сайка, хек;*

- ‘сельдевые’ (7) – *иваси, камса, килька, пузанок, салака, сардина, черноспинка;*

- ‘осетровые’ (5) – *белуга, калуга, севрюга, стерлядь, шип;*

- ‘окуневые’ (3) – *ёрш, носарь, судак;*

- ‘кефалей’ (2) – *лобан, остронос;*

- ‘корюшек’ (2) – *мойва, снеток;*

- ‘окунеобразные’ (1) – *султанка;*

- ‘сигов’ (1) – *чир;*

- ‘ставридовые’ (1) – *лоцман;*

- ‘бычковые’ (1) – *пуголовка;*

- ‘губановые’ (1) – *радужник;*

- ‘макрелещуковые’ (1) – *сайра;*

- ‘саргановые’ (1) – *сарган;*

- ‘скумбриевые’ (1) – *тунец.*

Сему ‘отряд’ содержат 15 единиц лексико-семантической группы «Рыбы»: *анчоус, барракуда, бельдюга, бычок, голомянка, горбыль, ёж-рыба, звездочёт, зеленушка, зубатка, меч-рыба, палтус, прилипала, ставрида, щука.*

Эту сему характеризует следующий набор дифференциальных сем:

- ‘окунеобразные’ (9) – *бельдюга, бычок, голомянка, звездочёт, зеленушка, зубатка, меч-рыба, прилипала, ставрида;*

- ‘сельдеобразные’ (1) – *анчоус;*

- ‘кефалеобразные’ (1) – *барракуда;*

- ‘окуневые’ (1) – *горбыль;*

- ‘иглобрюхообразные’ (1) – *ёж-рыба;*

- ‘камбалаобразные’ (1) – *палтус;*

- ‘лососеобразные’ (1) – *щука;*

- ‘подотряд скатов’ (1) – *пила-рыба.*

Сему ‘род’ содержат 4 единицы лексико-семантической группы «Рыбы»: *калуга, нерка, омуль, пелядь.*

Эта сема дополняется следующим набором дифференциальных сем:

- ‘сигов’ (2) – *омуль, пелядь;*

- ‘тихоокеанских лососей’ (1) – *нерка;*

- ‘белуги’ (1) – *калуга.*

Сему ‘разновидность’ содержат две единицы лексико-семантической группы «Рыбы»: *синец, тарань.*

Эта сема характеризуется следующим набором дифференциальных сем:

- ‘леща’ (1) – *синец;*

- ‘плотвы’ (1) – *тарань.*

Кроме того, признак близости происхождения реализуется с помощью следующих дифференциальных сем:

- ‘подкласса акулообразных’ (1) – *скат*;
- ‘лещ’ (1) – *подлещик*;
- ‘голец’ (1) – *подкаменщик*;
- ‘ёрш’ (1) – *носарь*;
- ‘напоминающая сига’ (1) – *муксун*;
- ‘щука’ (1) – *барракуда*;
- ‘близкая к лещу’ (1) – *белоглазка*;
- ‘сходная с язём’ (1) – *подъязок*;
- ‘макрель’ (1) – *скумбрия*;
- ‘барабулька’ (1) – *султанка*;
- ‘пелядь’ (1) – *сырок*;
- ‘порода золотых рыбок’ (1) – *телескоп*;
- ‘панцирная’ (1) – *терпуг*.

2. Географическое место обитания (41). Этот признак репрезентируется следующими семами:

- ‘в Каспийском море’ (3) – *вобла, кутум, пуголовка*;
- ‘в бассейне Чёрного моря’ (3) – *густера, шема, шип*;
- ‘в бассейне Каспийского моря’ (3) – *густера, шема, шип*;
- ‘в реках Сибири’ (3) – *муксун, сырок, таймень*;
- ‘северная’ (2) – *сайда, сиг*;
- ‘дальневосточная’ (2) – *иваси, калуга*;
- ‘в бассейне Азовского моря’ (2) – *густера, шема*;
- ‘в бассейне Аральского моря’ (2) – *шема, шип*;
- ‘в озёрах Сибири’ (2) – *муксун, сырок*;
- ‘арктическая’ (1) – *сайка*;
- ‘тихоокеанская’ (1) – *сайра*;
- ‘в тропических морях’ (1) – *акула*;
- ‘в дальневосточных морях’ (1) – *акула*;
- ‘в водах умеренных широт’ (1) – *анчоус*;
- ‘в водах тропических широт’ (1) – *анчоус*;
- ‘в Чёрном море’ (1) – *пуголовка*;
- ‘в Азовском море’ (1) – *пуголовка*;
- ‘в Японском море’ (1) – *терпуг*;
- ‘в Охотском море’ (1) – *терпуг*;
- ‘Беринговом море’ (1) – *терпуг*;
- ‘в Тихом океане’ (1) – *терпуг*;
- ‘в северных морях’ (1) – *голец*;
- ‘северных морей’ (1) – *треска*;
- ‘в реках Южной Америки’ (1) – *гуппи*;
- ‘в реках и озерах Европы’ (1) – *густера*;
- ‘в бассейне Балтийского моря’ (1) – *густера*;
- ‘Азовского и Каспийского морей’ (1) – *густера*;
- ‘в европейской части России’ (1) – *кумжа*;
- ‘в озёрах Сахалина’ (1) – *таймень*;
- ‘северных рек и морей’ (1) – *нельма*;
- ‘донской’ (1) – *носарь*;

- ‘в бассейне Северного Ледовитого океана’ (1) – *омуль*;
- ‘в бассейне рек Северного Ледовитого океана’ (1) – *пелядь*;
- ‘в озере Байкал’ (1) – *омуль*;
- ‘в реках и озерах европейского Севера’ (1) – *пелядь*;
- ‘в бассейне Европы и Азии’ (1) – *сазан*;
- ‘в водах Атлантического океана’ (1) – *сарган*;
- ‘в северных частях Атлантического океана’ (1) – *сельдь*;
- ‘в северных частях Тихого океана’ (1) – *сельдь*;
- ‘в тёплых морях’ (1) – *тунец*;
- ‘горных речках, ручьях и озёрах’ (1) – *форель*.

3. Части тела (14). Этот признак реализуется с помощью следующих сем:

- ‘с телом’ (16) – *акула, скумбрия, ёж-рыба, кефаль, песчанка щука, линь, луна-рыба, лещ, скат, пузанок, сом, налим, угорь, черноспинка, белорыбица*;
- ‘с плавниками’ (8) – *бельдюга, линь, карась, окунь, краснопёрка, колюшка, ёрш, пескарь*;
- ‘с головой’ (6) – *молот-рыба, голавль, пугловка, щука, подкаменищик, прилипала*;
- ‘с брюшком’ (3) – *пузанок, белорыбица, колюшка*;
- ‘с глазами’ (3) – *звездочёт, камбала, телескоп*;
- ‘с чешуёй’ (2) – *каarp, налим*;
- ‘с зубами’ (2) – *зубатка, щука*;
- ‘с пастью’ (2) – *акула, щука*;
- ‘с мясом’ (2) – *лосось, сёмга*;
- ‘с хвостом’ (1) – *скат*;
- ‘с кожей’ (1) – *налим*;
- ‘с челюстью’ (1) – *меч-рыба*;
- ‘имеющая рыло’ (1) – *меч-рыба*;
- ‘с несколькими парами усов’ (1) – *сом*.

4. Сфера использования (9). Этот признак репрезентируется следующими семами:

- ‘промысловая’ (64) – *акула, анчоус, белорыбица, белуга, бельдюга, вобла, горбуша, горбыль, густера, елец, жерех, зубатка, иваси, камбала, камса, кета, кефаль, кижуч, килька, корюшка, кумжа, кутум, лобан, лосось, минтай, мойва, навага, нельма, осётр, остронос, палтус, пелядь, пикши, подуст, пузанок, путассу, рыбец, ряпушка, сазан, сайда, сайра, салака, сардина, сардинелла, сеvрюга, сельдь, сёмга, сиг, скумбрия, снеток, сом, ставрида, стерлядь, судак, султанка, тарань, треска, тунец, хек, чавыча, чехонь, чир, шемая, шип*;
- ‘ценная’ (13) – *белорыбица, белуга, кижуч, кумжа, кутум, нельма, осётр, остронос, палтус, сеvрюга, сёмга, судак, чир*;
- ‘разводится в аквариумах’ (1) – *гуппи*;
- ‘залом’ (1) – *черноспинка*;
- ‘обладающая хорошими вкусовыми качествами’ (1) – *рыбец*;
- ‘употребляется в пищу в солёном и вяленом виде’ (1) – *тарань*;
- ‘ценны мясом и икрой’ (1) – *осётр*;
- ‘с мясом высокого класса’ (1) – *стерлядь*;
- ‘с нежным мясом’ (1) – *лосось*.

5. Особенности образа жизни (9). Этот признак реализуется с помощью следующих сем:

- ‘стайная’ (1) – *чехонь*;
- ‘живородящая’ (1) – *голомянка*;

- ‘откладывающая икру в полость двустворчатых моллюсков’ (1) – *горчак*;
- ‘сопровождающая корабли и крупных рыб’ (1) – *лоцман*;
- ‘зарывающаяся в песок’ (1) – *песчанка*;
- ‘живущая под камнями’ (1) – *подкаменщик*;
- ‘прикрепляющаяся к рыбам и днищам кораблей’ (1) – *прилипала*;
- ‘заходит в реки для метания икры’ (1) – *омуль*;
- ‘живёт в толще воды’ (1) – *чехонь*.

6. Место обитания (7). Этот признак реализуется через набор следующих сем:

• ‘морская’ (34) – *акула, анчоус, барракуда, бычок, горбуша, горбыль, ёж-рыба, звездочёт, зубатка, камбала, камса, кета, кефаль, лосось, лоцман, луна-рыба, меч-рыба, молот-рыба, навага, остронос, палтус, песчанка, пила-рыба, путассу, сайда, сарган, сардина, сельдь, скат, скумбрия, ставрида, султанка, терпуг, хек*;

• ‘пресноводная’ (23) – *голавль, голец, гольян, гуппи, густера, ёрш, карась, карп, лещ, линь, муксун, налим, носарь, окунь, плотва, подкаменщик, ряпушка, сазан, сиг, сом, хариус, щука, язь*;

- ‘речная’ / ‘в реках’ (6) – *вобла, елец, пескарь, подлещик, подуст, усач*;
- ‘озёрная’ (3) – *паля, пескарь, снеток*;
- ‘аквариумная’ (2) – *скалярия, телескоп*;
- ‘озёрно-речная’ (1) – *чир*;
- ‘океаническая’ (1) – *сардинелла*.

7. Окрас (7). Этот признак реализуется следующими семами:

- ‘с поперечными темными полосками’ (2) – *окунь, скалярия*;
- ‘красивой окраски’ (1) – *гуппи*;
- ‘отличающаяся ярко-зелёной’ (1) – *зеленушка*;
- ‘с рядами красных и синих пятнышек’ (1) – *зеленушка*;
- ‘зеленовато-жёлтой окраски’ (1) – *окунь*;
- ‘с золотистыми полосами по бокам’ (1) – *остронос*;
- ‘с радужной окраской’ (1) – *радужник*.

8. Размер (6). Этот признак реализуется с помощью следующего набора сем:

• ‘небольшая’ (18) – *бычок, вобла, голец, голомянка, гольян, густера, елец, звездочёт, иваси, корюшка, песчанка, плотва, пуголовка, сайка, сардина, сельдь, скумбрия, форель*;

• ‘крупная’ (14) – *акула, белуга, ёж-рыба, калуга, кумжа, луна-рыба, осётр, пикша, пила-рыба, скат, сом, стерлядь, треска, тунец*;

• ‘мелкая’ (11) – *анчоус, ёрш, камса, килька, колюшка, мойва, пескарь, ряпушка, салака, снеток, султанка*;

- ‘некрупная’ (1) – *подуст*;
- ‘небольших размеров’ (1) – *подлещик*;
- ‘маленькая’ (1) – *гуппи*.

9. Питание (1).

• ‘хищная’ (11) – *акула, барракуда, жерех, звездочёт, налим, пила-рыба, скат, сом, таймень, тунец, щука*.

Набольший же интерес для исследования представило выделение в лексико-семантической группе особых подгрупп лексем, в которых слова объединены общей для них дифференциальной семой. Она же, в свою очередь, дополнительно уточняется указывающими на признак семами. Так, тело рыбы и его отдельные части могут получать дополнительную характеристику и уточняться набором параметрических признаков.

Тело (14) рыбы характеризуется пятнадцатью семами по следующим признакам: форма, цвет и осязание. Кроме того, дифференциальная сема ‘с телом’ также

характеризуется не включенной ни в один признак семой 'с лишенным чешуи'. Голова (8) как часть тела рыбы характеризуется семью признаками по следующим параметрам: форма, размер и осязание. Кроме того, дифференциальная сема 'с головой' также характеризуется не включенной ни в один признак семой 'имеющая присоску на голове'.

Такая часть тела рыбы, как плавники (6), характеризуется шестью семами по признаку формы, цвета и осязания. Сема 'с брюшком' (3) характеризуется тремя семами по следующим параметрам: размер, цвет и осязание. Глаза (3) получают дополнительную характеристику с помощью трех сем по признаку места расположения и формы. Чешуя (3) характеризуется тремя семами по признаку наличия, цвета и размера. Семы 'с хвостом' (2), 'с рылом' (2), 'с челюстью' (2) характеризуются с помощью двух сем каждая по параметрам размера и формы.

Такая часть тела рыбы, как зубы (2), характеризуется двумя семами по признаку размера и осязания. Пасть (1) характеризуется по размеру с помощью семы 'большая' (2) (*акула, щука*). Кожа (1) характеризуется по цвету с помощью семы 'пятнистая' (1) (*налим*). Усы (1) характеризуются по количеству с помощью семы 'с несколькими парами' (1) (*сом*). Мясо (2) характеризуется по цвету с помощью сем 'розоватый' (1) (*лосось*) и 'розовато-оранжевый' (1) (*сёмга*).

В рамках компонентного анализа ЛСГ «Рyбу» в чешском языке также была выделена архисема 'ryba', представленная в «прямом» ('ryba') виде в 82 лексемах (*bahník, bolen, bršík, candát, cejn, cejnek, cichlida, cípal, d'as, drsek, hadohlavec, havýš, hlavatka, hořavka, jazyk, jehla* и др.) и в «скрытом» виде в лексеме *žralok* (акула) как 'paryba' (хрящевая рыба) и в лексеме *sardel* (сардина) как 'rybka' (рыбка).

Дифференциальные семы ЛСГ «Рyбу» в чешском языке объединяются в 11 параметрических признаков.

1. Příbuznost (близость происхождения) (24). Этот признак реализуется с помощью сем 'příbuzná' (родственная), 'podobná' (подобная), 'příbuzenstva' (семейства) и наборов сем, указывающих на конкретный вариант.

Сему 'příbuzná' содержит 12 единиц лексико-семантической группы «Рyбу»: *cichlida, drsek, jelec, karas, podoustev, hlavatka, koruska, muréna, nosen, plachetník, vyza, rejnok*. Эта сема характеризуется следующим набором дифференциальных сем:

- 'kapru' (карпу) (2) – *jelec, karas*;
- 'okounu' (окуню) (2) – *cichlida, drsek*;
- 'lososu' (лососю) (2) – *hlavatka, koruska*;
- 'cejnu' (лещу) (1) – *podoustev*;
- 'úhoři' (угрю) (1) – *muréna*;
- 'pstruhu' (форели) (1) – *nosen*;
- 'mečounu' (меч-рыбе) (1) – *plachetník*;
- 'žraloku' (акуле) (1) – *rejnok*;
- 'jeseteru' (осетру) (1) – *vyza*.

Сему 'podobná' содержит 6 единиц лексико-семантической группы «Рyбу»: *cejnek, bršík, okounek, lín, lysec, šupináč*.

Эта сема характеризуется следующим набором дифференциальных сем:

- 'kapru' (карпу) (3) – *lín, lysec, šupináč*;
- 'candátu' (судаку) (1) – *bršík*;
- 'okounu' (окуню) (1) – *okounek*;
- 'cejnu' (лещу) (1) – *cejnek*.

Сему 'přibuzenstva' содержат 7 единиц лексико-семантической группы «Рыбу»: *kambala, hadohlavec, pstruh, slunečnice, palamida, placka, sumeček*.

Эта сема характеризуется следующим набором дифференциальных сем:

- 'rájovce' (райских) (1) – *hadohlavec*;
- 'lososa' (лососевых) (1) – *pstruh*;
- 'platýse' (камбалаобразных) (1) – *kambala*;
- 'okouna' (окуневых) (1) – *slunečnice*;
- 'tuňáka' (тунцовых) (1) – *palamida*;
- 'sled'ů' (сельдевых) (1) – *placka*;
- 'z sumce' (сомовых) (1) – *sumeček*.

Кроме того, признак близости происхождения реализуется с помощью следующих сем:

- 'kaprovitá' (карпообразная) (4) – *bolen, parma, plotice, podoustev*;
- 'lososovitá' (лососеобразная) (4) – *lipan, maréna, síh, síven*;
- 'z čeledi rejnoků' (семейства скатовых) (1) – *trnucha*;
- 'sledovitá' (сельдеобразная) (1) – *sardel*.

2. Části těla (части тела) (19). Этот признак реализуется с помощью следующего набора сем:

• 's tělem' (с телом) (13) – *cejn, piskoř, úhoř, drsek, havýš, jazyk, měsíčník, mník, muréna, parma, plotice, rejnok, sardel*;

- 's šupinami' (с чешуёй) (7) – *cejn, jelec, lín, lysec, maréna, okoun, šupináč*;
- 's hřbetní ploutví' (со спинным плавником) (3) – *lipan, okoun, plachetník*;
- 's čelistmi' (с челюстями) (4) – *jehlice, štika, piloun, zobonos*;
- 's hlavou' (с головой) (2) – *nosen, nosoun*;
- 's ústy' (со ртом) (2) – *jeseter, žralok*;
- 's vousky' (с усам) (4) – *lín, parma, parmice, sumec*;
- 's zuby' (с зубами) (4) – *ploskozubec, zubatec, vlkouš, žralok*;
- 's ploutvemi' (с плавниками) (2) – *ostnatec, perlín*;
- 's prsními ploutvemi' (с грудными плавниками) (2) – *ostrucha, perutýn*;
- 's trnem' (с шипом) (2) – *trnucha, ropušnice*;
- 's okrajem úst' (с краем рта) (1) – *ostroretka*;
- 's ocasní částí' (с хвостовой частью) (1) – *měsíčník*;
- 'laloko ploutvá' (с подгрудными плавниками) (1) – *latimérie*;
- 's pysky' (с губами) (1) – *pyskoun*;
- 's rohem' (с рогом на голове) (1) – *nosoun*;
- 's očima' (с глазами) (1) – *platýs*;
- 's boky' (с боками) (1) – *jehla*;
- 's klounem' (с носовой частью) – *mečoun*.

3. Vlastnosti životního stylu (особенности образа жизни) (12). Этот признак реализуется следующим набором сем:

- 'žijící přídňe' (обитающие на дне) (2) – *parma, sumec*;
- 'jejíž samička snáší kladélkem vajíčka do škeblí' (самка которой откладывает икру в моллюсков) (1) – *hořavka*;
- 'schopná nápadného nadmutí těla' (способная заметно надувать тело) (1) – *ježík*;
- 'schopná krátkého letu pomocí velký chřprsňích ploutví' (способная к короткому полету с помощью больших грудных плавников) (1) – *letoun*;
- 'kt. se může pohybovat po souši' (способная перемещаться по суше) (1) – *lezoun*;

• ‘provázející velké rybu a lodi’ (сопровождающая крупную рыбу и корабли) (1) – *lodivod*;

- ‘hadovitých pohybů’ (передвигающаяся подобно змее) (1) – *mník*;
- ‘pohybující se po jednom боку’ (двигающаяся на одном боку) (1) – *platýs*;
- ‘dvojdyšná’ (двоякодышащая) (1) – *bahník*;
- ‘vylučující sliz’ (выделяющая слизь) (1) – *slimule*;

• ‘lovící hmyz vystřikováním vodních kapek z úst’ (ловит насекомых, разбрызгивая капли воды изо рта) (1) – *stříkoun*;

- ‘žijící vobrovských hejnech’ (живущая огромными косяками) (1) – *treska*.

4. Geografické stanoviště (географическое место обитания) (10). Этот признак реализуется следующим набором сем:

- ‘severoamerická’ (североамериканская) (3) – *kostlín, okounek, slunečnice*;
- ‘jihoamerická’ (южноамериканская) (2) – *cichlida, piraña*;
- ‘indická’ (индийская) (2) – *hadohlavec, lezoun*;
- ‘žijící v dunajské oblasti’ (обитающая в водах Дуная) (1) – *drsek*;
- ‘z oblasti jižní Afriky’ (в южной Африке) (1) – *latimérie*;
- ‘žijící v teplých mořích’ (обитающая в тёплых морях) (1) – *palamida*;
- ‘z Indie a z Austrálie’ (в Индии и Австралии) (1) – *stříkoun*;
- ‘americká’ (американская) (1) – *sumeček*;
- ‘žijící v severních mořích’ (обитающая в северных морях) (1) – *treska*;
- ‘z černomořské oblasti’ (в Чёрном море) (1) – *vuza*.

5. Oblast použití (сфера использования) (9). Этот признак реализуется с помощью следующего набора сем:

• ‘lovená pro maso’ (вылавливаемая для получения мяса) (5) – *cípal, tuňák, sled, jeseter, maréna*;

- ‘s chutným masem’ (с вкусным мясом) (4) – *jazyk, losos, makrela, candát*;
- ‘chovaná v akváriích’ (разводимая в аквариумах) (1) – *cichlida*;
- ‘jedlá’ (съедобная) (1) – *d’as*;
- ‘lovená pro jikry’ (вылавливаемая для получения икры) (1) – *jeseter*;
- ‘užitková’ (промысловая) (1) – *kapr*;
- ‘hromadně lovená’ (массово вылавливаемая) (1) – *sardel*;
- ‘různě upravovaná’ (по-разному приготавливаемая) (1) – *sled*;
- ‘zdomácnělá’ (одомашненная) (1) – *slunečnice*.

6. Stanoviště (место обитания) (6). Этот признак реализуется с помощью следующего набора сем:

• ‘mořská’ (морская) (34) – *cípal, d’as, havýš, jazyk, jehla, jehlice, jeseter, ježik, kambala, koruška, letoun, lodivod, makrela, mečoun, muréna, nosoun, ostnatec, parmice, perutýn, piloun, placka, plachetník, ploskozubec, pyskoun, rejnok, ropušnice, sardel, sled, slimule, trnucha, tuňák, vlkouš, zubatec, žralok*;

• ‘sladkovodní’ (пресноводная) (18) – *candát, cejn, cejnek, hořavka, jeseter, kapr, karas, kostlín, lezoun, mník, okoun, ostroretka, perlín, piskoř, plotice, stříkoun, štika, úhoř*;

- ‘jezerní’ (озёрная) (4) – *maréna, nosen, síh, siven*;
- ‘říční’ (речная) (3) – *bahník, ostrucha, piraña*;
- ‘vstupující často do řek’ (заплывающая в реки) (1) – *placka*;
- ‘bystřinná’ (обитающая в горных реках) (1) – *pstruh*.

7. Formulář (форма) (5). Этот признак реализуется следующим набором сем:

- ‘štíhlá’ (тонкая) (3) – *jehla, jehlice, jelec*;
- ‘plochá’ (плоская) (2) – *kambala, placka*;

- ‘zavalitá’ (толстый) (1) – *karas*;
- ‘dlouhá’ (длинная) (1) – *ostnatec*;
- ‘zploštělá’ (сплюснутая) (1) – *platýs*.

8. Velikost (размер) (4). Этот признак реализуется следующим набором сем:

- ‘velká’ (крупная) (7) – *jeseter, latimérie, losos, mečoun, placka, plachetník, sumec*;
- ‘malá’ (небольшая) (2) – *cejnek, hořavka*;
- ‘drobná’ (мелкая) (2) – *koruška, sardel*;
- ‘veliká’ (большая) (1) – *tuňák*.

9. Jídlo (питание) (3). Этот признак реализуется с помощью следующего набора сем:

- ‘dravá’ (хищная) (8) – *bolen, candát, cichlida, kostlín, piraňa, sumec, štika, žralok*;
- ‘živící se odpadky’ (питающаяся мусором) (1) – *lodivod*;
- ‘býložravá’ (растительная) (1) – *perlín*.

10. Hmat (осязание) (2). Этот признак реализуется следующими семами:

- ‘ostnatá’ (колючая) (1) – *ježík*;
- ‘ostnoploutvá’ (колючая) (1) – *okounek*.

11. Barva (окрас) (2). Этот признак реализуется с помощью следующего набора сем:

- ‘stříbřitě zbarvená’ (серебристая) (1) – *nosen*;
- ‘s hustým tečkováním’ (с пятнистым окрасом) (1) – *pstruh*.

В ЛСГ «Рыбу» тело рыбы и его отдельные части также могут получать дополнительную характеристику и уточняться набором параметрических признаков. Так, tělo (тело) (8) рыбы характеризуется восемью семами по следующим признакам: formulář (форма), hmat (осязание), barva (цвет), šupiny (чешуя) (4) как часть тела рыбы характеризуется четырьмя семами по следующим признакам: barva (цвет), velikost (размер), umístění (расположение), hmat (осязание). Hřbetní ploutev (спинной плавник) (3) характеризуется по форме и осязанию. Ploutve (плавники) рыбы получают дополнительную характеристику с помощью двух сем по цвету и осязанию. Zuby (зубы) рыбы характеризуются пятью семами по форме, размеру, а также по количеству (množství). Kloun (носовая часть) характеризуется тремя семами по параметрам осязания, формы и расположения. Tlpu (шпы) дифференцируются одной семой по признаку расположения, но также уточняются еще одной характеристикой – dopadem (воздействием).

Okraj ústy (край рта) характеризуется двумя семами по признаку осязания. Prsní ploutve (грудные плавники) (2), čelisti (челюсти) (4), hlava (голова) (1), usty (рот) (2), vousky (усы) (2) рыбы характеризуются по форме. Oči (глаза) характеризуются по месту расположения с помощью семы ‘na jedné straně hlavy’ (на одной стороне головы) в лексеме *platys (морской язык)*. Ocasní část (хвостовая часть) характеризуется по внешнему виду семой ‘s degenerovanou’ (с вырожденной) в лексеме *měsíčník (луна-рыба)*. Pysky (губы) характеризуются по размеру с помощью семы ‘s nápadně velkými’ (с удивительно большими) в лексеме *ryskoun (пескун)*. Roh (рог) характеризуется по расположению на теле семой ‘na hlavě’ (на голове) в лексеме *nosoun (носач)*. Vočky (бока) характеризуются по форме с помощью семы ‘s hranatými’ (с угловатыми) в лексеме *jehla (рыба-игла)*.

Выделенные классификационные признаки позволили определить, что для словарных дефиниций ЛСГ «Рыбы» в русском и ЛСГ «Рыбу» в чешском языке общими являются следующие параметры: близость происхождения, географическое место обитания, место обитания, части тела, сфера использования,

особенности образа жизни, окрас, размер и питание. В чешском языке выделяются также классификационные признаки «форма» и «осязание».

Классификационный признак «близость происхождения» репрезентируется в чешском и русском языке сходными наборами сем, что связано с частичной опорой составителей словарей на принципы зоологической систематики. Но состав сем, уточняющих дифференциальные, разнится. Так, в чешском словаре видим меньшее влияние биологической номенклатуры. Признак близости происхождения в большем количестве лексем реализуется с помощью сем 'říbuzná' (родственная) и 'podobná' (подобная), не согласующихся с научным стилем, когда как в русском словаре этот же признак реализуется с помощью сем 'семейство', 'отряд', 'род', 'разновидность', имеющих коннотацию предметной области (зоологии).

Особенностью русского языка является более детализированный семный состав по классификационному признаку географического места обитания, когда как в чешском языке большее количество сем было выделено по признаку сферы использования. Следует обратить внимание на то, что в чешском языке некоторые лексемы и вовсе дифференцированы только по классификационному признаку «сфера использования», в особенности с помощью дифференциальных сем, связанных со вкусом мяса рыбы.

В чешском языке видим особое внимание к внешнему виду рыбы: нами было выделено большее количество классификационных признаков, связанных с особенностями окраса, формы и размера рыбы.

Семные составы классификационных признаков «место обитания» «части тела», «особенности образа жизни» и «питание» количественно практически одинаково в лексико-семантических группах русского и чешского языков. Кроме того, в обоих языках части тела рыбы также могут уточняться набором признаков и сем, причем их количество также практически равно.

Несмотря на большее количество лексем, входящих в состав ЛСГ «Рыбы» в русском языке, описательные базы лексико-семантических групп в обоих языках подробны и разнообразны в плане деталей.

Ссылки

1. Конопелько И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. Воронеж: РИТМ, 2019. 226 с.
2. Рылов С. А. Актуальные вопросы сопоставительной славянской синтаксологии (на материале русского и чешского языков) // Вестник ННГУ. 2015. № 2–2. С. 518–522. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-sopostavitelnoy-slavyanskoy-sintaktologii-na-materiale-russkogo-i-cheshskogo-yazykov> (дата обращения: 28.03.2022).
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2010. 171 с.
4. Влчек Й. Я. Чешско-русские омонимы – высшая стадия лексической интерференции // Болгарская русистика. София, 1975. № 3. С. 131–136.
5. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/#> (дата обращения: 05.03.2022).
6. Slovník spisovného jazyka českého (1960–1971) / Hl. redaktor B. Havránek. URL: <http://sjsj.cjic.cas.cz/> (дата обращения: 16.03.2022).

Semantic features of the lexical-semantic group "Birds" in the Russian language (in comparison with the Czech language)

A. A. Talitskaya¹, Y. V. Kasatkina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-126-138

Research article
Full text in Russian

The article deals with the semantic features of the lexical-semantic groups «Птицы» and «Ptáci» in the Russian and Czech languages. In Russian, the described LSG includes 188 lexemes, and in Czech – 181 lexemes. Using the method of component analysis, the semes included in the lexical meanings of ornithonyms in both languages were identified. The integral seme in the Russian language is the seme 'bird', which can be represented in a «direct» and «latent» type. In Czech, the archiseme is the seme 'pták' (bird), which is represented in a «direct» type in all meanings of ornithonyms. Differential semes, which allow us to give a full-fledged characterization of the denotation, were distributed to classification (parametric) criteria. In Russian, 20 classification criteria are identified: affinity of origin, presence of an additional title, range, habitat, body parts of birds, abilities, way of eating, color characteristics, voice characteristics, size, similarity with other representatives of the species, affinity to other representatives of the species, lifestyle, method of flight, scope of use, nesting place, temporal characteristics, domestication, the reality of existence, the way of representation in art. In Czech, 21 classification criteria are distinguished: přirozené prostředí, blízkost s ostatními zástupci druhu, barevné charakteristiky, podobnost s ostatními zástupci druhu, blízkost původu, části těla ptáků, areál, způsobilost, způsob hnízdění, životní styl, charakteristika hlasu, způsob stravování, rozsah použití, velikost, původ, temporální charakteristika, způsob letu, přítomnost dalšího jména.

Keywords: lexical-semantic group; birds; Russian language; Czech language; semantics; seme

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Talitskaya, Anna A. | E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Kasatkina, Yulia V. | E-mail: 5tod0ay5@gmail.com
Graduate

For citation: Talitskaya A. A., Kasatkina Y. V. Semantic features of the lexical-semantic group "Birds" in the Russian language (in comparison with the Czech language) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 126-138. (in Russ.)

Семантические особенности лексико-семантической группы «Птицы» в русском языке (в сопоставлении с чешским языком)

А. А. Талицкая¹, Ю. В. Касаткина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-126-138
УДК 811.16

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются семантические особенности лексико-семантических групп «Птицы» и «Ptáci», соответственно, в русском и чешском языках. В русском языке в состав описываемой ЛСГ входит 188 лексем, а в чешском – 181 лексема. С помощью метода компонентного анализа были выделены семы, входящие в состав лексических значений орнитонимов в обоих языках. Интегральной семой в русском языке является сема 'птица', которая может быть представлена в «прямом» и «скрытом» виде. В чешском языке архисемой является сема 'pták' (птица), которая дается в «прямом» виде во всех значениях орнитонимов. Дифференциальные семы, которые позволяют дать полноценную характеристику денотату, были распределены по классификационным (параметрическим) признакам. В русском языке выделено 20 классификационных признаков: близость происхождения, наличие дополнительного названия, ареал, среда обитания, части тела птиц, способности, способ питания, цветовая характеристика, характеристика голоса, размер, сходство с другими представителями вида, близость с другими представителями вида, образ жизни, способ полёта, сфера использования, место гнездования, темпоральная характеристика, окультуривание, реальность существования, способ изображения в искусстве. В чешском языке выделен 21 классификационный признак: přirozené prostředí, blízkost s ostatními zástupci druhu, barevné charakteristiky, podobnost s ostatními zástupci druhu, blízkost původu, části těla ptáků, areál, způsobilost, způsob hnízdění, životní styl, charakteristika hlasu, způsob stravování, rozsah použití, velikost, původ, temporální charakteristika, způsob letu, přítomnost dalšího jména.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа; птицы; русский язык; чешский язык; семантика; сема

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Талицкая, Анна Александровна | E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
общей и прикладной филологии

Касаткина, Юлия Валериевна | E-mail: 5tod0ay5@gmail.com
Студент факультета филологии и коммуникации

Для цитирования: Талицкая А. А., Касаткина Ю. В. Семантические особенности лексико-семантической группы «Птицы» в русском языке (в сопоставлении с чешским языком) // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 126-138.

В последнее время современная лингвистика уделяет большое внимание изучению славянских языков в сопоставительном аспекте. Русский и чешский языки также находятся в поле внимания исследователей, что обусловлено их близкородственными связями.

Сопоставительный анализ в лингвистических исследованиях появился давно. А. Гудавичюс определяет сопоставительную лингвистику как «... науку, изучающую лексические системы двух или более языков методом сопоставления их друг с другом» [1, с. 4]. Однако сопоставительный анализ также может осуществляться в рамках одной функционально-семантической категории. В этом случае его целью будет являться выявление и описание структурных сходств и различий тех языков, на материале которых производится анализ [2, с. 5].

В последние тридцать лет одним из популярных для исследователей направлений в сопоставительной лингвистике является славянское сопоставительное языкознание. Его истоки лежат в работах чешской лингвистической школы 30-х годов XX века и И. А. Бодуэна де Куртенэ [3, с. 518]. Близкие родственные связи славянских языков позволяют сравнивать их в двух аспектах: «от значения к форме» и «от закономерно соотносящихся форм слов к их содержанию», что способствует изучению процессов лексико-семантической дивергенции [4, с. 105].

Интерес к исследованию различных аспектов лексико-семантической теории, а именно лексико-семантическим группам слов, обусловлен распространённым мнением о том, что для полного изучения словаря одного языка нужно начинать с изучения отдельных классов семантической системы [5, с. 97].

По мнению И. А. Никандровой, лексико-семантические группы слов представляют собой класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях общий интегральный семантический компонент или компоненты и типовые уточняющие дифференциальные компоненты [6, с.193]. К признакам, выделяющим лексико-семантические группы из числа других совокупностей лексем, относятся: грамматическая однородность, наличие инвариантной семы и способность взаимозаменяемости в определённых условиях [7, с. 154].

В структуре любой лексико-семантической группы слов существует ряд уровней. Научные подходы к их выделению различны. Так, часть исследователей придерживается мнения о том, что каждая из групп имеет в своих значениях общий интегральный семантический компонент или компоненты и типовые уточняющие дифференциальные компоненты [6, с. 193]. Другие же выделяют в структуре лексико-семантических групп ядро, состоящее из общеупотребительных слов, и периферию, слова в которой малоупотребительны [8, с. 19].

При изучении лексико-семантических групп можно не только проследить парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные отношения, но и выявить национальные особенности лексической системы конкретного языка [9, с. 120].

Одной из крупных групп слов в любом языке являются орнитонимы. Они представляют собой номинативную единицу, выраженную отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц [10, с. 8]. Вопросами функционирования орнитонимов в русском и других языках занимались Н. Ю. Костина [11] и О. Б. Симакова [10].

Несмотря на интерес к изучению этой лексической группы, однозначного мнения насчёт определения лингвистического статуса названий птиц нет. Вопрос разграничения терминов и номенклатуры до сих пор остро стоит в современной лингвистике. Если А. В. Лемов считает, что у номенклатуры и терминов больше общего, чем различий [12, с. 32], то В. М. Лейчик определяет номенклатуру как связующее звено между терминами и именами собственными [13, с. 24]. В вопросе определения лингвистического статуса названий птиц большинство исследователей придерживается терминологической позиции и названия «Орнитонимы» [10; 11]. Д. В. Чокков же предлагает другое название этой лексической группе – «Номинации птиц» [14, с. 49].

Признаки, положенные в основу наименования птиц, а также способы представления значений неодинаковы в разных языках, несмотря на то, что денотаты идентичны. Это связано с особенностями восприятия и языковой картиной мира разных народов [15, с. 16–17]. В этой статье будут рассмотрены особенности значения лексем, составляющих лексико-семантические группы «Птицы» и «Ptáci» в русском и чешском языках соответственно.

В русском языке лексико-семантическая группа существительных, называющих птиц, состоит из 188 лексем (отобранны методом сплошной выборки из [16]): *аист, гагара, марабу, орёл, кедровка, овсянка, пуночка, чернозобик, шипун* и др. Интегральная сема 'птица' в ней представлена в «прямом» и «скрытом» виде. Во втором случае архисема представлена в 10 лексемах как 'птичка': *воробей, колибри, малиновка, 2. пеночка, пересмешник, пичужка, подкопытник, подорожник, поползень, черноголовка*.

Для того чтобы лексема получила свою особенную характеристику, к интегральной семе добавляется набор дифференциальных сем, которые также могут подразделяться на наборы сем, указывающих на конкретную разновидность. Выделенные дифференциальные семы мы объединили в 20 классификационных (параметрических) признаков.

Классификационный признак «близость происхождения» представлен наборами сем 'семейство' в 99 (*гоголь, вьюрок, варакушка, горихвостка* и др.) лексемах и 'отряд' в 50 (*альбатрос, киви, стрепет, гаршнеп* и др.) лексемах. При этом первая из них представлена 27 семами ('дроздовые' (6) – *варакушка, соловей, чекан* и др.; 'соколиные' (6) – *кобчик, кречет, чеглок* и др.; 'фазановые' (4) – *аргус, куропатка, павлин* и др.), а вторая включает в себя 13 сем ('совы' (5) – *сойка, сплюшка, сыч* и др.; 'голенастые' (4) – *аист, журавль, ибис* и др.; 'веслоногие' (3) – *балкан, пеликан, фрегат*). Наиболее частотными среди них являются семы 'семейство утиные', 'отряд воробьиные', представленные в 15 (*гоголь, поганка, турпан, чирок* и др.) и 23 лексемах (*белоглазка, дрозд, ласточка, поползень* и др.) соответственно.

Среди крупных классификационных признаков также можно выделить «ареал» и «наличие дополнительного названия», где насчитывается по 23 семы ('северная' (8) – *вьюрок, гагара* и др.; 'полярная' (2) – *кайра, моевка*; 'тропическая' (2) – *марабу, попугай* и 'вьюрок' (1) – *юрок*, 'гаршнеп' (1) – *подкопытник*, 'дергач' (1) – *коростель*), «среда обитания», включающий в себя 22 семы ('лесная' (22) – *аргус, вальдшнеп, вьюрок* и др.; 'болотная' (8) – *бекас, выпь, гаршнеп* и др.), «способности» – с 16 семами ('водоплавающая' (16) – *баклан, буревестник* и др.; 'ловчая' (4) – *балобан, беркут* и др.), «части тела птиц» – с 15 семами ('с шей' (13) – *галка, голубь, гусь* и др.; 'с брю-

хом' (2) – *бекас, ржанка*) и «способ питания», насчитывающий 11 сем ('хищная' (27) – *балобан, беркут, гарпия* и др.; 'питающаяся рыбой' (3) – *крячка, орлан* и др.).

Число редко встречающихся классификационных признаков велико. Мы выделили такие, как «характеристика голоса» (8 сем ('издавать крики, похожие на рёв быка' (1) – *выть*; 'крик напоминает плач' (1) – *канюк*)), «размер» (6 сем ('небольшая' (37) – *белоглазка, варакушка, воробей* и др.; 'крупная' (30) – *аист, альбатрос* и др.)), «близость с другими представителями вида» (5 сем ('родственная ворону' (1) – *ворона*; 'родственная чайке' (1) – *чистик*)), «образ жизни» (5 сем ('перелётная' (10) – *кукушка, ласточка* и др.; 'ночная' (4) – *выть, козодой* и др.)), «способ полёта» (5 сем ('отличающаяся стремительностью полёта' (1) – *стриж*; 'парящая' (1) – *сокол*)), «сфера использования» (5 сем ('мясо употребляется в пищу' (1) – *фазан*; 'разводимая для получения яиц' (1) – *курица*)), «место гнездования» (3 семы ('земля' (1) – *2. пеночка*; 'отлогие речные, озёрные, морские отмели' (1) – *крячка*)), «темпоральная характеристика» (3 семы ('древнейшая' (1) – *археоптерикс*; 'ископаемая' (1) – *археоптерикс*)), «окультуривание» (3 семы ('домашняя' (5) – *гусь, индейка, курица* и др.; дикая' (3) – *голубь, гусь* и др.)).

Параметрические признаки «цветовая характеристика» и «сходство с другими представителями вида» также подразделяются на наборы сем: 'цвет' (3 семы ('бурого или рыжевато-бурого' (1) – *дубровник*; 'рыжеватого' (1) – *рябок*) и 'окраска' (4 семы ('рыжеватой или сероватой' (1) – *сплюшка*; 'оливково-зелёной' (1) – *зеленушка*)), 'размер' и 'внешний вид' (по 3 семы в каждом ('величиной с небольшую утку' (1) – *гагарка*; 'размером с воробья' (1) – *зеленушка*), ('напоминающая видом голубя' (1) – *рябок*; 'похожая на небольшую цаплю' (1) – *ибис*)). Так как некоторые из исследованных нами лексем представляют собой названия несуществующих птиц, в классификации появились такие признаки, как «способ изображения в искусстве» (1 сема ('изображавшаяся с человеческим лицом' (2) – *алконост, сирин*; 'изображавшаяся с женской грудью' (1) – *сирин*)) и «реальность существования» (1 сема ('волшебная' (1) – *жар-птица*; 'сказочная' (3) – *алконост, жар-птица, феникс*)).

Части тела птиц, о которых мы говорили ранее, также получают дополнительную характеристику. К частям тела, уточняемым наборами параметрических признаков, относятся «голова», «оперение», «грудь», «клюв», «спина», «брюхо», «ноги», «туловище», «крылья», «хвост», «шея», «глаза», «когти» и «пальцы». Наиболее частотными являются параметры «цвет» (40 сем), «форма» (31 сема) и «характерная деталь» (18 сем). По цвету характеризуются «голова» ('ярко-красная' (1) – *желна*), «оперение» ('с чёрным' (10) – *баклан, ворон, ворона* и др.; 'с серовато-чёрным' (2) – *ворона, лысуха*), «клюв» ('с красно-чёрным' (1) – *шипун*; 'с красным' (1) – *чомга*), «хвост» ('с белым' (1) – *пигалица*; 'с рыже-красным' (1) – *горихвостка*), «шея» ('с белой' (1) – *галка*) и «брюхо» ('с белым' (1) – *бекас*; 'с чёрным' (1) – *ржанка*), «спина» ('с пёстрой' (1) – *бекас*; 'с тёмной' (1) – *галка*), «грудь» ('с белой' (2) – *балобан, бекас*; 'с красной' (1) – *снегирь*), описываемые исключительно по этому параметру. Характеристику по форме получают «голова» ('широкая и плоская' (1) – *козодой*), «клюв» ('с загнутым' (3) – *ибис, коршун, орёл*; 'с крючковатым' (3) – *буревестник, сова, ястреб*), «туловище» ('сильно сжатое с боков' (1) – *коростель*), «крылья» ('с острыми' (3) – *ласточка, сокол, стриж*; 'с узкими' (4) – *альбатрос, буревестник* и др.), «хвост» ('в виде лиры' (1) – *лирохвост*; 'распускающийся веером' (1) – *павлин*), «шея» ('с красиво изогнутой' (1) – *лебедь*; 'с сильно изогнутой' (1) – *шипун*), «когти»

(‘с острыми’ (1) – *ястреб*). Характерные детали были отмечены в описаниях следующих частей тела: «голова» (‘белый пух’ (1) – *син*; ‘с двумя рогообразными выростами’ (1) – *сатир*), «оперение» (‘с многочисленными глазками’ (1) – *аргус*), «клюв» (‘с кожистым мешком под клювом’ (1) – *пеликан*), «ноги» (‘с перепончатыми’ (2) – *кроншнеп, утка*; ‘с трёхпальными’ (1) – *казуар*), «крылья» (‘с белой полосой’ (1) – *пигалица*; ‘пальцы на крыльях’ (1) – *археоптерикс*), «хвост» (‘постоянно покачивающийся сверху вниз’ (1) – *трясогузка*; ‘с длинными перьями’ (1) – *шилохвость*), «шея» (‘с большим зобом’ (1) – *голубь*; ‘с пышным из рыжих перьев воротником’ (1) – *чомга*). Следующие параметры встречаются реже:

«Осязательная характеристика» (5 сем) – «оперение»: ‘с густым’ (1) – *гагара*, ‘с мягким’ (1) – *чайка* и др.

«Место расположения» (3 семы) – «оперение»: ‘по бокам’ (1) – *зяблик*; ‘общее’ (1) – *королёк* и др.

«Размер» (2 семы) – «голова»: ‘большеголовая’ (1) – *зимородок*, «глаза»: ‘с большими’ (1) – *сова*, «хвост»: ‘с большим’ (1) – *павлин* и «клюв»: ‘с большим’ (1) – *тупик*; ‘с небольшим’ (1) – *козодой*.

«Оценочная характеристика» (2 семы) – «оперение»: ‘с красивым’ (1) – *колибри*; ‘с ценным’ (1) – *гагара*.

«Внешний вид» (2 семы) – «глаза»: с ободком из белых пёрышек вокруг глаз’ (1) – *белоглазка*, «пальцы» (‘свободные’ – *археоптерикс*).

«Длина» (2 семы) – «туловище»: ‘с коротким’ (1) – *альбатрос*, «ноги»: ‘с длинными’ (6) – *аист, фламинго, цапля* и др.; ‘с короткими’ (1) – *утка*, «клюв»: ‘с длинным’ (12) – *бекас, гаршнеп, дупель* и др.; ‘с коротким’ (1) – *ястреб*, «крылья»: ‘с длинными’ (6) – *альбатрос, стриж, чайка* и др.; ‘с короткими’ (1) – *оляпка*, «хвост»: ‘с длинным’ (4) – *ара, археоптерикс* и др., «шея»: ‘с длинной’ (6) – *гусь, дрофа, журавль* и др.; ‘с короткой’ (1) – *утка*, «когти»: ‘с длинными’ – *ястреб*.

«Качественная характеристика» (1 сема) – «клюв»: ‘сильным’ (2) – *дятел, сокол*, «ноги»: ‘с сильными’ (1) – *дрофа, казуар*.

«Функция» (1 сема) – «клюв»: ‘для дробления косточек’ (1) – *дубонос*.

Таким образом, анализ 188 лексем, составляющих лексико-семантическую группу «Птицы», позволяет сказать о том, что группа орнитонимов в русском языке имеет большую описательную базу: общая интегральная сема ‘птицы’ дополняется множеством дифференциальных, которые объединены в классификационные признаки и суммарно насчитывают 244 семы.

В чешском языке лексико-семантическая группа существительных, состоящая из орнитонимов, включает в себя 181 лексему (отобраны методом сплошной выборки из [17]). Архисемой является сема ‘*pták*’ (птица): *albatross, div, kondor, lyska, mandelík, orlosup, písila*. Она представлена в явном виде во всех словарных дефинициях этой группы.

В чешском языке дифференциальные семы были объединены в 21 классификационный признак. Однако сема ‘*exotický*’ (экзотическая), представленная в лексемах *snovač, timálie, zoborožec*, не была отнесена ни к одному из них.

Наиболее крупными классификационными признаками в этой лексико-семантической группе являются «*přirozené prostředí*» (среда обитания) и «*blízkost s ostatními zástupci druhu*» (близость с другими представителями вида), в которых насчитывается по 23 семы (‘*bahenní*’ (грязевая) (11) – *bekasína, břehouš, chřástal* и др.;

'mořský' (морская) (11) – *albatros, alka, alkoun* и др. и 'příbuzný havranu' (родственная ворону) (7) – *kavče, kavka, krkavec* и др.; 'příbuzný čáru' (родственная аисту) (3) – *ibis, kolpík, volavka*, «části těla ptáků» (части тела птиц) и «areál» (ареал), в которых находится по 16 сем ('s zobákem' (с клювом) (27) – *čáp, datel, dlask* и др.; 'na nožkách' (на ножках) (15) – *břehouš, čáp, čejka* и др. и 'africký' (африканская) (10) – *hadilov, klubák, leskoptev* и др.; 'jihoamerický' (южноамериканская) (7) – *harpyje, hrdlička, karančo* и др.).

Такие классификационные признаки, как «barevné charakteristiku» (цветовая характеристика), «podobnost s ostatními zástupci druhu» (сходство с другими представителями вида) и «blízkost původu» (близость происхождения), реализуются с помощью наборов сем, конкретизирующих выделенные показатели. Признак «barevné charakteristiku» (цветовая характеристика) включает в себя семы 'barva' (цвет), в которую входит 17 конкретизирующих сем ('černý' (чёрный) (6) – *havran, kavče, kos* и др.; 'šedohnědý' (серо-коричневый) (3) – *koroptev, krahujec, vrabec*), и 'zbarvený' (окрас), реализованную в 6 конкретизирующих семех ('pestrý' (пёстрый) (3) – *skalník, strakapoud, vlhovec*; 'světlý' (светлый) (2) – *albatros, běloří*). Классификационная категория «podobnost s ostatními zástupci druhu» (сходство с другими представителями вида) состоит из двух групп сем, указывающих на конкретный показатель сходства: 'vzhled' (внешний вид) с 12 семами ('kurovítý' (куроподобная) (8) – *jeřábek, krocán, orebice* и др.; 'podobný rackovi' (похожая на чайку) (3) – *albatros, buřňák, chaluha*) и 'velikost' (размер) с 5 семами ('menší než pštros' (меньше страуса) (1) – *emu*; 'velký jako kos' (большая как чёрный дрозд) (1) – *kavče*). Признак «blízkost původu» (близость происхождения) уточняется с помощью сем 'příbuzenstvo' (семейство), в которой на конкретную разновидность указывает 22 семы ('drozda' (дроздовые) (3) – *kvíčala, rehek, skalník*; 'racků' (чайки) (3) – *alka, alkoun, zoboun*), и 'řád' (род), представленную только одной семой 'bahňáků' (грязевые) в отношении лексемы *vodouš* (травник).

Наибольшее число параметрических признаков представлено малочисленными группами, включающими от 9 до 1 семы. Наиболее крупными среди них являются «způsobilsto» (способности), «způsob hnízdění» (способ гнездования) и «životní styl» (образ жизни), насчитывающие по 9 ('zpevný' (певчая) (33) – *drozd, hejl, chocholouš* и др.; 'šplhavý' (карабкающаяся) (4) – *datel, šoupálek, zedníček* и др.), 8 ('v děrách' (в норах) (1) – *břehule*; 'umělá hnízda z hlíny' (строящая гнёзда из глины) (1) – *hrnčířík*) и 7 сем ('nelétající' (нелетающая) (2) – *kivi, tučňák*; 'noční' (ночная) (2) – *lelek, sova*) соответственно. 6 семами представлены такие признаки, как «způsob stravování» (способ питания) ('dřavý' (хищная) (20) – *dřemlík, hadilov, harpyje* и др.; 'živící se i mršinami' (питается падалью) (4) – *karančo, krkavec, tarabu, sup*), «charakteristika hlasu» (характеристика голоса) ('typický svým voláním (cukrováním)' (свой характерный крик (воркование) (1) – *hrdlička*; 'vydávající nápadné, hlasité volání' (издающая заметные, громкие звуки) (1) – *chřástal*) и «rozsaň použití» (сфера использования) ('pro peří' (для перьев) (2) – *husa, kachna*; 'pro vejce' (для яиц) (2) – *kur, perlička*), по 5 сем включают в себя признаки «velikost» (размер) ('drobný' (мелкая) (6) – *skřivan, stehlík, vrabec* и др.; 'středně velký' (среднего размера) (1) – *krahujec*) и «kultivace» (окультуривание) ('chován jako drůbež' (разводится как домашняя) (3) – *husa, kachna, krocán*; 'u nás zdomácnělý' (у нас одомашнена) (1) – *bažant*), а по 2 семы обнаружено в классификационных группах со значениями «původ» (происхождение) ('americký'

(американское) (1) – *krocán*; ‘z Indie’/‘indického’ (индийское) (2) – *kur, páv*), «temporální charakteristika» (темпоральная характеристика) (‘vymřelý’ (вымершая) (1) – *dodo*; ‘druhohorní’ (мезозойская) (1) – *prapták*), «způsob letu» (способ полёта) (‘bystře létající’ (быстро летающая) (2) – *lelek, vlha*; ‘při letu strmě stouparjící’ (парящая в полёте) (1) – *skřivan*), «kulturní význam» (культурное значение) (‘pokládáný za věstitele klidných dnů za zimního slunovratu’ (считаемая предвестником спокойных дней в зимнее солнцестояние) (1) – *alkyón*; ‘věšticí neštěstí’ (вестница несчастий) (1) – *div*).

Самыми малочисленными признаками стали «realita existence» (реальность существования) и «přítomnost dalšího jména» (наличие дополнительного названия), в которых было обнаружено по 1 семе (‘báječný’ (сказочная) (3) – *div, fénix, ohnivák* и ‘skřivánek’ (жаворонок) (1) – *skřivan*).

Части тела птиц и другие их признаки в чешском языке так же, как и в русском языке, описываются при помощи дополнительных характеристик и уточняются набором параметрических признаков. К частям тела были отнесены «hlava» (голова), «peří» (перья), «zobák» (клюв), «břicho» (брюхо), «nohu» (ноги), «křídla» (крылья), «ocas» (хвост), «krk» (шея), «oči» (глаза), «prsty» (пальцы), «drápu» (когти), «rotace» (спина), «prsa» (грудь), «nasrodu těla» (нижняя часть тела птицы). Также в лексемах *ledňáček* и *prapták* выделяется сема ‘zubý’ (зубы), но она не получает дополнительной характеристики.

В описании большего числа лексем выделяются параметры «formulář» (форма) (24 семы), «barva» (цвет) (15 сем) и «podrobnost» (деталь) (13 сем). Характеристику по форме получили «peří» (перья) (‘seskupenými do podoby lyry’ (сгруппированные в подобие лиры) (1) – *lyrochvost*; ‘jemná’ (тонкие) (1) – *pštros*), «zobák» (клюв) (‘mohutným’ (массивный) (2) – *krkavec, terej*; ‘zahnutým’ (крючковатый) (2) – *tuhyk, zoborožec*), «ocas» (хвост) (‘s typickým vykrojeným’ (с характерно заострённым) (1) – *luňák*; ‘s vějířovitým’ (с веерообразным) (1) – *tetřev*), «krk» (шея) (‘s prohnutým’ (с изогнутой) (1) – *labut*), «prsty» (пальцы) (‘s prsty zčásti’ (с частично сросшимися) (1) – *ledňáček*), «drápu» (когти) (‘s mohutnými’ (с мощными) (1) – *jestřáb*; ‘s silnými’ (с сильными) (1) – *orel*). Цветовое описание есть у таких частей тела птиц, как «peří» (перья) (‘bílým’ (белые) (3) – *kachna, husa, labut*; ‘kropenatým’ (крапчатые) (3) – *drozd, perlička, špaček*), «zobák» (клюв) (‘s červeným’ (с красным) (1) – *čáp*), «břicho» (брюхо) (‘s bílým’ (с белым) (2) – *jiříčka, tučňák*; ‘leskle’ (блестящее) (1) – *tučňák*), «krk» (шея) (‘s červenavým’ (с красноватой) (1) – *krocán*), «rotace» (спина) (‘s tmavým’ (с тёмной) (1) – *tučňák*), «prsa» (грудь) (‘modrou’ (голубая) (1) – *modráček*), «nasrodu těla» (нижняя часть тела птицы) (‘červeně’ (красная) (1) – *hejl*). Детали присутствуют в характеристике сем «hlava» (голова) (‘původu s korunkou z peří’ (с короной из перьев) (1) – *pav*; ‘s vysokou chocholkou’ (с высоким хохолком) (1) – *brkoslav*), «zobák» (клюв) (‘s lalůčkem pod zobákem’ (с мочкой под клювом) (1) – *kur*; ‘s bílou lysinkou nad zobákem’ (с белой лысинкой над клювом) (1) – *lyska*), «nohu» (ноги) (‘opatřenými plovací blánou’ (оснащённые плавательными перепонками) (2) – *husa, kachna*; ‘téměř na konec těla’ (смещённые почти к концу тела) (1) – *potáplice*), «oči» (глаза) (‘s pernatým závojem kolem očí’ (с пернатой вуалью вокруг глаз) (1) – *moták*), «prsty» (пальцы) (‘ovroubenými plovací blánou’ (окаймлённые плавательными перепонками) (1) – *potápka*). Другие характеристики в описании частей тела птиц представлены в меньшем объёме. К ним относятся:

«Délka» (длина) (6 сем) – «peří» (перья): 'dlouhá' (длинные) (1) – *vdovka*, «zobák» (клюв): 's dlouhým' / 's delším' (с длинным) (6) – *čáp*, *datel*, *dudeki* др.; 's nápadně dlouhým' (с необыкновенно длинным) (1) – *koliha*, «ногу» (ноги): 'na vysokých' / 'vysokonohý' (на высоких) (10) – *břehouš*, *čáp*, *čejka*, *hadilov* и др., «křídla» (крылья): 's dlouhými' (с длинными) (2) – *ouhorlík*, *rorejs*, «ocas» (хвост): 's nápadný dlouhým' (с необыкновенно длинным) (1) – *konipas*; 's krátkým' (с коротким) (1) – *ledňáček*, «krk» (шея): 's protáhlým' (с удлинённой) (1) – *husa*; 's nápadně dlouhým' (с необыкновенно длинной) (1) – *labut*, «prsty» (пальцы): 'velmi dlouhými' (с очень длинными) (1) – *ostnák*.

«Jakostní charakteristika» (качественная характеристика) (4 семы) – «peří» (перья): 'se zvláště jemným' (с особенно красивыми) (1) – *kajka*; 'velmi ceněným' (высоко ценящимися) (1) – *kajka*, «zobák» (клюв): 's nápadně silným' (с необыкновенно сильным) (1) – *dlask*; 's silným' (с сильным) (1) – *vrána*.

«Umístění» (расположение) (3 семы) – «peří» (перья): 'ocasnými' (хвостовые) (2) – *lyrochvost*, *vdovka*; 'na spodu těla' (в нижней части тела) (1) – *drozd* и др.

«Funkce» (функция) (3 семы) – «zobák» (клюв): 'tesající do dřeva stromů' (долбящий кору деревьев) (1) – *datel*, «ногу» (ноги): 'kráčivýma' (ходячие) (1) – *holub*; 'plovacíma' (плавающие) (1) – *potáplice*.

«Velikost» (размер) (2 семы) – «hlava» (голова): 'malou' (маленькая) (1) – *pštros*, «zobák» (клюв): 'velkým' (крупный) (3) – *tukan*, *zoborožec*, *zoboun*, «оči» (глаза): 'velkýma' (большие) (1) – *sova*.

«Tloušťka» (толщина) (1 сема) – «ногу» (ноги): 's tenkýma' / 'na štíhlých' (тонкие) (2) – *jespák*, *čejka*, «křídla» (крылья): 's štíhlými' / 'štíhlokřídly' (с тонкими) (3) – *racek*, *rybák*, *vlaštovka*.

«Vzhled» (внешний вид) (1 сема) – «krk» (шея): 's lysým' (с лысой) (1) – *krocan*.

Проведённый анализ 181 лексемы, обозначающей орнитонимы в чешском языке, позволяет говорить о том, что группа со значением названий птиц в чешском языке также имеет большую описательную базу: общая интегральная сема 'птица' поясняется через дифференциальные семы, которые объединяются в параметрические признаки и насчитывают 218 сем. Кроме того, сема 'exotický' (экзотическая) не была отнесена ни к одному признаку.

Анализ лексико-семантических групп «Птицы» и «Ptáci» в русском и чешском языках говорит о том, что эти группы во много схожи, но также имеют и существенные отличительные черты.

В рамках лексико-семантической группы нами была выделена интегральная сема и наборы дифференциальных сем. В обоих языках архисема представлена в «прямом» виде: 'птица' в русском языке и 'pták' в чешском языке. Отличия видны уже на этом уровне, так как в русском языке интегральная сема также существует в скрытом виде как 'птичка', а в чешском языке дополнительные архисемы не были обнаружены. Дифференциальные семы, объединённые в группы классификационных признаков, также имеют черты различий. В чешском языке сема 'exotický' (экзотическая), представленная в лексемах *snovač*, *timálie*, *zoborožec*, не вошла ни в один классификационный признак. В русском языке все семы были распределены по группам.

Общими параметрическими признаками в русском и чешском языках являются: «близость происхождения» / «blízkost původu», «наличие дополнительного названия» / «přítomnost dalšího jména», «ареал» / «areál», «среда обитания» / «přirozené

prostředí», «части тела птиц» / «části těla ptáků», «способности» / «způsobilost», «способ питания» / «způsob stravování», «характеристика голоса» / «charakteristika hlasu», «образ жизни» / «životní styl», «способ полёта» / «způsob letu», «цветовая характеристика» / «barevné charakteristiku», «сфера использования» / «rozsah použití», «место или способ гнездования» / «způsob hnízdění», «темпоральная характеристика» / «temporální charakteristika», «сходство с другими представителями вида» / «podobnost s ostatními zástupci druhu», «окультуривание» / «kultivace», «реальность существования» / «realita existence».

Несмотря на это, количественный состав выделенных признаков различается. В случае некоторых параметров различия не являются значительными. Так, параметр «среда обитания» / «přírozené prostředí» в русском языке включает в себя 22 семы, а в чешском языке – 23 семы, параметр «части тела птиц» / «části těla ptáků» – 15 сем в русском языке и 16 сем в чешском языке, параметр «способ питания» / «způsob stravování» – 11 сем в русском языке и 6 – в чешском, параметр «место или способ гнездования» / «způsob hnízdění» – 3 семы в русском языке и 8 сем в чешском языке, параметр «характеристика голоса» / «charakteristika hlasu» – 8 сем в русском языке и 6 сем в чешском языке, параметр «образ жизни» / «životní styl» – 5 сем в русском языке и 7 сем в чешском языке, параметр «способ полёта» / «způsob letu» – 5 сем в русском языке и 2 семы в чешском языке, «сфера использования» / «rozsah použití» – по 5 сем в русском и чешском языках, «темпоральная характеристика» / «temporální charakteristika» – 3 семы в русском языке и 1 сема в чешском языке, «окультуривание» или «kultivace» – 3 семы в русском языке и 5 сем в чешском языке, «реальность существования» / «realita existence» – по 1 семе в русском и чешском языках.

Однако в некоторых случаях разница в количестве сем является существенной. К таким параметрам относятся «ареал» / «areál», где в русском языке насчитывается 23 семы, а в чешском – 16 сем; «наличие дополнительного названия» / «přítomnost dalšího jména», который в русском языке объединяет в себе 23 семы, тогда как в чешском языке содержит всего 1 сему; «способности» / «způsobilost», в котором в русском языке находится 16 сем, а в чешском языке – 9 сем; «близость происхождения» / «blízkost původu», объединяющий в русском языке 40 сем, а в чешском – 23 семы; «цветовая характеристика» / «barevné charakteristiku», в который включается 7 сем в русском языке и 23 семы в чешском языке; «сходство с другими представителями вида» / «podobnost s ostatními zástupci druhu» – 6 сем в русском языке и 16 сем в чешском языке.

Кроме того, в обоих языках несколько классификационных групп были разделены на подгруппы. В основном это касается признаков, характеризующих внешний вид птиц. Так, группа «цветовая характеристика» / «barevné charakteristiku» подразделяется на подгруппы «цвет» / «barva» и «окрас» / «zbarvený», а группа «сходство с другими представителями вида» / «podobnost s ostatními zástupci druhu» включает в себя подгруппы «размер» / «velikost» и «внешний вид» / «vzhled». Однако при выделении такого признака, как «близость происхождения» / «blízkost původu», в двух языках были выделены разные подгруппы: в русском – «семейство» и «отряд», в чешском – «příbuzenstvo» (семейство) и «řád» (род). Особенностью каждой из классификаций является внимание к культурному аспекту, выраженное в разных при-

знаках: в русской классификации это «способ изображения в искусстве», а в чешской – «původ» (происхождение) и «kulturní význam» (культурное значение).

Кроме того, ЛСГ «Птицы» и «Ptáci» в русском и чешском языках уточняются не только дифференциальными семами. Дополнительное описание получают также и части тела птиц. На этом уровне выделяется больше различий, чем сходств.

Общими оказались семы со значениями «форма», «характерная деталь», «размер», «место расположения», «качественная характеристика», «длина», «функция», «внешний вид». В чешском языке присутствует характеристика «tloušťka» (толщина), которой нет в русском языке, а такие значения, как «осязательная характеристика» и «оценочная характеристика», выделены только в русском языке, что объясняется меньшим уровнем описательных сем в чешском языке.

Стоит отметить и различия, обнаруживаемые при сравнении выделяемых частей тела птиц в разных языках. В основном названия частей тела птиц присутствуют в обоих языках. К ним относятся «голова» / «hlava», «оперение» / «peří», «грудь» / «prsa», «клюв» / «zobák», «спина» / «rotace», «брюхо» / «břicho», «ноги» / «nohy», «крылья» / «křídla», «хвост» / «ocas», «шея» / «krk», «глаза» / «oči», «когти» / «drápy», «пальцы» / «prsty». Однако такие части тела, как «zubý» (зубы) и «naspodu těla» (нижняя часть тела птицы) выделяются только в чешском языке, тогда как особенностью русской характеристики стало выделение «туловища».

Различен и подход к критериям описания частей тела птиц в двух языках. Так, наибольшее внимание в чешском языке, несмотря на гораздо меньшую описательную базу, чем в русском, уделяется такому признаку, как «formulář» (форма). По нему характеризуются перья, клюв, хвост, шея, пальцы и когти птиц. В русском языке наиболее важен признак «цвет». Он не только выделен как самостоятельный для описания внешнего вида птицы, но и в качестве уточнения оперения, головы, хвоста, шеи, брюха, спины, груди и клюва. Самыми малочисленными критериями являются: в русском языке «функция», представленный 1 семой в лексеме *дубонос* при характеристике такой части тела, как «клюв», и в чешском языке «vzhled» (внешний вид), также представленный 1 семой в лексеме *krokan* при характеристике части тела «krk» (шея).

Количественный состав выделяемых конкретизирующих признаков также неоднороден. Наиболее частотными в обоих языках стали параметры «цвет» / «barva», «форма» / «formulář» и «характерная деталь» / «podrobnost». В русском языке параметр цвета находится на первом месте по частотности, так как включает в себя 40 сем, тогда как в чешском языке он занимает второе место и насчитывает всего 15 сем. В чешском языке наиболее распространённым является параметр формы (24 семы), который в русском языке включает 31 сему и является вторым по частотности. Параметр характерной детали занимает в русском языке третье место по распространению. В него входит 18 сем, что на 5 сем больше, чем в чешском языке (13 сем). К наименее частотным в русском языке относятся «размер», «осязательная характеристика», «место расположения», «оценочная характеристика», «качественная характеристика», «длина», «внешний вид», «функция». Эти признаки точно также схожи с теми, которые выделяются в чешском языке, за исключением характерных особенностей классификации. Так, общими параметрами стали «размер» / «velikost» – по 2 семы в русском и чешском языках, «место расположения» / «umístění» – по 3 семы в русском и чешском языках, «длина» / «délka» – 2 семы

в русском языке и 6 сем в чешском языке, «качественная характеристика» / «jakostní charakteristika» – 1 сема в русском языке и 4 семы в чешском языке, «внешний вид» / «vzhled» – 2 семы в русском языке и 1 сема в чешском языке, «функция» / «funkce» – 1 сема в русском языке и 3 семы в чешском языке.

При выделении количественных отличий семантического состава каждой из лексико-семантических групп стоит отметить то, что показатели чередуются в определённых параметрах. Нельзя с точностью сказать, что лексико-семантический состав орнитонимов в русском языке обширнее, чем в чешском. Параметры, определённые в русском языке как малочисленные, часто определяются в чешском языке как многочисленные, и наоборот. Так, например, уже упомянутый нами признак «наличие дополнительного названия» / «přítomnost dalšího jména» в русском языке включает в свой состав 23 семы, а в чешском языке представлен 1 семей, в то время как параметр «цветовая характеристика» / «barevné charakteristiky» в русском языке имеет в составе 7 сем, а в чешском языке – 23 семы.

На основе сравнения созданных классификаций можно говорить о том, что описательные базы лексико-семантических групп «Птицы» и «Ptáci» в русском и чешском языках имеют ряд сходств и различий. Сходства сосредоточены в практически идентичном количестве лексем, в выделении классификационных признаков с одинаковыми значениями, в сходном подходе к членению на общую характеристику и характеристику отдельных частей тела птиц, в определении одинаковых частей тела птиц. Большинство различий между описательными базами заключено в количественном несовпадении сем и группах параметрических признаков и деталях классификации (выделении признаков, которых нет во втором сравниваемом языке). Это объясняется тем, что в чешском языке больше внимания уделяется общему описанию птицы, а в русском языке предпочтение отдаётся характеристике подробностей и разнообразию детального плана.

Ссылки

1. Гудавичюс А. Й. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс: Моклас, 1985. 175 с.
2. Фефилов А. И. Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков. Куйбышев: Издательство Педагогического ин-та, 1985 80 с.
3. Рылов С. А. Актуальные вопросы сопоставительной славянской синтаксологии (на материале русского и чешского языков) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2-2. С. 518–522.
4. Меркулова И. А. Проблемы сопоставительного изучения лексики славянских языков // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 99–106.
5. Лексико-семантические группы русских глаголов / [О. П. Жданова, И. Т. Вепрева, М. Л. Кусова и др.; науч. редактор Э. В. Кузнецова и др.]. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 176 с.
6. Никандрова И. А. О соотношении понятий «функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2010. Вып. 3 (63). С. 190–194.
7. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.

8. Моргун А. В. Ядро и периферия лексико-семантической группы «домашние млекопитающие» в аспекте когнитивных основ словообразования // Научный вестник Ужгородского национального университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 18–23.
9. Прохорова В. Н. Русская терминология: (Лексико-семант. образование). М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 125 с.
10. Симакова О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2004. 28 с.
11. Костина Н. Ю. Названия птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2004. 36 с.
12. Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина: На материале русской лингвистической терминологии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2000. 32 с.
13. Лейчик В. М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики: материалы научно-методической конференции / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Воронеж. технол. ин-т ; под общ. ред. В. В. Гуськовой. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1974. С. 23–29.
14. Чокон Д. В. Орнитонимы, выражающие цвет оперения птиц в Алтайском языке и его диалектах // Тюрко-монгольский мир: проблемы взаимодействия и развития традиционной культуры: материалы международной научно-практической конференции научных работников, преподавателей образовательных структур всех уровней, аспирантов и магистрантов, Горно-Алтайск, 14–15 мая 2018 года / Горно-Алтайский государственный университет; под общ. ред. С. Б. Сарбашева. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета. 2018. С. 49–51.
15. Неронова Н. Б. Наименования птиц в русском языке (семантико-грамматический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000. 26 с.
16. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
17. Slovník spisovného jazyka českého (1960–1971) / Hl. Redaktor V. Havránek. URL: <http://sjsj.cjic.cas.cz/> (дата обращения: 03.03.2023).